

РОМАН КИМ

**ТАЙНА
УЛЬТИМАТУМА**

РОМАН КИМ

**ТАЙНА
УЛЬТИМАТУМА**

ПОВЕСТИ И РАССКАЗЫ

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВЛКСМ „МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ“. 1969

РОМАН НИКОЛАЕВИЧ КИМ

Биографическая справка

Известный советский писатель Роман Николаевич Ким (1899—1967) родился во Владивостоке. Детство и юность его прошли в Японии. До 1917 года он учился в Токио в колледже. В 1917 году возвращается на Родину. В 1923 году оканчивает восточный факультет Дальневосточного государственного университета и ведет затем преподавательскую работу, совмещая ее с работой в газетах и журналах. Читает курсы лекций по китайской и японской литературе в Московском институте востоковедения, в Литературно-художественном институте имени В. Брюсова и других московских вузах.

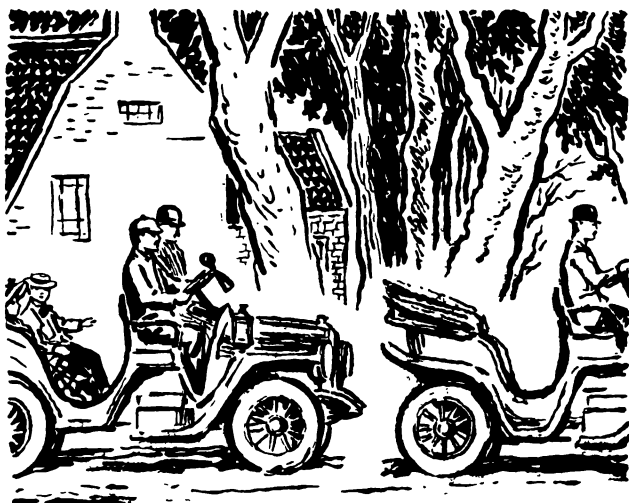
В литературе Р. Ким дебютировал сборником статей и очерков «Ноги к змее». В 1933 году опубликовал памфлет «Три дома напротив, соседних два». Затем появляется серия его новелл и памфлет «Путешествие на американский Парнас».

Впоследствии писателем созданы написанные зачастую на документальном материале приключенческие повести: «Тетрадь, найденная в Сунчоне», «Девушка из Хиросимы», «Кобра под подушкой», «Агент особого назначения», «Школа призрак» и другие, сделавшие имя писателя известным широкому кругу читателей. Все эти произведения являются своего рода памфлетами, вскрывая неприглядную «работу» империалистических разведок, показывая читателю подлинное чужеземное лицо тайных агентов монополий и милитаристов всех рангов. Особенно сильно звучат эти произведения в наши дни.

В предлагаемом читателю сборнике помещены последние рассказы писателя, публиковавшиеся лишь в отдельных периодических изданиях, и повесть «По прочтении смечь».

РАССКАЗЫ

ДЕЛО ОБ УБИЙСТВЕ ВЕЛИКОГО СЫЩИКА

1

На четвертом круге гостя рухнула вместе с мотоциклом у живой изгороди возле ворот — слишком круто повернула. К ней подбежали дети. Гостя приподняла длинную юбку и, показав зеленые чулки, стала потирать колено. Но, очевидно, ушиблась не так сильно — она смеялась и трясла головой с высоко взбитыми золотистыми волосами. Сквозь плотно закрытые окна не было слышно ни хохота гостыи, ни криков детей.

Она снова села на мотоцикл и промчалась мимо дома в сторону теннисного корта.

Секретарь Альфред Вуд подъехал в автомобиле к веранде, взял из рук старшей горничной потрепанный саквояж и швырнул его на заднее сиденье. Судя по этому жесту, цвету его физиономии с квадратным подбородком и оттопыренному правому карману макинтоша, можно было заключить, что его совсем не

устраивает поездка в Олдершот, что он с утра принял порцию бренди и решил подкрепляться в дороге. Отсюда следовало, что детей с ним посылать не стоит.

На веранде появилась маленькая энергичная фигурка миссис Дойль. При виде ее Вуд вскочил и вытянулся, как перед генералом. Миссис Дойль сказала ему что-то, тряхнув головой, украшенной, как всегда, ослепительно белым чепчиком.

Стоя у окна, сэр Артур приминал пальцем табак в трубке. Его пышные моржовые усы сердито топорщились.

Вчера вечером в усадьбу нагрянули гости; на этот раз миссис Дойль приехала без всякого предупреждения, да еще в сопровождении пухленькой американки.

Войдя без стука в кабинет сэра Артура и быстро оглядев комнату, она сказала:

— Я видела во сне Луизу и решила навестить ее. Весной легочным больным всегда становится хуже.

— А кто с тобой приехал? — спросил сэр Артур. — Врач?

— Нет, ее зовут Орора Килларни. — Миссис Дойль еще раз обвела взглядом кабинет. — Она специально приехала в Эдинбург, чтобы познакомиться со мной и засвидетельствовать свое почтение... А почему у тебя теперь два письменных стола?

— Второй для Вуда. Когда я диктую ему что-нибудь, он садится туда.

— А где он вообще работает?

— У себя в комнате.

— А у него тоже такие шкафы?

— Нет, все шкафы с бумагами здесь.

— Так вот... когда ты был в Америке, Орора слушала твои лекции в Детройте и Нью-Йорке...

— Постой, мама. Сколько ей сейчас?

— Она сказала, двадцать пять. А что?

Сэр Артур улыбнулся.

— Я ездил в Америку в девяносто четвертом, то есть двенадцать лет назад. Ей тогда было всего тринадцать, а таких девчонок на мои лекции не пускали. Или она врет, что слушала меня, или врет насчет своего возраста.

— Не перебивай меня. Она говорит, что любит читать твои книги, и я ей верю, потому что она знает наперечет все твои сочинения. Кроме исторических. Когда я ей сказала, что видела во сне, будто Луиза поднимается на крышу церкви, — миссис Дойль показала на колокольню, торчавшую вдали над соснами, — Орора сказала, что, очевидно, больной грозит большая опасность и надо сейчас же ехать к ней.

— Она толковательница снов?

Миссис Дойль строго посмотрела на него.

— Она учительница школы в пригороде Филадельфии, преподает алгебру. И страстная поклонница твоего таланта. У нее собраны все твои книги, вышедшие в Америке и у нас, и даже все номера «Стренд-мэгэзина» с твоими произведениями, кроме исторических. И когда я сказала, что поеду к тебе, она чуть не на коленях стала умолять меня взять ее с собой. Сказала, что для нее будет величайшим счастьем побывать в усадьбе Андершоу и увидеть своими глазами, как творит писатель, давший миру гениального героя...

Сэр Артур хмыкнул.

— Она ничего не увидит. Я никого, кроме Вуда, не пускаю в свой кабинет. Ты ведь знаешь об этом.

— Я ее предупредила, что хозяйка усадьбы тяжело больна, уже давно прикована к постели и что ты сейчас не принимаешь гостей, но она сказала, что будет просто моей компаньонкой, а вовсе не гостьей. Шкафы у тебя все новые и вместительные. Запираешь на ключ?

— Нет, а зачем?

— А где та пишущая машинка, которую ты купил в Саутси?

— В комнате Вуда. Он научился печатать на ней. Грохочет, как японский пулемет.

— Орора совсем не гостья, просто приехала со мной. Не сердись, Артур. Ты должен проявлять любезность к своим поклонницам и особенно иностранным. Она ничуть не помешает тебе, поживет недельку, будет вести себя тихо, как мышь.

И вот с утра эта золотоволосая мышь в клетчатой

юбке и зеленых чулках бегала по саду, играла в теннис и серсо, каталась в тележке по миниатюрной монорельсовой дороге в нижней части сада и наконец стала показывать свое искусство ковбойской езды на мотоцикле. А скоро попросит дать ей лассо. Несмотря на свое звание учительницы, она ведет себя как подросток. Заметная склонность к полноте ничуть не отражается на ее подвижности. Семнадцатилетняя Мэри и четырнадцатилетний Кингзли в восторге от вселой преподавательницы алгебры.

Но сэр Артур не разделял чувств своих детей. Рабочий день испорчен. Сейчас он, правда, ничего не писал — исторический роман о сэре Найгеле уже давно закончен и скоро должен появиться в «Стренд-мэ-гэзине». Но надо готовить новые рассказы, а сбор материала и обдумывание сюжета тоже требуют полного спокойствия.

За утренним завтраком мама заявила, что она пригласила профессора Эдинбургского университета, светило медицины, которого в свое время вызывали на консилиумы к королеве Виктории и принцу Альберту. Профессор, несмотря на свой преклонный возраст и занятость, любезно согласился осмотреть Луизу и придет сегодня в полдень в Хейзлмир. Сэру Артуру придется встретить его.

Сэр Артур выразил удивление. В нескольких милях от усадьбы Андершоу проходит железная дорога. Профессор мог бы сойти на полустанке, в крайнем случае — в Хайндхеде, но не в Хейзлмире. Тряхнув чепчиком, мама заявила, что знаменитому ученому, которого приглашают даже в королевский дворец, не подобает выходить из поезда на какой-то захолустной станции, не обозначенной ни на одной географической карте.

А секретаря Вуда миссис Дойль попросила съездить еще дальше — в Олдершот и выполнить несколько поручений: купить нюхательную соль особого сорта, ее делают только в Олдершоте и в Рединге, и захватить к отставному полковнику Мелтон-Моубрею, живущему около Фарнема, и взять у него книгу о битве под Ватерлоо, в которой подробно описываются

действия бригады генерала Дениса Пака. Мать сэра Артура гордилась своим дядей-генералом и уже давно просила полковника дать ей почитать эту книгу. Неделью назад от полковника было получено письмо — он просил прислать за книгой.

А американка поручила Вуду достать ей лекарство от мигрени — в готовом виде лекарство не продается, надо заказать в аптеке и подождать, пока его приготовят.

Итак, день был испорчен и у сэра Артура и у его секретаря. Поездка в Хейзлмир для встречи профессора займет не меньше двух часов: Вуд, пожалуй, вернется только к ужину. А по расписанию, составленному на неделю, имелось в виду сегодня с утра заняться набросками и выписками, заполнившими все ящички кипарисового шифоньера, стоящего у окна. Завтрашний день, возможно, тоже пойдет на смарку.

Вуд засунул в карман сюртука рецепт, который вручила ему с обворожительной улыбкой Орора, дал гудок, ударив кулаком по резиновой груше, и отъехал от веранды. Вслед за ним отправился на другой машине сэр Артур. Он сел рядом с шофером Холденом, а Мэри и Кингзли расположились на заднем сиденье. Миссис Дойль и Орора провожали машину до ворот. Американка долго махала вслед платком — таким же зеленым, как ее чулки, — как будто сэр Артур уезжал в далекие края.

2

Вернулся сэр Артур перед самым обедом. Дети со смехом выскочили из машины и стали рассказывать Ороре, как их в дороге вымочил дождь. К тому же пришлось сделать большой круг, проехать в сторону Питерсфильда, так как мост через реку Уэй начали ремонтировать несколько дней назад. А профессор так и не приехал — ни с первым, ни со вторым поездом. Они зря проторчали на вокзале в Хейзлмире целых три часа.

Сэр Артур сказал матери:

— Ваш знаменитый эскулап, очевидно, забыл о своем обещании.

Миссис Дойль удивленно развела руками.

— Он всегда такой аккуратный и предупредительный. И так хотел познакомиться с тобой. Может быть, срочно вызвали куда-нибудь... и он не успел послать телеграмму.

— Наверно, вызвали к турецкому султану, — произнес без улыбки сэр Артур.

Вскоре вернулся и Вуд. Он сунул пакетики старшей горничной, процедил что-то сквозь зубы и, подняв широкие плечи, прошагал военной походкой к себе в комнату рядом с буфетной. Ему тоже не повезло — полковник Мелтон-Моубрей, как сообщила его экономка, уже третий месяц находится во Франции на Лазурном берегу. С помощью Вуда экономка перерыла всю библиотеку, искала даже на чердаке, но не нашла нужной книги. С лекарством для Оро-ры тоже получилось неудачно — в аптеке сказали, что рецепт составлен либо пьяным, либо полным невеждой. Единственное, что удалось достать Вуду, — это нюхательную соль. Но это была самая обыкновенная нюхательная соль, и в четырех аптеках Олдершота его клятвенно заверили, что в цивилизованном мире принято употреблять только этот сорт соли, и если есть еще какой-нибудь другой, то его надо искать разве на Южном полюсе.

Миссис Дойль сказала, что, вероятно, полковник прислал ей письмо из Канн — она не обратила внимания на почтовую марку и штемпель. А американка рассмеялась и высказала предположение, что олдершотские аптекари, очевидно, не признают современной медицины.

Вуд передал сэру Артуру несколько книг и, как всегда, отрапортовал по-военному:

— Заезжал на почту, только что пришли из Америки, отправитель — редакция журнала «Нью-Йорк уикли».

Сэр Артур поднял брови.

— Издали мои рассказы? Без разрешения!

— Нет, не ваши. Об американском сыщике. И пи-

сьма. — Вуд передал сэру Артуру три книжки и пачку писем. — И есть еще одно письмо.

— От кого?

Вуд усмехнулся и показал конверт. На нем крупными буквами было выведено: «Достопочтенному Шерлоку Холмсу».

Сэр Артур махнул рукой.

— Ответьте как всегда.

Такие письма приходили довольно часто. Отправители просили помочь им найти преступника или пропавшие ценности, либо распутать какую-нибудь тайну. Каждый раз Вуд отвечал одно и то же: автор, к сожалению, не может выполнять функции выдуманных им героев; нужно обратиться в полицию.

Сэр Артур закурил трубку и, усевшись в кресло в углу столовой, стал перелистывать книжки с красочными обложками. Мать и Орора на цыпочках вышли из комнаты, а Вуд направился в кабинет.

За обедом сэр Артур показал на книжки, лежавшие на подоконнике.

— Ужасная чепуха. В первом рассказе под заглавием «Один волосок» рассказывается об убийстве в пансионе женского колледжа. Заколов девицу, убийца пьет воду из стакана, и на нем остается волосок от усов. Очевидно, убийца находился в стадии линьки. По этому волоску гениальный Ник Картер находит преступника в соседнем городе. Идиотская книга. Литература для готтентотов.

Миссис Дойль бросила взгляд в сторону американки и укоризненно покачала головой. Сэр Артур кашлянул в руку и добавил:

— Я хотел сказать, что такие рассказы можно мастерить по три штуки в день.

Вуд открыл рот, но не решился вставить слово. Он покосился на Орору. Она перехватила его взгляд и улыбнулась.

— Мистер Вуд, наверно, хочет сказать, что у нас в Америке это уже делается. В Нью-Йорке действительно такие книжки фабрикуют в большом количестве.

Миссис Дойль откинулась на спинку стула.

— То есть как это... фабрикуют?

Орора кивнула.

— Выпускают в таком количестве, чтобы удовлетворить спрос.

Она стала объяснять.

Первая вещь из серии «Приключения Ника Картера» появилась в Америке в 1886 году, то есть в том же году, когда была написана первая книга о великом английском сыщике — «Этюд в багряных тонах». До прошлого года, за девятнадцать лет, в Америке вышло семьсот восемнадцать книг о Нике Картере, причем каждая книжка — это не рассказ, а целый роман. В среднем выпускается в год тридцать семь романов из этой серии.

— Тридцать семь? — миссис Дойль сделала круглые глаза. — Тридцать семь романов в год? Неужели один писатель может сделать столько?

— Очевидно, у него не две руки, а больше, — сказал сэр Артур.

— Говорят, что пишут двое, — сказала Орора. — Джон Коризэл и Юджин Сойер. Но я склонна думать, что они просто владельцы предприятия, и у них работает...

— Эскадрон авторов, — буркнул Вуд.

Сэр Артур вздохнул.

— А я пишу один... и то не каждый день. Как тут угонишься за Ником Картером! Может быть, мне закрыть мое жалкое предприятие? Разделаться с моим героем...

Миссис Дойль и Орора переглянулись. Орора многозначительно прищурила глаза. Сэр Артур усмехнулся и попросил у дам разрешения закурить. После обеда настроение у него улучшилось. Он предложил Вуду сыграть партию в бильярд, но секретарь сказал, что надо разобрать почту за два дня и отослать верстку в редакцию журнала.

— Орора, кажется, играет, — сказала миссис Дойль.

Кингзли подтвердил:

— Лучше меня... то есть лучше мужчины.

Сэр Артур отвесил церемонный поклон.

— Имею честь вызвать вас на поединок, миледи.

Орора, прихватив пальцами юбку, сделала реверанс.

— Я давно не играла... и к тому же против такого партнера... Пожалуй, буду все время киксовать.

Они прошли в бильярдную. Сэр Артур выбрал кий для Ороры. С первых же ударов выяснилось, что она играет довольно прилично. Первую партию выиграл он, вторую — она.

— У вас блестящие задатки, — сказал сэр Артур. — Вы отлично делаете оттяжки и резаные дуплеты. Вам надо сразиться с нашим бравым отставным майором. Он играет как тигр, но с вами ему будет очень трудно...

— Почему?

— У него будут дрожать руки. Разве вы не заметили, как он украдкой пожирает вас глазами?

Орора стала поправлять сбившуюся набок прическу.

— Этого я не заметила, но мне кажется, что мистер Вуд весьма застенчив. Пожалуй, слишком застенчив для воина.

— Вуд — герой бурской войны, отличился под Блумфонтейном, отчаянный смельчак, никого и ничего не боится, кроме бога и... хороших блондинок.

Орора стала натирать кий мелом и перевела разговор на другую тему.

— Я давно хотела узнать... Вы сразу решили назвать вашего героя его именем?

— Нет, сперва думал назвать Шарпсом, потом Шарринфордом, но что-то мне не нравилось. И наконец, остановился на чисто ирландском имени — Шерлок.

— Всем известно, что прототипом вашего героя является профессор Белл из Эдинбургского университета. А доктор Ватсон? Это тоже реальное лицо?

— Да. Это мой друг по Саутси, профессор Джеймс Ватсон. А у меня — Джон Ватсон.

В дверях появился Вуд.

— Простите, у меня срочное дело...
Вид у него был встревоженный. Хозяин дома извинился перед гостьей и вышел в коридор.

3

— Вы сегодня работали? — спросил шепотом Вуд. Сэр Артур пожал плечами.

— Когда же я мог работать? Следом за вами я поехал встречать этого проклятого профессора и вернулся только к обеду. Ни разу не заходил в кабинет. А что случилось?

— Значит, вы совсем не заходили? — Вуд был озадачен. — И шифоньер у окна не открывали?

— Как я мог открывать его, если не был в кабинете?

— А вчера вечером?

— Вчера я вышел из кабинета, когда сменялись сиделки у Луизы, а вы оставались там. И больше в кабинет не заходил. И вообще я уже давно не заглядывал в этот шифоньер. Что случилось?

Вуд покачал головой.

— Очень странно. Мне кажется, что в кипарисовом шифоньере и в шкафу у второго стола папки лежали совсем не так. Все перепутано. И в большом шкафу сколотые журнальные вырезки оказались на другой полке. Я туда их не клал.

Они прошли в кабинет. Вуд стал открывать по очереди шкафы, ящики обоих письменных столов и шифоньера.

— Вот эти копии чистовиков сборника «Зеленый флаг» были здесь, а выписки для «Бригадира Жерара» тут. Остальное в этом шкафу в порядке. Только эти рецензии на «Роднея Стона» лежали, кажется, здесь, а не там. И в этом шифоньере тоже... Эти связки с черновиками «Норвудского архитектора», «Чарльза Мильвертона» и «Золотого пенсне» лежали не так. И папки с гранками «Греческого переводчика», «Сорского договора» и «Серебряной звездочки» тоже сдвинуты. Полки я недавно привел в порядок, занумеровал все, даже эти тетрадки, я ведь хорошо помню, как все лежало, а теперь как будто кто-то рылся...

Сэр Артур пристально посмотрел на секретаря.
— Альфред, в последнее время вы иногда... это самое... И сегодня с утра тоже. Может быть, в таком состоянии искали что-нибудь и все перемешали.

Вуд нахмурился.

— Я принимаю порцию только перед сном и то изредка. Только тогда, когда побаливает рана. И никогда не вхожу в кабинет в неподобающем состоянии. А сегодня утром я сделал исключение... чтобы не простудиться в дороге.

Сэр Артур закивал головой и провел рукой по плечу секретаря.

— А когда вы в последний раз открывали эти шкафы?

— В последний раз... — Вуд наморщил лоб. — Пожалуй, во вторник. Да, во вторник. В тот день, когда приезжал турецкий генерал.

— После вы ничего не замечали?

— Нет.

Сэр Артур прошелся по кабинету и, остановившись у окна, произнес:

— Выходит, что кто-то заходил сюда в эти дни. Давайте припомним, когда нас обоих не было дома.

Вуд поднял кулак и стал отгибать пальцы.

— Во вторник я был здесь целый день, и вы тоже. И приезжал Инес с приятелем. В среду я ездил на почту, но вы оставались дома...

— И почти весь день сидел в кабинете.

— В четверг тоже. А в пятницу вы ездили в Брайтон, но я был дома и Мэри тоже, к ней приезжала мисс Грейфилд с гувернанткой. Я работал у себя в комнате. А сегодня нас обоих не было до обеда, но в доме оставались люди.

Сэр Артур и Вуд пришли к выводу: неизвестный мог проникнуть в кабинет либо в среду в первой половине дня, когда Вуд ездил на почту, а сэр Артур больше часа сидел наверху с больной, у нее был врач, либо в пятницу, когда сэр Артур ездил в Брайтон, а Вуд работал в своей комнате в течение часа, в то время, когда Мэри и ее гости гуляли в роще за церковью.

В ночное время попасть в кабинет невозможно — окна закрыты изнутри, парадная дверь и дверь на веранде тоже. Проникнуть в дом можно только днем и только со стороны веранды — пройти в холл, откуда идет лестница вверх, юркнуть в боковой темный коридор, ведущий в бильярдную, и пробраться в кабинет с другой стороны, не проходя мимо столовой и двух гостиных.

— На прошлой неделе обокрали соседнюю усадьбу, — сказал Вуд.

— Грейфилда?

— Нет, Крайстчерча. Я узнал об этом вчера. Залезли к нему через французское окно и утащили шкатулку с драгоценными камнями и коллекцию амулетов. В прошлом месяце была кража в доме викария. Украли старинные настольные часы и маленькую картину Констебля. А теперь у нас... Может быть, это дело рук одного и того же вора или шайки?

Сэр Артур покачал головой.

— А зачем было рыться в моем кабинете? В шкафах, набитых исписанной бумагой?

— Наверно, искали деньги или какие-нибудь ценные книги. А может быть, украли что-нибудь в других комнатах нижнего этажа, а здесь порылись просто для отвода глаз.

— Надо проверить, не пропало ли что-нибудь в других комнатах.

Вуд опросил прислугу и установил, что в других комнатах все на месте — никаких следов вора. Попутно Вуд выяснил, что сегодня, во время отсутствия его и сэра Артура, дверь веранды была закрыта на ключ, миссис Дойль и американка сидели в зеленой гостиной, играли в карты и читали.

— Может быть, заявить в полицию? — спросил Вуд.

Сэр Артур сказал, что пока заявлять не стоит. Пусть Вуд съездит к Крайстчерчу и викарию и поговорит с ними. Возможно, что полиция уже напала на след преступника. Пока лучше не предавать огласке происшествие в Андершоу. И не надо ничего говорить

Крайстчерчу и викарию. Не дай бог, если узнают газеты, сейчас же нагрянет орава репортеров, а вместе с ними любопытствующие бездельники, и все пойдет вверх дном.

Вуд посмотрел в окно. В том углу сада, откуда открывался вид на долину, прогуливались миссис Дойль и Орора.

— Дамам не надо говорить, — сказал Вуд. — Испугаются.

Сэр Артур согласился.

— Конечно, не стоит. Вор был либо в среду, либо в пятницу, то есть до их приезда.

— А сегодня никто не мог залезть, потому что дамы сидели в зеленой гостиной, откуда видна веранда.

4

Вуд вскоре уехал, а сэр Артур вышел в сад и стал прогуливаться по дорожке мимо клумб и подстриженных кустов шиповника. Сзади слышались легкие шаги. Сэр Артур обернулся. К нему подошла улыбающаяся Орора.

— Простите, я вам, наверно, помешала? Вы обдумываете что-нибудь?

— Нет. Я сочиняю всегда сидя. Хожу просто для моциона.

Орора пошла рядом. Она посмотрела на дом с красной черепичной крышей, на верхушки сосен и берез и глубоко вздохнула.

— Буду всю жизнь вспоминать этот день. Какое это счастье видеть своими глазами все это... и разговаривать с обожаемым писателем.

Сэр Артур оглядел Орору с головы до ног и, вынув трубку изо рта, сказал:

— Вы хотели покататься на мотоцикле, но вам, к сожалению, не удалось. И после обеда вы делали какие-то записи для себя.

Орора приоткрыла рот и остановилась.

— Как вы узнали?

— Очень просто. К вашей юбке сбоку пристали

мокрые листья папоротника, а он растет только в том углу сада, где сарайчик с мотоциклом и велосипедами. Но садовник, у которого ключи от сарайчика, уехал вместе с Вудом. Поэтому вам не удалось поката́ться. И кроме того, подол юбки не запачкан, а если бы вы ездили на мотоцикле, то на юбке были бы следы грязи, потому что у ворот земля еще не просохла. Что же касается записей, то указательный палец вашей правой руки слегка запачкан чернилами. Перед обедом вы мыли руки, и они были чистыми, значит, вы писали после обеда. Но писали не письма, потому что нет смысла писать в Америку, вы все равно скоро поедете на родину. Следовательно, вы делали записи для себя. И довольно важные записи, потому что писали не карандашом, а пером.

Орора захлопала в ладоши.

— Поразительно! Теперь я поняла, что автор и его изумительный герой — одно и то же лицо.

— И совершенно напрасно вы не носите очки, — продолжал сэр Артур. — Они вам должны идти.

— И это вы узнали?

— Во-первых, вы щурите глаза и не только тогда, когда разговариваете с Вудом, но и когда беседуете с миссис Дойль и Мэри. Значит, щурите глаза не из кокетства, а потому что вы близорукая. И время от времени бессознательно подносите большой и указательный пальцы к правому глазу — это жест тех, кто носит очки.

Орора подняла обе руки.

— Сдаюсь. Больше не надо... Ваша проницательность пугает меня. Ни одна мелочь не ускользает от вашего внимания.

Он снисходительно улыбнулся.

— Это профессиональная черта сочинителей.

На лице Ороры мелькнула лукавая усмешка.

— Вы часто получаете письма от читателей?

— Да. Особенно много получил, когда мне дали звание сэра. Незадолго до этого была напечатана «Собака Баскервиль», и многие решили, что звание сэра я получил за эту повесть.

— Я слышала, что одна читательница прислала

вам письмо, написав на конверте — лорду Баскервиллю. Это правда?

— Да.

— А читатели пишут вам о ваших ошибках?

— Каких ошибках?

Она тихо засмеялась.

— Я хотела написать вам, но не решилась. В ваших произведениях попадают ляпсусы... Иногда ваша внимательность изменяет вам.

— Например?

— А вы не рассердитесь?

— Наоборот, буду признателен вам.

— Значит, не будете сердиться? Тогда слушайте.

Орора стала перечислять ошибки сэра Артура.

Доктор Ватсон — друг великого сыщика — был назван с самого начала Джоном, но в «Человеке с рассеченной губой» жена доктора именует его почему-то Джеймсом. Станные вещи происходят с раной Ватсона. В «Этюде в багряных тонах», где он впервые был представлен читателям, говорится, что он был ранен в Индии, под Мэйуондом, в плечо. Но в «Знаке четырех» сказано, что Ватсон был ранен в ногу. В «Биржевом маклере» тоже — там сказано, что, когда меняется погода, доктор гладит ногу — ноет рана. А в других рассказах говорится, что Ватсон ранен в руку. Куда же на самом деле он был ранен? В плечо, в ногу или в руку? В «Серебряной звездочке» Стрейкер выводит лошадь из конюшни в поле и пытается ее искалечить; лошадь ударом копыта убивает его и убегает, но почему-то не в конюшню, обратно, а совсем в другое место — в Кэплтоун, к чужим людям. Нормальная лошадь, конечно, побежит в родную конюшню, а не куда-то в совсем незнакомое место. В «Собаке Баскервилей» сестра Степлтона просит сорвать орхидею. Судя по дате отчета, посланного Ватсоном Шерлоку Холмсу, дело происходит в октябре. Но ведь общеизвестно, что в октябре в Англии орхидеи не цветут. Непонятное происходит и в «Обряде Месгрейвов». Там говорится, что человек сделал десять шагов на север, потом пять шагов на восток, затем два на юг, и они, то есть шаги, привели челове-

ка к порогу двери. Дальше говорится, что надо было сделать один шаг на запад, и тогда пришлось бы пройти по коридору, который ярко освещался лучами заходящего солнца. Лучи могли проникнуть в коридор только через дверь. А дверь выходит на восток. Получается, что солнце заходит на востоке. Затем не все ясно с женами доктора Ватсона — неизвестно, сколько их было у него. В одном рассказе фигурирует одна жена, в другом — другая и так далее. А в «Пустом доме» Холмс говорит, что владеет искусством японской борьбы «баритсу». Но такого вида борьбы в Японии никогда не было. Холмс, любящий во всем точность и отличающийся замечательной памятью, спутал, очевидно, «баритсу» с «джину-джитсу». Затем в «Пестрой ленте» — змея никак не могла спуститься и подняться по висящему свободно шнуру...

Сэр Артур поднял обе руки.

— Сдаюсь. Я нокаутирован.

Орора с улыбкой посмотрела на поверженного автора.

— Могу сказать вам в утешение, что не вы один допускаете ошибки. Возьмите, например, Эдгара По, родоначальника литературы о сыщиках.

— У него тоже? — удивился сэр Артур.

— Да. В рассказе «Украденное письмо» Дюпен идет к министру, у которого находится письмо, украденное им у одной особы. Дюпен садится напротив министра у письменного стола и замечает сумочку для визитных карточек, висящую на гвозде над камином. В сумочке, как сообщает Эдгар По, торчит письмо — на нем черная печать с вензелем и адрес, написанный женским почерком. Как же Дюпен мог увидеть одновременно и адрес на письме, который пишется на лицевой стороне, и печать с вензелем, которую ставят только на оборотной стороне конверта? Дюпен же не обладал даром ясновидца.

Сэр Артур рассмеялся.

— Теперь мне стало легче. Эдгар По, значит, тоже допускал промахи. А ведь рассказ «Украденное письмо» считается одним из лучших его творений, подлинным шедевром, но, оказывается, сюжет основан

на грубой ошибке. Вы удивительно внимательная читательница.

— Это у меня профессиональная черта. — Орора скромно опустила глаза. — Приходится проверять тетради учеников и отыскивать ошибки.

— Мне очень приятно, что вы с такой тщательностью читаете мои пустячки.

Орора остановилась и покачала головой.

— Как у вас язык поворачивается говорить такие вещи! Вашего Шерлока Холмса любят во всем мире и особенно у нас, в Америке. Между прочим, американцы читают вас больше, чем англичане.

Сэр Артур прижал руку к сердцу.

— Я очень многим обязан американцам. Когда я сбросил Холмса на дно Райхенбахского водопада, в Америке, как мне сообщили, многие стали носить траурный креп на шляпах. А потом одно из ваших издательств предложило мне воскресить сыщика и обещало платить за каждый рассказ по пять тысяч долларов. Баснословный гонорар. Пришлось воскресить Холмса...

— А ваш «Стренд-мэгэзин», я знаю, платил по пятьдесят фунтов и еще меньше — по тридцать пять. Это же просто грабеж! Ни один американский журнал не позволил бы себе такого. В Англии не ставили пьесу о Холмсе, а у нас поставили.

— Причем женили его, беднягу.

— Публика хотела этого.

Они подошли к веранде. Сэр Артур открыл дверь и пропустил Орору. Она обернулась и коснулась пальчиком его рукава.

— Скажите, сэр Артур... я хочу спросить вас... Почему ваш Ватсон так часто упоминает разные дела Холмса, перечисляет их, но они так и остаются неизвестными. Например, в «Скандале в Богемии» названо загадочное дело братьев Аткинсон и еще какое-то дело, связанное с поручением голландского королевского дома. А в «Пяти зернышках апельсина» говорится о кемберуэльском деле, об обществе нищих-любителей и еще о каких-то похождениях сыщика. Эти два рассказа были напечатаны пятнадцать лет назад, новы

до сих пор не рассказали публике, что это были за дела.

— Это просто прием с целью заинтриговать читателей и показать, как много и успешно работал Холмс.

— Но читатели ведь ждут рассказов об этих делах. Это жестоко с вашей стороны... раздражить и молчать. В «Пестрой ленте» Ватсон сообщает, что у него больше семидесяти записей о приключениях Холмса, во «Втором пятне» говорится, что у Ватсона хранятся записи о сотнях дел сыщика, а в «Золотом пенсне» сказано, что доктор имеет три большие тетради с записями о разных приключениях великого детектива. Публика ждет от вас рассказов о всех этих делах. Вы можете написать... то есть вы должны написать еще несколько сот рассказов о Шерлоке Холмсе.

Сэр Артур выколотил пепел из трубки.

— Нет, мой Холмс это не Ник Картер. И фабрику открывать я не намерен.

5

Сэр Артур поужинал один — дамы и дети провели весь вечер наверху, у больной, которой стало немного лучше. А Вуд, очевидно, задержался у словоохотливого викария или у бывшего судьи Крайстчерча, который чуть не силой заставлял своих гостей играть в карты.

После ужина сэр Артур закрылся в кабинете и стал читать журнальные и газетные статьи об охоте на китов, подобранные для него Вудом. Вскоре после того, как настенные часы пробили два раза, послышалось шуршание гравия и звук затворяемой дверцы машины — наконец-то вернулся Вуд. Увидев, что в кабинете горит свет, он постучал в дверь и вошел.

Сэр Артур окинул его взглядом и произнес:

— Судя по цвету ваших щек и дыханию, у Крайстчерча вы пили джин, он ведь не пьет виски и бренди, и играли в безик или кассино, потому что на вашем правом рукаве следы мела. В доме Крайстчерча нет бильярда, но у него принято во время игры в карты писать цифры мелом на ломберном столике.

А с викарием вы беседовали о собачьих бегах: из кармана вашего сюртука торчит бумажка; судя по формату и шрифту, это программа собачьих бегов.

Вуд шумно высморкался.

— Все правильно, за исключением джина. У судьи сегодня пили арманьяк. Я сперва был у викария, от него отправился в Хейзлмир, заехал к инспектору полиции, моему старому знакомому, а на обратном пути навестил Крайстчерча.

— Что-нибудь выяснили, кроме возраста коньяка и шансов борзых на предстоящих состязаниях?

Вуд вытащил из внутреннего кармана записную книжку и, просмотрев ее, стал докладывать.

Позавчера в Хайндхедде арестовали трубочиста, сидевшего в свое время в тюрьме за кражу. Его подозревают в причастности к краже в усадьбе бывшего судьи. Дома у трубочиста нашли две жемчужины. Они оказались фальшивыми. Он утверждает, что купил эти жемчужины у цыган, бродивших в окрестностях городка. Полиция считает, что, во-первых, трубочист врет насчет цыган, во-вторых, он держал дома фальшивые жемчужины нарочно, чтобы сбить с толку следствие. А что касается кражи у викария, то задержано несколько человек, но никто из них пока не признается. Никаких решающих улик против них еще нет. Возможно, что удастся распутать это дело путем проверки торговых операций, проведенных в последнее время владельцами антикварных лавок в Лондоне — они охотно покупают картины известных мастеров.

— Короче говоря, преступники не обнаружены. — Сэр Артур открыл фарфоровую табачницу и стал набивать трубку. — В жизни их ловить гораздо труднее, чем в книгах.

— Я уверен, что вор, совершивший кражу у викария, и тот, кто залезал в этот кабинет, одно и то же лицо. — Вуд сжал кулак и отогнул большой палец. — У викария можно было бы украсть много других вещей: столовое серебро, китайские безделушки, подозрную трубу и прочее. Но вор взял именно картину Констебля, хотя там висели и другие картины в красивых золоченых рамах, но малоизвестных худож-

ников. Вор выбрал именно Констебля. Отсюда можно заключить, что вор не простой преступник...

Сэр Артур усмехнулся:

— А образованный.

Вуд отогнул указательный палец.

— Он мог залезть сюда, чтобы поискать в шкафах и шифоньерах что-нибудь такое, что можно продать богатым любителям.

— Мои черновики?

— А почему нет? Ваши поклонники были бы рады иметь ваши автографы. И не пожалели бы денег. Или, например, письма, получаемые вами. Может быть, вор узнал на почте о том, что вы получаете письма от видных людей: например, от нашего короля и американского президента, от писателей, вроде Киплинга, Хаггарда и Мередита. Эти письма имеют большую ценность. Любители могут отвалить крупную сумму.

— Кстати, насчет писем. Они в порядке?

Вуд бросил взгляд в сторону маленького письменного стола.

— Все наиболее важные письма хранятся в тумбочке этого стола, я их давно привел в порядок. А тумбочку я закрываю на ключ. Поэтому вор не мог проникнуть туда.

— Значит, письма целы. А если украли черновики, то ничего страшного.

Вуд отогнул средний палец.

— Больше всего они рылись в шифоньере у окна...

— Они! Значит, по-вашему, воров было несколько?

— Нет, я просто так... один или несколько. В этом шифоньере рылись очень усердно и торопились. Запихнули обратно как попало. Здесь только папки с планами и набросками.

— А зачем вору знать планы моих будущих произведений? Просто рылся везде, сюда залез в последнюю очередь и поэтому торопился.

После недолгого молчания Вуд спросил:

— Заявлять в полицию? Или, может быть, сообщить прямо в Скотланд-Ярд, пусть пришлют сыщика высшего класса!

Сэр Артур махнул рукой.

— Не надо. В других комнатах ничего не украли, а если здесь и взяли какие-нибудь листочки, то не стоит из-за этого поднимать шум. Но вы время от времени наведывайтесь к Крайстчерчу и викарию. Если вора найдут, интересно будет узнать, кто он такой! И был ли он здесь! И если был, то с какой целью! Может быть, он действительно охотник за автографами или просто психопат?

Сэр Артур пожелал секретарю спокойной ночи и попросил его передать прислуге: к утреннему завтраку его будить не надо, он еще почитает и ляжет спать поздно.

— А я утром встану пораньше, — сказал Вуд, — и наведу здесь порядок. Проверю папки с копиями чистовиков и черновиками: не пропало ли что-нибудь. — Он остановился у порога. — А что, если вор украл какие-нибудь листки, чтобы научиться писать вашим почерком? Потом изготовит фальшивые письма, компрометирующие вас, явится к вам и начнет шантажировать.

— Если он явится ко мне, — сэр Артур потряс кулаком, — я покажу ему свое искусство бокса. Запомнит на всю жизнь мои инфайты.

6

Сэр Артур проснулся очень поздно. За окном стоял густой туман — не было видно даже кустов вереска, окружавших площадку с гимнастическими снарядами. Камердинер Патрик принес чашку шоколада и газеты и сообщил, что мистер Вуд уехал куда-то с гостьей, Мэри и Кингзли поехали с ними.

Сэр Артур решил до обеда не выходить из кабинета: надо было написать письмо Уэллсу — поблагодарить за присланный недавно роман «В дни кометы» — и ответить бывшему газетному корреспонденту во время бурской войны, а ныне члену парламента Черчиллю. Несколько лет назад сэр Артур председательствовал на предвыборном митинге в Пелмел-клубе, где выступал с речью Уинстон Черчилль. С тех

пор они обменивались письмами — молодой депутат настойчиво убеждал сэра Артура писать только исторические романы, вроде «Майки Кларка» и «Белого отряда», и не расходовать попусту энергию на сочинения другого рода.

Незадолго до обеда приехал сосед Крайстчерч — маленький старичок с пышной серебристой шевелюрой и большими испуганными рыбьими глазами. Он опирался на трость, украшенную серебряным набалдашником в виде головы Медузы-Горгоны — у нее было почти такое же выражение, как и у владельца трости.

Сэр Артур хотел подняться наверх — проведать жену, но сиделка, спускавшаяся с лестницы, шепнула, что больная только что заснула после бессонной ночи. Когда сэр Артур вошел в столовую, стол был уже накрыт. Миссис Дойль слушала рассказ гостя. Он говорил визгливым голосом, проглатывая слова, — наверное, его трудно было понять, когда он в бытность судьей оглашал приговоры.

Разговор шел о краже. Крайстчерч решительно отвергал версию местной полиции. В усадьбу к нему залез вовсе не трубочист. Возможно, он тоже вор, но стащил фальшивые жемчужины где-то в другом месте, а не у Крайстчерча. Кражу совершили цыгане. Половина их воры, а другая половина — мошенники. Очевидно, в этом районе орудует большая воровская шайка цыган, руководимая из Лондона — из района Уайтчепел. И у викария украли картину и часы тоже цыгане. Аналогичные случаи были шесть лет назад в районе Бирмингама, но тогда вожаки цыганской шайки прятались не в самом городе, а в окрестностях Киддерминстера. Главарию тогда дали двадцать лет тюрьмы, а остальным по пятнадцати. Но недавно все они, за исключением двух умерших, бежали из заключения — судя по всему, подкупили надзирателей, которые теперь в большинстве своем продажны.

Воры оставили у Крайстчерча следы в гостиной и кабинете — грязные отпечатки ног и изодранный шейный платок. Фактически это их визитные карточки, но полиция бессильна что-либо сделать. Теперешняя полиция состоит из кретинов, это совсем не то,

что при королеве Виктории. И судьи тоже не те — боятся мести со стороны преступников и ограничиваются минимальными наказаниями. Судьи теперь, как правило, трусы и невежды.

Когда доедали суп, в столовую вошли Вуд и дети.

— Почему вдруг уехала Орора? — спросил сэр Артур у миссис Дойль. — Она ведь хотела побыть неделю.

Вместо ответа миссис Дойль посмотрела на Вуда. Тот ответил:

— Орора перепутала дни и вспомнила, что завтра должна встретить сестру директрисы своей школы, которая приедет в Лондон. Поэтому помчалась на станцию и просила передать вам извинения, что не смогла проститься и поблагодарить за гостеприимство и интересные беседы.

Крайстчерч перебил его:

— Американки обычно не прощаются. Плохое воспитание, недалеко ушли от ирокезов.

— Орора сказала, — продолжал Вуд, — что запомнит на всю жизнь часы, проведенные здесь. Мы чуть-чуть не опоздали к поезду. Лопнула шина на заднем колесе, пришлось сменить. И ехали не на нашу станцию, а в Хейзлмир, потому что оба дневных поезда не останавливаются у нас. Около усадьбы Риджуэя нас попросили подвезти одну старушку в больницу святой Терезы. И мы сделали большой крюк. Еле-еле успели.

— Из баула Ороры высыпались вещи, — сказал Кингзли и расхохотался, — пустые спичечные коробки. Она собирает коллекцию.

— Кстати о Риджуэе. — Крайстчерч обвел всех круглыми глазами, — это, конечно, *entre nous*, его родной племянник окончил Итон, потом учился в Кембридже, но был изгнан оттуда из-за одной пикантной истории... — Он скользнул взглядом по Мэри и Кингзли. — При них неудобно говорить. Недавно срочно укатил на материк. И случайно выяснилось, что он был связан с какой-то шайкой грабителей, совершившей в прошлом году несколько крупных краж и зверских убийств в разных городах. Но Скотланд-Ярд,

куда набирают теперь только слепых и глухонемых, разумеется, не раскрыл ни одного из этих дел. Говорят, что шайка состоит из таких же повес, как племянник Риджуэя. Я уверен, что банда имеет своего сообщника в полиции, поэтому никого не могут поймать.

Сэр Артур покачал головой.

— Слишком категоричное суждение.

— Ничуть. Мы часто теперь слышим о преступлениях, остающихся нераскрытыми. Во времена покойной королевы этого не было.

— И тогда многие преступления тоже оставались не разгаданными, — возразил сэр Артур. — Например, Джека-Потрошителя ведь так и не нашли, хотя вся полиция была поставлена на ноги. А он преспокойно совершил семь убийств и исчез бесследно. И остался навеки загадочной фигурой.

— Полиция тогда установила, что он не был англичанином, — сказал Вуд. — После одного из убийств на месте преступления нашли пуговицу с буквами «эйч» и «кью». Из этого заключили, что убийца был американцем и что одежду он купил в магазине Хендрикса и Куентина в Чикаго. И убивал женщин он не только в Лондоне, но и в Техасе и в Никарагуа.

Крайстчерч кивнул в сторону Мэри и Кингзли.

— При них я не могу сказать, какие убийства совершались в Петербурге до появления Джека-Потрошителя в Лондоне. Он убивал самым страшным образом только женщин... определенной категории. Существует предположение, что русская полиция поймала убийцу, его звали Педаченко, и переправила к нам, в Англию, чтобы вызвать панику.

— В прошлом году в Скотланд-Ярде, — сказал сэр Артур, — мне говорили, что уже несколько десятков обитателей психиатрических больниц в разных странах признались в том, что убивали женщин в Лондоне. Все претендуют на звание Джека-Потрошителя.

Разговор перешел на преступления, которые остались нераскрытыми. Увидев, с каким вниманием дети прислушиваются к беседе, сэр Артур приказал им

выйти из-за стола — десерт им подадут в комнату Мэри.

После ухода детей гость стал подробно рассказывать о деле, недавно взволновавшем всю Америку, — певичку Нан Патерсон обвинили в убийстве коммерсанта Франка Янга, который ехал рядом с ней в фэнтоне и оказался мертвым. На его теле нашли пулевую рану, но пистолет оказался в кармане его пиджака. Присяжные два раза разбирали это дело и в конце концов признали певичку невиновной. Смерть Янга так и осталась тайной.

Сэр Артур заметил, что миссис Дойль хотя и следит за ходом разговора, но выражение лица у нее остается хмурым — она ни разу не улыбнулась во время обеда и не произнесла ни одного слова.

Изложив историю Нан Патерсон, Крайстчерч выразил уверенность в том, что убийцей является певичка. Они почти все склонны к преступлениям, и с ними не следует церемониться.

— Да, многие преступления остаются навсегда

покрытыми тайной, — сказал сэр Артур, наливая гостю и Вуду вишневый бренди.

Вдруг миссис Дойль прервала свое молчание.

— Но некоторые преступления раскрываются вовремя, — сказала она ледяным тоном. — Возмутительные преступления.

Крайстчерч застыл с рюмкой у рта. Он уставился круглыми глазами на хозяйку стола.

— Какие, например?

Миссис Дойль поправила чепчик на голове и, глядя на сэра Артура, произнесла, почти не разжимая губ:

— Например, то, которое было совершено в этом доме.

Общее молчание было нарушено неожиданным стуком — на пол упала трость Крайстчерча. Он вздрогнул и опрокинул рюмку. Быстро накрыв салфеткой пятно на скатерти, он спросил:

— В этом доме?

— Да. — Миссис Дойль показала подбородком на сэра Артура. — Пусть сам скажет.

Крайстчерч повернулся всем корпусом к сэру Артуру и снова уронил трость.

— Пусть скажет, — повторила миссис Дойль, отчеканивая слова. — О своем преступлении. Об убийстве. И пусть наш гость будет свидетелем.

— Ничего не понимаю, — пробормотал сэр Артур.

— Убийство? — вскрикнул Крайстчерч и привстал, зажав трость под мышкой. — В этом доме?

Миссис Дойль молча кивнула.

— В чем дело, мама? — спросил сэр Артур и попытался улыбнуться.

— Сэр Артур убийца? — взвизгнул бывший судья.

7

Миссис Дойль повернулась к Крайстчерчу и начала рассказывать.

Неделю назад на благотворительном базаре в Эдинбурге она познакомилась со школьной учительницей из Филадельфии Оророй Килларни. Орора спро-

сила: почему сэр Артур решил повторить убийство?

Ровно тринадцать лет назад он, несмотря на категорический запрет своей матери, сбросил сыщика на дно водопада в Швейцарии, но потом, увидев, какое негодование во всех странах вызвала эта расправа, принял предложение одного американского издательства и воскресил своего героя.

Однако на этот раз сэр Артур решил убить Холмса окончательно и поделился тайной со своим американским другом — майором Пондом, который в свое время был организатором публичных лекций сэра Артура в Америке. В письме, которое майор Понд получил из усадьбы Андершоу в Хайндхед, говорилось, что в одном из рассказов, который скоро появится в печати, сыщик будет убит так, что больше его никак нельзя будет воскресить.

Орора уговорила миссис Дойль немедленно отправиться в Хайндхед и проверить на месте — действительно ли Холмс приговорен к смерти. Прибыв в усадьбу, миссис Дойль и Орора Килларни решили прибегнуть к хитрости. Под благовидным предлогом заставили сэра Артура и его секретаря уехать из Андершоу на несколько часов. Профессор из Эдинбурга, лекарства, полковник Мелтон-Моубрей — все это было придумано нарочно. Как только автомобиль сэра Артура скрылся за холмами, Орора проникла в кабинет, а миссис Дойль заперла на ключ дверь на веранде и заняла наблюдательный пост в зеленой гостиной.

Все сошло удачно.

Орора тщательно просмотрела все папки и бумаги в письменных столах, шкафах и шифоньере и нашла папку с черновиками рассказов, подготовленных к печати. В одном из них говорится о том, как Холмс погибает от руки убийцы на глазах у Ватсона. Таким образом, на этот раз доктор сам констатирует гибель своего друга. Обстоятельства смерти настолько ужасны, что о них нельзя говорить за обеденным столом. Орора сунула папки обратно в шифоньер и доложила обо всем миссис Дойль.

— Ты втайне готовил это преступление, — сказала миссис Дойль, глядя в упор на сына. — Сколько раз тебе говорила: «Не смей этого делать, нельзя огорчать читателей». А ты не послушался и убил.

Сэр Артур развел руками.

— Это же чепуха. Я вовсе не собирался...

Миссис Дойль постучала пальцем по столу.

— Не смей говорить неправду.

Крайстчерч быстро осушил рюмку и произнес скороговоркой:

— Не надо запираться, это усугубляет вину.

— Орора видела своими глазами черновик. Черным по белому... — Миссис Дойль повысила голос: — Наверно, уже послал рукопись в журнал.

Сэр Артур приложил обе руки к груди.

— Поверь мне... Орора все напутала или просто наврала.

Крайстчерч стукнул тростью об пол.

— В таких случаях надо сознаваться, а не упорствовать.

Сэр Артур грозно пошевелил усами, покраснел и гаркнул:

— А вы не лезьте! В ваши дела я не суюсь. Сутажничаєте со всеми соседями.

Миссис Дойль всплеснула руками.

— Артур, опомнись!

Крайстчерч медленно встал и обвел всех взглядом.

— Вы все свидетели...

Вуд быстро наполнил рюмку судьи и зашептал:

— Не принимайте к сердцу, сэр. Это так...

— Артур, — строгим тоном сказала миссис Дойль, — немедленно извинись, или я сейчас же уйду!

Сэр Артур кашлянул в кулак, привстал и отвесил короткий поклон картине Тернера, висевшей позади Крайстчерча.

— Прошу извинить, сожалею.

Крайстчерч опустился на стул, молча кивнул головой и поднес к губам рюмку. Он решил остаться — пересилило любопытство: что же будет дальше?

После недолгого молчания миссис Дойль спросила:

— Значит, ты не убивал его? И не собираешься?

— Твоя американка нахальная лгунья. — Сэр Артур отпил из рюмки и закашлялся, потом вытер усы салфеткой. — Наглая интриганка.

Крайстчерч кивнул:

— Американки, как правило...

Вуд перебил его:

— Наверно, ошиблась, торопилась...

Миссис Дойль повернулась к Крайстчерчу:

— Будьте свидетелем. Мой сын заявил, что не убивал и не собирается убивать. Дай мне обещание, Артур, раз и навсегда, и тогда я буду спокойна.

— Обещаю, — буркнул сэр Артур.

Крайстчерч обратился к миссис Дойль:

— Следовало бы взять письменное обещание. А я скреплю своей подписью.

Миссис Дойль вскинула голову и произнесла торжественным голосом:

— Достаточно устного. Дойли не нарушают своего слова — это неписаный закон нашего дома.

Крайстчерч повертел в руках трость и произнес:

— А все-таки любопытно... почему эта американка наврала, будто бы видела рукопись об убийстве сыщика? И кто она вообще? Загадочная особа.

— Я не нахожу в ней ничего загадочного, — сказала миссис Дойль. — Очень милая девушка, непосредственная, манеры у нее, может быть, немножко странные, но у них так принято.

Крайстчерч усмехнулся.

— Мне говорили, что у них принято с утра пить виски из кукурузы. И женщины безобразно напиваются.

— Я был в Америке и не замечал этого, — сказал сэр Артур.

Миссис Дойль повернулась к Крайстчерчу.

— В общем Опора мне понравилась, и я ей верю. Она учительница из Филадельфии и поклонница таланта Артура. И, как многие другие читатели, она не хочет, чтобы сыщика убивали.

Бывший судья скривил рот.

— Вы ей верите, но сэр Артур назвал ее отъявленной лгуньей.

— Наверно, она очень волновалась, когда перебирала бумаги, — заметил Вуд. — И ей показалось...

Миссис Дойль кивнула головой и предложила всем перейти в гостиную и выпить кофе с бенедиктином.

Крайстчерч и сэр Артур заговорили о предстоящем крикетном матче между командами Шотландии и Австралии и о шансах Оксфорда и Кембриджа на лодочных гонках в этом году.

— Австралийская команда, кажется, состоит из бывших уголовников, — сказал Крайстчерч. — А что касается лодочных гонок, то это самое настоящее надувательство. Команды заранее договариваются, которая из них придет первой, и потом делятся доходами от тайного тотализатора. Спортсмены в большинстве своем жулики и развратники...

Сэр Артур перебил его:

— Простите, я тоже спортсмен, и, мне помнится, вы однажды рассказали, как взяли приз по плаванию.

— Исключения подтверждают правило, — сказал Крайстчерч.

8

В дверях показалась напояженная голова камердинера Патрика, он позвал секретаря. Вуд вышел и вскоре вернулся, держа в руке записную книжечку в зеленой кожаной обложке.

— Холден нашел эту книжку в автомобиле, в котором мы ездили. Она закатилась в щель сиденья. Помню, что эта книжка была в руках Ороры перед отъездом. Наверное, когда нас встряхнуло около мельницы, эта штука выскочила из баула.

— Надо переслать Ороре, — сказала миссис Дойль. — Она оставила мне лондонский адрес.

Сэр Артур стал просматривать книжку. Были заполнены лишь первые несколько страниц.

— Здесь только отдельные буквы и цифры, — сказал он.

Миссис Дойль улыбнулась.

— Ничего удивительного. Она записывала задачи по алгебре.

— И что-то вроде инициалов, — продолжал сэр Артур. — Похоже на пометки о курсах акций или... о ставках на бегах.

Он вернул книжку Вуду. Крайстчерч надел очки и, подсев к Вуду, наклонился над книжкой.

— Таинственные записи... явно зашифрованные. Очевидно, пометки для донесения. — Он хлопнул рукой по набалдашнику трости. — Понял! Недавно я написал своему другу в Лондон о краже в моем доме. Он, наверно, обратился к заправилам Скотланд-Ярда, и они прислали женщину-сыщика, чтобы нашла воров. Выходит, ваша Орора вовсе не американка и не учительница, а сыщик.

Сэр Артур, не вынимая трубки изо рта, произнес: — Но почему же она приехала сюда, а не к вам? И рылась в моих бумагах?

Крайстчерч наклонил голову набок.

— Очевидно, для отвода глаз. Чтобы обмануть преступников, усыпить их бдительность. Она здесь собрала все нужные сведения и укатила в Лондон. А эти шифрованные пометки — для доклада начальству.

— Неужели она сыщик? — удивилась миссис Дойль. — Вот не думала...

— Они часто принимают такой вид, чтобы никто не мог догадаться. — Крайстчерч повернулся к сэру Артуру. — Ваш Холмс тоже часто прибегает к этому способу. В прошлом году, незадолго до рождества, в Хайндхед приезжал страховой агент, ходил по домам и выяснял кое-что. И оказалось, что он полицейский сыщик. Он посетил меня и получил исчерпывающие сведения о племяннике Риджуэя. И эта Орора, несомненно, тоже сыщик.

Миссис Дойль покачала головой.

— Значит, теперь появились женщины-сыщики? Наверно, отбирают самых храбрых.

— Самые хитрых, — сказал Крайстчерч. — Есть такие дела, где требуются именно детективы в юбке, чтобы не спугнуть дичь. Женщины-сыщики обладают природным тонким нюхом и скорее мужчин могут обнаружить тайну преступления. И женщинам, конечно,

помогает то, что по складу своей натуры им легче понять психологию преступника.

Сэр Артур неодобрительно хмыкнул.

— Все-таки странно, что эта женщина-сыщик как будто искала что-то в кабинете, — сказал Вуд.

Крайстчерч шмыгнул носом:

— Вероятно, что-то искала. Во всяком случае, делала это неспроста. Очевидно, в ходе розыска следы привели куда надо.

— Что вы хотите этим сказать? — спросил сэр Артур. — Я прошу...

Бывший судья наклонил голову набок.

— Я только констатирую факт. Женщине-сыщику понадобилось сделать подобие обыска у вас. А почему, не знаю... теряюсь в догадках.

— Артур, молчи! — Миссис Дойль повернулась к гостю. — Значит, все это она выдумала? Насчет того, что Артур написал письмо в Америку о намерении убить Холмса и что она нашла черновик...

Крайстчерч ответил:

— Сыщики придумывают любые поводы для того, чтобы проникнуть туда, куда им надо. Ваша Орора поступила так, как подобает профессиональному сыщику.

Вуд взял со стола записную книжку и стал снова перелистывать ее. Затем понюхал обложку и провел по ней пальцем.

— Тут записка какая-то.

Он вытащил листочек, который был засунут под бумагу, наклеенную на внутренней стороне обложки.

— У сыщиков всегда такие записные книжки с тайным карманчиком, — пояснил Крайстчерч. — Они туда засовывают денежные взятки. Сыщики, как правило...

— Читайте, — сказал сэр Артур.

9

Вуд стал громко читать:

— «Предложенный вами способ с двойным алиби используем в деле хозяина ювелирного магазина. Его

и приказчика уберем — первого отравим мышьяком, второго удавим и изобразим самоубийство. А насчет жокея-пуэрториканца принимаем ваш план, только пусть сперва вытянет все, что можно, у богатой вдовы. А разделаться с ней можно будет примерно так же, как в деле с крупье из Монако. Будем рады, если вам удастся пробраться к лорду Баскервиллю, уверены, что вам удастся окрутить старушку и поехать вместе с ней в Андершоу, только будьте осторожны. Ваш Р. К. 112, Уолнат-стрит, Филадельфия».

На минуту воцарилось молчание. Потом миссис Дойль дрожащим голосом произнесла:

— Дайте.

Она взяла листочек у Вуда.

— Бандитка! — вскрикнул Крайстчерч. — Судя по всему, она руководила всеми ворами в нашем графстве. И кража у меня, и у викария, и прошлогоднее убийство с грабежом в Олдершоте и прочие нераскрытые дела... все были совершены этой шайкой. Это та самая банда грабителей и убийц в Лондоне, к которой причастен племянник Риджуэя. И ею управляют с той стороны океана. Все ясно!

— Ничего не понимаю... — Миссис Дойль вздрогнула. — Неужели она...

Листочек выпал из ее рук на пол у камина. Крайстчерч вскочил и, подобрав записку, положил на стол.

— Это важное вещественное доказательство.

Сэр Артур подошел к матери и погладил ее по плечу.

— Успокойтесь, мама. Ничего страшного.

— Очевидно, готовят нападение на вашу усадьбу, — Крайстчерч приставил палец ко рту, — наверно, среди вашей прислуги кто-то связан с этой шайкой. Рекогносцировка проведена, и теперь ждите гостей. Между прочим... — он посмотрел на дверь и понизил голос, — ваш камердинер не внушает мне доверия.

Вуд поднял плечи и отчеканил по-военному:

— Заявим в полицию и примем все меры. Пусть только сунутся.

— Какой ужас!.. — прошептала миссис Дойль.

Сэр Артур взял со стола записную книжку, просмотрел записи на первых страницах, затем листочек, извлеченный из кармана обложки.

— Насчет полиции подождем, — сказал он. — У нас два «люгера» и один карманный кольт, и мы оба умеем стрелять. Бояться нечего.

Крайстчерч встал и поклонился миссис Дойль.

— Премного благодарен за прекрасный обед и интересную беседу. Но у меня еще куча дел, надо успеть.

Взяв трость под мышку, он торопливо вышел из гостиной — ему, очевидно, надо было успеть до вечера оповестить соседей о потрясающем происшествии, случившемся в усадьбе писателя.

10

Через два дня на имя сэра Артура пришло письмо из Лондона. На конверте было написано: «Только лично». Вуд осторожно вскрыл конверт и протянул сэру Артуру, сидевшему за письменным столом. От светло-зеленой бумаги шел аромат духов. Почерк женский — торопливый, размашистый.

«Дорогой сэр Артур!

Простите за поспешный отъезд, не смогла даже лично проститься с Вами. Ваша уважаемая мамаша решила, не откладывая, объяснить с Вами за обедом, хотя я просила ее повременить, чтобы пробыть еще день-два у Вас. Но, увы, мои уговоры не подействовали, миссис Дойль, типичная ирландка, мой дед тоже был из Дублина, и я знаю, что такое ирландское упрямство. Я вынуждена была уехать, чтобы не оказаться в неловком положении.

Дело в том, что я соврала Вашей маме, будто бы нашла среди Ваших бумаг черновик рассказа об убийстве Холмса. Она поверила.

Почему я соврала? Объясню все по порядку.

Серия Ника Картера имеет у нас сумасшедший успех. В этом году наметили выпуск 45 книжек вместо прежних 35—37. У них сейчас рабо-

тает пятнадцать авторов, они хотят нанять еще нескольких.

Наше издательство тоже задумало выпустить серию книжек о похождениях сыщика. Но мы отказались от мысли придумывать нового, никому не известного детектива, а решили использовать Шерлока Холмса, которого знают и любят во всем мире и особенно у нас. Ведь пьеса о Холмсе прошла в Америке 450 раз. Сыщик, созданный Вами ровно двадцать лет назад, уже принадлежит не одному Вам, а всему человечеству — так же как Красная Шапочка, Дед Мороз, Синяя Борода и Робин Гуд. И предъявлять в отношении их право собственности так же нелепо, как и в отношении облаков и звезд.

Мы будем выпускать книги о приключениях великого сыщика под видом воспоминаний его самого, а не доктора Ватсона. И мы используем те самые дела Холмса, о которых часто мимоходом упоминал Ватсон (помните наш разговор у входа на веранду?). Читатели ждут с нетерпением рассказов об этих делах, и мы удовлетворим их желание.

Но, для того чтобы выпустить серию книг о Холмсе, нам нужно, чтобы герой здравствовал. А у нас было опасение: что, если Вы надумали прикончить его, как это Вы уже однажды сделали? Если Вы убьете его и это станет известно всему миру, то наши планы рухнут. Необходимо, чтобы сыщик был жив. Для того чтобы проверить, есть ли у Вас намерение умертвить Холмса в ближайшем будущем, издательство послало меня в Англию, чтобы я пробралась к Вам и ознакомилась тайком с Вашими записями и черновиками.

Прибыв в Эдинбург, я познакомилась с миссис Дойль, отрекомендовавшись почитательницей Вашего таланта, и напугала ее сообщением о том, что будто бы Вы собираетесь опять убить своего героя и уже оповестили об этом своего друга в Америке. (Я наврала относительно Ва-

шего письма майору Понду.) И добилаь того, что Ваша мама поехала в Андершоу, взяв меня с собой. Затем я сказала, что будто бы нашла в одном из шкафов в Вашем кабинете черновик рассказа о страшной гибели Холмса. Ваша мама поверила и этому и заявила, что запретит Вам убивать сыщика и возьмет с Вас клятвенное обещание никогда больше не покушаться на его жизнь. Нам нужно было именно это.

Простите, что я без разрешения похозяйничала в Вашем кабинете — осмотрела содержимое шкафов, шифоньера и ящиков двух письменных столов (за исключением двух ящиков маленького письменного стола, закрытых на ключ). Но не беспокойтесь, ничего, ни одного листочка я не взяла, и мы не используем Ваших сюжетов — мы не бандиты.

Сердечный привет глубокоуважаемой миссис Дойль, Вашим милым детям и Вашему секретарю, чем-то напоминающему доктора Ватсона.

Искренне Ваша

Орора Килларни.
24 апреля 1906 года,
Лондон.

Постскриптум.

Я потеряла записную книжку, возможно, у Вас в доме или в автомобиле. В книжке записаны инициалы наших авторов и суммы выданных им авансов. Мы набрали уже 25 человек, и они уже принялись за дело. Очень прошу переслать записную книжку по адресу, который я оставила Вашей глубокоуважаемой маме. Передайте ей сердечную благодарность от нашей фирмы».

Сэр Артур шлепнул ладонью по столу.

— Издательская шпионка! А вовсе не сыщик и не бандитка.

— Хуже бандитки, — сказал Вуд, прочитав письмо.

Сэр Артур встал и несколько раз прошелся по кабинету.

— И как это я не догадался? Ведь так легко было бы понять, кто она. Хорошо знает, сколько книг о Нике Картере выпускается в год и какие гонорары я получал от «Стренд-мэгэзина», знает наперечет мои вещи, где упоминаются неизвестные читателям дела Холмса. Сразу же можно было понять, что для школьной учительницы она слишком осведомлена. И мама тоже... Почему-то расспрашивала меня насчет шкафов. А самое главное, — сэр Артур шелкнул себя по лбу, — Орора нашла ошибки в моих рассказах... Ясно, что это мог сделать только редакционный работник. Это их профессиональная черта, у них особое чутье, как у сеттеров.

Вуд вздохнул.

— Значит, в Америке теперь начнут всюю выстреливать книжки о Холмсе по сотне, а то и больше в год...

— Будут фабриковать, как сосиски в Чикаго. Вот это и будет настоящим убийством Шерлока Холмса. Подлинным, действительным.

Сэр Артур походил несколько минут по кабинету, посасывая потухшую трубку.

— Не могу себе простить, что не разгадал эту чертовку. Наверно, сейчас смеется: этот болван сочиняет всякие истории про сыщика, у самого никакого нюха, никакой наблюдательности... Мне надо потренироваться по этой части, стать самому детективом. А что, если раскрыть тайну какого-нибудь преступления?

— Многие преступления остаются не раскрытыми, — сказал Вуд. — И суды часто ошибаются.

Подумав немного, сэр Артур спросил:

— А когда эта змея вышла в отставку?

— Крайстчерч?

— Да.

— Кажется, три года тому назад. После какого-то странного, темного дела. Там фигурировал не то индус, не то негр. Говорили, что не все было ясно и подсудимый не признался.

— Надо будет заняться вот такими делами, тайнами этих дел, — сказал Конан Дойль.

ОСОБО СЕКРЕТНОЕ ЗАДАНИЕ

Если бы он тогда не коснулся этой треугольной бутылки, все, наверно, сложилось бы иначе. В нашей жизни случайности нередко играют решающую роль.

В тот вечер Шедлок был приглашен на день рождения Дитинго — оба работали в одном и том же участке и оба, несмотря на солидный возраст, были рядовыми полицейскими. Рядом с Шедлоком сидела худощавая брюнетка лет пятидесяти, в очках, с усами на обоих концах красиво очерченного рта. Шедлоку нравилось, как она говорит, — медленно, приглушенным голосом, словно делится секретами. И у нее очень мило приподнималась верхняя губка. И нравилось еще то, как она мизинчиком поправляла очки в золотой оправе.

К тому моменту, когда стали тушить свечи на праздничном пудинге, Шедлок уже ощущал приятное опьянение. Соседка, ее звали Норма, улыбалась неуклюжим шуткам Шедлока, а иногда коротко смея-

лась, чуть откидывая голову. И тут же мизинчиком поправляла очки.

Шедлок сказал ей, что ему уже скоро шестьдесят и что он убежденный холостяк. Она не сказала, как обычно говорят в таких случаях, что он выглядит моложе. Только чуть заметно сузила глаза и пошевелила усами. Когда в другом конце стола помощник инспектора Ньюджент стал показывать свой коронный номер — не совсем приличные фокусы со щипчиками для льда, — Норма повернулась к Шедлоку. Он почувствовал — она внимательно разглядывает его.

И тогда он протянул левую руку к треугольной бутылке виски, стоявшей перед Нормой. На бутылке, оплетенной позолоченной проволокой, было написано не то «Дингл», не то «Димон». И он услышал — Норма сказала с какой-то таинственной и интимной интонацией:

— Дайте вашу руку. Вот эту, левую. Вас зовут...

— Клем, — ответил он.

— Я хочу узнать, кто вы, — тихо сказала она.

Взяв его руку, она повернула ее ладонью вверх. Пальцы у нее были мягкие и теплые.

— Все ясно, — она кивнула головой. — У вас линии руки как у Огдена Нэша.

— Какого Нэша? — удивился Шедлок. — Не знаю такого.

— Это очень известный поэт, его переводят на все языки, даже на китайский. Недавно он получил гонорар из Тайваня.

Шедлок усмехнулся.

— Я служу в полиции уже двадцать четыре года и не намерен менять работу. Скоро выйду на пенсию.

Норма постучала ногтем по своей рюмочке.

— Я не шучу, говорю с вами как специалистка.

На том конце стола Ньюджент уже перестал показывать фокусы. Лейтенант Диммит из кабинета экспертизы начал рассказывать анекдоты — дамы отворачивались и делали вид, что зажимают уши, а в другой комнате сержант Пеппер показывал, как тан-

цуют перуанские индейцы, когда у них наступает сезон любви.

А Норма, положив руку Шедлока к себе на колено, объясняла.

Линия, которая начинается между большим и указательным пальцами и идет вниз к запястью, — это линия жизни. Там же начинается и линия ума, но она ответвляется от линии жизни, проходя посередине ладони вниз. А эта линия, которая идет горизонтально в верхней части ладони — параллельно линии ума, — линия чувства.

Затем Норма показала на линию, идущую от основания среднего пальца вниз по вертикали, к запястью, пересекая линии чувства и ума.

— А вот это... — произнесла она торжественно, — линия судьбы, так называемая основная линия судьбы.

— У меня хорошие линии? — спросил с улыбкой Шедлок. — Может быть, я словлю убийцу, как наш Лопес в прошлом году, и удостоюсь повышения? Я куплю, как он, стереофон Филлипса.

Норма, чуть нахмурившись, продолжала объяснять. Линия жизни имеет шесть типов — в зависимости от того, как она проходит в отношении линии ума. У Шедлока линия жизни типа Ди — потому что у него она возникает вместе с линией ума и отделяется от нее только под средним пальцем.

Что касается линии ума, то она делится на типы О, Эл и Эйч. У Шедлока линия ума типа Эл, потому что кончается в верхней половине ладони. А линия чувства у него типа «один» — начинается между указательным и средним пальцами. Тип «один» встречается наиболее часто. У помощника инспектора Ньюджента, например, линия чувства типа «три» начинается у основания указательного пальца. Это встречается довольно редко.

— Вы по линиям своей руки относитесь к комплексу Ди-Эйч-«один». Кроме Огдена Нэша, такая рука, например, у кинозвезды Ким Новак. Хотя нет, — она мотнула головой, — у той линия жизни типа Би, то есть с самого начала отделена от линии ума.

На повторный вопрос Шедлока, хорошая ли у него рука, Норма улыбнулась уголком рта и, проведя кончиком мизинца по его ладони, прошептала:

— Вы добрый, бесхитростный человек. И доверчивый, слишком доверчивый для человека вашей профессии. И ужасно нерешительный, мнительный... Верно?

Шедлок посмотрел на свою руку так, как будто впервые увидел ее. Потом взял треугольную бутылку и наполнил стопочку Нормы, потом свою. Они чокнулись и выпили, глядя друг другу в глаза. Шедлок покрутил головой.

— Неужели все это написано на руке? Кто бы мог подумать?

Так состоялось их знакомство. Спустя полтора месяца старый холостяк Клем Шедлок с линиями руки комплекса DHI стал мужем Нормы Хоскинг. Их со сватала бутылка виски. Шедлока смущало только одно обстоятельство — Норма была выше его на полтора дюйма. Рост у него был минимальный для полицейского — 5 футов 8 дюймов. Но Норма, очевидно, сочла, что с этим недостатком супруга можно примириться.

Ее кабинет находился на Иллинойс-авеню, недалеко от Кист-парка, на втором этаже небольшого дома — над китайским рестораном. На входной двери внизу на эмалированной дощечке было написано: «Читаю судьбу по линиям руки, даю советы по жизненно важным вопросам».

Норма занималась своим делом уже в течение восьми лет. В свое время она предупредила Аурелию О'Бриен, жену члена законодательного собрания штата, о том, что у той линия судьбы обрывается, но дальше линия идет прямо вниз — это говорило о том, что ей надо начать жизнь заново. Аурелия О'Бриен развелась со своим мужем, и вскоре он попал в неприятную историю с несовершеннолетней мексиканкой, с трудом откупился и уехал в Южную Африку, а она через некоторое время вышла замуж за фармаколога, который изобрел чудодейственные препараты, предупреждающие цирроз печени и сар-

кому, и разбогател. Эта история с Аурелией О'Бриен, ныне Уорли, получила широкую огласку и утвердила репутацию хиромантки.

Авторитету Нормы Шедлок способствовала также большая книжная полка из хромированной стали в ее кабинете, где на видном месте стояли книги «Хирургия руки» С. Баннела, «Эмбриология» Паттена, «Анатомия руки» У. Джонса и массивный альбом «Фотографии рук великих людей XX века». Хиромантка любила ссылаться на имена знаменитых ученых, а также на прославленного французского прорицателя К. Тобэ, который точно предсказал в 1932 году, что начиная со следующего года англичане четыре раза подряд будут завоевывать кубок Дэвиса по теннису.

Став женой Шедлока, Норма уточнила диагноз:

— Вот эти длинные, расходящиеся веером линии, которые идут у тебя от основания большого пальца, пересекая линии жизни и ума, говорят о том, что ты человек с комплексом неполноценности.

— Что это за штука?

— Это... ну, как тебе объяснить попроще. Это когда человек все время чувствует, что он ниже других...

— Наполеон, говорят, тоже не был высоким, — сказал Шедлок. — Франко тоже...

— Я не в таком смысле. Человек, страдающий комплексом неполноценности, думает, что он не такой умный или сильный, как другие. И не чувствует уверенности в себе. Вот поэтому ты, например, не решался жениться. И ты не умеешь поставить себя перед начальством и сослуживцами. Поэтому ты всегда оказываешься дежурным под рождество или в новогоднюю ночь.

— Тебе, наверно, наболтала Эрика.

Так звали жену Дитинго. Норма сердито пошевелила усами.

— Я говорю с тобой на основании своей науки. А с Эрикой я о тебе никогда не говорю. У нас есть более интересные темы.

Норма была права. Шедлок действительно не был

уверен в себе, все время ощущал тревогу за свое будущее. А что, если возьмут и вышвырнут до срока, не дав дослужиться до пенсии? Ему уже стали редко поручать патрулирование на машине. Хотя он лучше всех знает улицы, дома и дворы не только своего участка, но и соседних — знает их так же, как Нормальная линия человеческой руки. И он боялся, что в один прекрасный день его вызовет старший инспектор и скажет:

— С завтрашнего дня будешь обходить кинотеатры.

На эти обходы назначали обычно таких полицейских, которым уже было около шестидесяти или больше — незадолго до их увольнения. Их считали уже непригодными для других дел.

Шедлок чувствовал, что с ним могут разделаться в любой момент. И особенно он боялся нового инспектора Дайамонда. Этот статный молодой человек с шевелюрой бронзового цвета недавно окончил университет и прослужил несколько лет в ФБР. Он ходил всегда в штатском, был одет с иголочки, курил дорогие сигары, у него были длинные, тонкие пальцы, как у музыканта. Весь персонал участка побаивался Дайамонда — его прозвали Аллигатором. Стало известно, что его дядя занимает видное положение в муниципалитете и что он сам приходится родственником по жене генеральному прокурору штата. И еще говорили, что у Аллигатора сильная рука в Вашингтоне.

Вначале Аллигатор не обращал никакого внимания на Шедлока, но однажды во время ночной операции, когда ловили двух подделывателей чеков, Шедлоку пришлось помогать дежурному офицеру, принимая по телефону донесения оперативной группы. Надо было тут же докладывать обо всем Аллигатору. И тот вдруг стал кричать на Шедлока:

— Говорите быстрее и громче! Бормочете, как пьяная старуха.

Аллигатор стал все чаще и чаще придирааться к Шедлоку. И это еще более усилило его тревогу. Он стал внимательно разглядывать на своей левой руке линии, идущие от большого пальца в сторону ли-

нии жизни — линии комплекса неполноценности. Ему стало казаться, что эти линии в последнее время стали еще глубже.

Он поделился своими опасениями со своим другом Дитинго. Тот вздохнул.

— Мы все трясемся. Аллигатор может выгнать кого угодно, даже шефа.

Докурив трубку, он продолжал:

— Ты умеешь держать язык за зубами, не проговоришься никому. Ньюджент сказал мне... только помни, это совершенно секретно. Недавно с Аллигатором случилась история. Он получил конверт с деньгами от владельца одного мотеля, там был азартный притон с девицами. А потом кто-то донес городскому прокурору, но дело замяли. А в прошлом году осенью в соседнем штате Аллигатор подстрелил на охоте одного врача, но выкрутился — доказал, что попал нечаянно. Хотя говорят, что он призовой стрелок и что он путался с женой этого врача.

— Интересно было бы узнать... — Шедлок усмехнулся, — какие линии руки у него.

— Во всяком случае, не такие, как у нас с тобой, — сказал Дитинго.

К Норме часто заходил ее двоюродный брат Род, работавший в баре около аэропорта. Ему было сорок с хвостиком, чертами лица он походил на Норму, одевался хорошо, но слишком крикливо. Одно время был певцом в джазе, его ценили за хриловатый ласковый голос, так называемый виски-баритон, но потом он совсем охрип и перестал петь.

Род почти никогда не разговаривал с Шедлоком, зато часто и подолгу шептался с Нормой с видом заговорщика. Норма говорила, что кузен поставляет ей клиентуру — желающих узнать свою судьбу.

Однажды за ужином Норма, которая никогда не интересовалась служебными делами своего мужа, вдруг спросила — будет ли он дежурить завтра и когда? Шедлок ответил, что по распоряжению начальника городской полиции все патрульные машины их участка будут завтра переданы в распоряжение специальной розыскной группы. Поэтому Шедлок вместо пат-

рулирования будет всю ночь находиться в резерве — сидеть в участке.

— А что будет делать твой дружок Ньюджент? — спросила Норма, убирая тарелку с салатом. — Кружить в своем районе?

— Нет, Ньюджента с его группой пошлют ночью на Гринвилл-авеню. Зачем — не знаю. У нас не полагается интересоваться чужими делами.

Норма засмеялась одними губами — она никогда не смеялась всем лицом. Когда Шедлок, выпив кофе, направился к креслу в углу комнаты, Норма спросила:

— А кто же будет заменять Ньюджента в его районе?

Шедлок пожал плечами.

— Никто не будет. Может быть, под утро пошлют меня или кого-нибудь из резерва — просто для объезда. Ведь тот район тихий, там нет ни одного бара и других заведений.

Этот разговор произошел в понедельник вечером. А в среду утром Шедлок, придя на службу, узнал, что ограбили ломбард в их участке, в том районе, которым ведал Ньюджент. Грабители ранили сторожа-метиса. Ограбили ночью, как раз после того, как группа Ньюджента была переброшена в другой район. На той улице, где находился ломбард, в то время не было ни одного постового и ни одной патрульной машины. Выяснилось, что в ломбарде принимали оружие в заклад, но не сообщали своевременно в полицию о поступлении оружия. Грабители захватили несколько карманных «вальтеров».

А через два дня на голову Шедлока обрушился удар.

Его вызвали к Аллигатору. Тот жестом показал на стул, стоящий в углу комнаты, и, перекатив сигару в другой конец рта, произнес:

— Скоро у вас будет двадцать пять лет? Очень рад, что вам обеспечена пенсия. Поселитесь за городом в уютном домике и будете разводить цветы. Любите цветы?

Шедлок привстал и кивнул головой.

— Очень люблю. Всегда любил.

— Может быть, хотите служить сверх срока?

Шедлок попытался улыбнуться.

— Если начальству... то есть вам, будет угодно... я с великой радостью послужу. За все двадцать четыре года и три месяца я не имел ни одного замечания... Моя беспорочная служба...

— Стоп. — Аллигатор вынул сигару изо рта и положил ее на край пепельницы. — Поговорим насчет вашей беспорочной службы, Шедлок. Два итальянца, ограбившие ломбард, пойманы, и один из них признался мне во всем. Он узнал от бармена Рода Хоскинга о том, что в тот час улица, где находится ломбард, будет совсем свободна от полицейского надзора. Бармен показал, что об этом вы доложили своей жене. Это верно?

— Я не в таком смысле... — Шедлок встал и откашлялся. — Просто без всякой цели...

Аллигатор покачал головой.

— Вы совершили поступок, который начисто перечеркивает всю вашу многолетнюю беспорочную службу. Наверно, и до этого выбалтывали своей жене служебные секреты?

Шедлок с трудом проглотил слюну.

— Я женился недавно... до этого был холостяком и никогда никому...

— Садитесь. Ваша жена, оказывается, предсказательница?

— Она кончила курсы хиромантии в Сан-Антонио... имеет диплом и патент.

— О-хо! — Аллигатор закинул ногу на ручку кресла. — Любопытно. — Он посмотрел на свою руку с длинными пальцами. — Надо будет как-нибудь обратиться к вашей жене. Так вот... вернемся к делу. Вы попались. Я могу вас сейчас арестовать, и будет суд, потом тюрьма. И могу просто вышвырнуть к чертям. В обоих случаях — прощай пенсия и домик с цветами.

Шедлок опустил голову и зажмурил глаза. Сейчас на его шею упадет нож — и конец. Он задержал дыхание. И услышал тихий голос Аллигатора:

— Выяснилось вот что: итальянец сказал бармену,

что будто бы в доме, находящемся на той улице, где ломбард, проживает субъект, соблазнивший сестру итальянца. С негодем надо рассчитаться. Но для этого нужно выбрать такой час, когда поблизости не будет полицейских. Бармен согласился помочь итальянцу, так как узнал, что этот соблазнитель — газетный репортер — собрал материалы против хиромантов и собирается шантажировать их. Вот почему бармен уговорил вашу жену узнать о том, когда на той улице не будет патруля. Короче говоря, итальянец обманул бармена. Так вот... — Аллигатор выдержал паузу, — все зависит от меня. Я могу дать ход этому делу, и тогда вы сядете на скамью подсудимых как пособник грабителей. Но могу и пощадить вас. И бармен и ваша жена хотели только обезвредить шантажиста и не имели в виду оказывать содействие бандитам. И вы, вероятно, тоже...

Шедлок вскочил.

— Я ни в коем случае...

Аллигатор поднял руку.

— Молчите. Показания итальянца о том, что он получил нужные сведения от бармена, и показания самого бармена я изъясил из дела и положил в свой личный сейф. Не буду губить вас. Я ведь тоже люблю цветы и хочу, чтобы все разводили их. Вы любите орхидеи?

— Да... — прошептал Шедлок, — очень.

— Об этом разговоре никому ни слова. Ни-ко-му. Даже жене. И запомните навсегда, что вы все-таки выболтали служебную тайну и дали возможность бандитам провести дело. И помните, что вашу судьбу я держу в своем сейфе. Идите и работайте.

Шедлок молча поклонился и, прижав фуражку к груди, попятился к двери. Вернувшись домой после работы, он ничего не сказал Норме.

На следующий день явился Род. Он ни слова не сказал о том, что его допрашивали, и вообще не касался истории с ограблением ломбарда. В газетах появилось сообщение о поимке грабителей, а через день — о том, что один из них отравился в тюрьме для подследственных, а другой бежал, когда его везли в боль-

ницу на очную ставку с раненым сторожем. Дело было прекращено.

В день годовщины свадьбы у Шедлоков был только один Род; он пришел в каком-то сверхмодном костюме цвета диор-блю, из материи, похожей и на шелк и на кожу. И благоухал так, словно принял ванну, наполненную духами. В то утро Норма выкрасила свои волосы в фиолетовый цвет с розоватым оттенком. Шедлоку это совсем не понравилось, но Род свистнул и произнес с восхищением:

— Настоящая леди с Парк-авеню!

Перед уходом Род долго шептался о чем-то с Нормой в передней.

Шедлок был уже в постели, когда Норма, закончив уборку на кухне, вошла в спальню. От нее разило духами Рода.

Сев на кровать мужа, она сказала:

— Покажи руку, Клем. — Она хлопнула его по руке. — Не правую, а левую, бестолковый какой!

— Зачем? Ты забыла мои линии?

Она поправила мизинчиком очки.

— Надо проверить одну вещь. Я на это не обращала до сих пор внимания.

Осмотрев руку Шедлока, она объяснила:

— Вот эта линия, которая идет сверху вниз параллельно линии жизни, называется основной линией судьбы. О ней я уже тебе говорила. А рядом с ней, видишь, коротенькая линия — это вторая линия судьбы. И если основная и вторая линии судьбы пролегают выше линии чувства, идущей горизонтально, то это значит, что носитель таких линий сможет стать обеспеченным человеком после пятидесяти пяти лет, то есть разбогатеть к старости. У тебя как раз такие линии.

Шедлок с невольным уважением посмотрел на свою руку.

— Значит, выйду на пенсию? — Он улыбнулся. — Можно не бояться?

Норма сняла очки и поцеловала мужа в лоб.

— Дурачок ты мой. Твоя крохотная пенсия — это вовсе не богатство, не об этом речь. Твоя рука гово-

рит о том, что ты будешь, то есть можешь стать богатым. Слушай меня внимательно.

Она уселась удобнее возле Шедлока и начала рассказывать. Через два месяца муниципалитет объявит торги на постройку нового ипподрома. Будут конкурировать пять строительных компаний. У Рода есть приятель, который заправляет всеми делами в одной из этих фирм. Если удастся заблаговременно узнать, какие условия предлагает компания Ролло — это самый опасный соперник, — то можно будет выиграть на торгах и получить подряд на строительство ипподрома, купить на льготных условиях прилегающие участки и сдать в аренду разным предприятиям. И тогда компания, в которой работает приятель Рода, отвалит Роду солидный куш, а он даст Шедлоку половину. И это будет огромная сумма.

Норма поцеловала Шедлока в щеку. Он покачал головой.

— А я тут при чем? Я не управляю муниципалитетом. И строительные фирмы будут обращаться не ко мне.

Норма наклонилась к уху Шедлока.

— Твой начальник — инспектор Дайамонд... вы его зовете удавом или как там...

— Аллигатором.

— Так вот... его родной дядя будет ведать этими торгами, он получит заявки от всех фирм в закрытых пакетах, чтобы вскрыть их на торгах. Но он может ознакомиться с тем, что в пакетах, до этого... с помощью пара и ножа из слоновой кости... они умеют это. Если ты упросишь Аллигатора узнать у дяди условия фирмы Ролло...

Шедлок постучал себя пальцем по лбу.

— Соображаешь, о чем говоришь? Выкрасилась и обалдела. У вас в хиромантии, может быть, не принято думать?

Норма быстро зашевелила усами.

— Не груби.

— Ну как я могу узнать у Аллигатора? Подумай сама. С какой стати он должен делиться со мной такими секретами? Совсем рехнулась.

Норма тихо вздохнула и стала раздеваться. Потом сказала:

— Линии твоей руки говорят, что ты можешь разбогатеть. Эти линии не могут обмануть. И твой путь к богатству идет через этого самого уда... Аллигатора. Запомни мои слова.

Больше на эту тему супруги не говорили. Через несколько дней всем чинам участка было объявлено, что скоро будет проведена операция «Эмблема»: в Даллас придет высокий гость, большинство чинов поступит в распоряжение городского управления полиции — в течение двух дней всем придется выполнять задания или нести дежурства, никого не будут отпускать домой.

Но Шедлок и еще несколько полицейских — из числа тех, кто обходит кинотеатры, — не были включены в число мобилизованных. Это обстоятельство опять встревожило Шедлока.

Он встретил Аллигатора в коридоре нижнего этажа, у входа в комнату, в которой обычно сидели репортеры. Аллигатор был, очевидно, так занят своими мыслями, что даже не заметил, как Шедлок отдал ему честь. На следующее утро, идя на работу, Шедлок увидел Аллигатора вместе с сутулым человеком в квадратных очках. Они вышли из ресторана и сели в белочерный «олдсмобил». Этого сутулого человека Шедлок знал: как-то раз он приходил к ним в участок, и Дитинго потом сказал, что этот сутулый в квадратных очках — большая шишка в ФБР.

А через день, когда Шедлок сажился в свою патрульную машину, его окликнул Аллигатор:

— Идите ко мне. На минутку.

Шедлок сел рядом с инспектором. Отъехав футов на тридцать от участка, Аллигатор остановил свой темно-красный «фалькон» и сказал:

— Об этом разговоре не говорить никому. Ни-кому. Даже жене. Если сболтнете, раздавлю как мокрицу. Поняли?

Шедлок молча кивнул головой.

— В операции «Эмблема» вы не будете принимать участия. В тот день будут проводиться еще другие де-

ла. Я хочу дать вам одно серьезное оперативное поручение. Но о нем вы никому, никогда не должны говорить. Ни-ко-му.

— Я выполняю... сделаю все, что в моих силах, — прошептал Шедлок. — Постараюсь.

— Никаких «постараюсь». — Аллигатор ударил сжатым кулаком по рулю и проговорил сквозь зубы: — Вы должны сделать. Сдохнете, но сделаете. Что это за операция и с чем она связана, говорить не буду. Вам это не надо знать. Ваше дело выполнить задание, выполнить во что бы то ни стало. Помните: ваша судьба — в моем сейфе. Но если выполните все, — Аллигатор хлопнул перчаткой Шедлока по плечу, — рассчитывайте на мою благодарность. Понятно? Я вам позвоню вечером накануне. И вы явитесь на следующее утро ровно в восемь ко мне, но только в штатском, с пистолетом в кармане. У вас обычный?

— Да, тридцать восьмого калибра.

— Я вам дам еще другой. Идите.

Он вытолкнул Шедлока из машины.

Весь день Шедлок находился под впечатлением этого разговора. Что это за серьезное оперативное поручение? Наверно, очень секретное дело. И очень опасное. Аллигатор сказал, что даст еще один пистолет. Очевидно, придется пускать в ход оружие. Но Шедлок не был трусом. Когда в пятьдесят третьем, вскоре после окончания корейской войны, ловили Джо-Ягуара, в нескольких дюймах от головы Шедлока пролетели три разрывные пули, но он совсем не сдрейфил и загородил своей машиной дорогу спортивному «доджу» бандитов. И получил тогда похвальную грамоту от городского управления полиции и денежную премию.

Он круто затормозил машину у газетного киоска — вздрогнул от сверкнувшей мысли. О судьбе человека говорят линии его руки. Аллигатор сказал, что отблагодарит за выполнение поручения. Значит, Шедлок сможет обратиться к Аллигатору с просьбой узнать у дяди об условиях компании Ролло. И тогда оправдается то, о чем говорят две линии судьбы на руке Шедлока! Хиромантия — точная наука. Такая же точная, как метеорология, предсказывающая погоду.

Все мысли Шедлока сосредоточились на том деле, в котором он должен был принять участие. Он не читал газет, не слушал радио — ходил как в полусне, не замечая ничего. Перед его глазами все время стояло лицо Аллигатора с тонкой сигарой во рту и две линии судьбы, проходящие выше пересечения с линией чувства, — вещие знаки на его руке!

Накануне того дня, около десяти вечера, Аллигатор позвонил Шедлоку и, не называя себя, приказал явиться на следующее утро. Шедлок пришел в участок в назначенный час. В участке почти никого не было, кроме дежурных по отделениям, — все остальные были заняты в общегородской операции. В отделении убийств дежурил помощник инспектора Лопенс, а в отделении краж — хромым старик, которого почему-то прозвали Паганини. В репортерской спали на диванах и столах какие-то люди в штатском — очевидно, из секретной службы, прикомандированные на сегодня к этому участку. А может быть, курсанты из школы ФБР; говорили, что их пришлют для участия в «Эмблеме».

Аллигатор сидел один в своем кабинете. Он спросил:

— Никому не говорили о задании?

Шедлок мотнул головой.

— Никому. И жене тоже.

— Слушайте внимательно. — Аллигатор подвел Шедлока к карте города. — Начиная с одиннадцати утра будете ходить так. По Хьюстон-стрит — от угла Джексон-стрит, мимо вокзала до виадука и обратно. На обратном пути будете сворачивать на Янг-стрит до Ламар-стрит, затем свернете налево, дойдете до Джексон-стрит и, выйдя снова на Хьюстон-стрит, — до виадука. Вот ваш маршрут. Повторите.

Шедлок повторил. Аллигатор заставил его еще раз повторить и сказал:

— Вот пока все. Больше вам ничего не надо знать. Остальное передам по радиотелефону.

Он вручил Шедлоку миниатюрный радиотелефон.

— Наденьте ремешок на голову и спрячьте аппарат под пиджаком. А эти наушники воткните в уши,

только поглубже, чтобы не вываливались. — Наушники были круглые, с дырочками, похожие на бусинки. — И нахлобучьте шляпу, чтобы скрыть эти штуки. Я буду называть себя «Седьмым», а вас — «Эф-шесть». Запомнили?

Он вынул из кармана авторучку и листочек и сделал какую-то пометку.

— Значит, только кружить по этим улицам и ждать распоряжений? — спросил Шедлок.

— Да. И быть все время наготове. Полицейский значок у вас с собой?

— Да, в заднем кармане брюк.

— Вот и все. Идите пока домой, ничего не говорите жене, а в одиннадцать начинайте. Возьмите. — Аллигатор вынул из ящика своего стола большой пистолет и передал Шедлоку. — А где ваш, казенный?

— Под пиджаком. А этот положу во внутренний карман пальто.

— Засуньте под мышку казенный, а этот в карман.

Шедлок взял пистолет и взвесил на руке. Аллигатор прищурил глаз.

— Тяжелый? Зато верная штука. «Магнам», модель пятьдесят три, пистолет суперкласса, начинен пулями «ремингтон-джет-магнам», длинными, огромными.

Шедлок почтительно поцокал языком и засунул пистолет в карман пальто с таким видом, как будто это не пистолет, а адская машина.

— Если выполните задание, — Аллигатор посмотрел Шедлоку в глаза и кивнул головой, — отблагодарю. Только помните: ни-ко-му ни слова. Это задание, — он понизил голос, — особо секретное. Поняли?

Шедлок кашлянул в руку.

— Разрешите спросить... если выполню, смогу ли обратиться к вам с просьбой...

Аллигатор перебил его:

— Выполните, тогда поговорим. Сейчас не время. Я сказал: отблагодарю. И еще раз напоминаю: сболтнете — уничтожу. Сотру с лица земли. Идите.

Ровно в одиннадцать Шедлок начал пешее патрулирование. Он напялил шляпу прямо на уши и поднял

воротник пальто. Когда вставлял наушники, вспомнил соседа-старика, которому привезли из Англии резиновые ухозатыкалки, чтобы он не просыпался ночью от лая собак.

По улицам носились полицейские машины и мотоциклы. Из-за наушников Шедлок почти не слышал рева полицейских машин и уличного шума.

На Коммерс-стрит и около склада на Хьюстон-стрит уже выстроились патрульные машины, мобилизованные городским управлением полиции. Около вокзала стояло несколько бронетранспортеров с солдатами.

Шедлок думал только о своем деле. Он аккуратно совершал обход по заданному маршруту. Дитинго вчера сказал ему, что в операции «Эмблема» будет занята не только городская полиция, но и федеральная. И секретная служба. Судя по всему, задание, которое Аллигатор дал Шедлоку, не имеет отношения к «Эмблеме». Может быть, должны словить какого-нибудь очень важного преступника? Крупного бандита или иностранного шпиона? Или какой-нибудь миллиардер должен сегодня проехать через город и поручил Аллигатору негласную охрану своей персоны? Или еще что-нибудь...

Он услышал голос Аллигатора:

— Говорит «Седьмой». Продолжайте обход. Ждите распоряжений.

Шедлок поправил на себе шляпу и ввернул наушники глубже в уши. Проходя мимо вокзала, посмотрел на часы над главным входом. Они показывали 12 часов 10 минут. Несколько полицейских мотоциклов промчалось в сторону автострады. Бронетранспортеров у вокзала уже не было.

Когда Шедлок шел по Ламар-стрит, слуга-негр вывел из отеля двух черных собачек — тойтерьеров. Собачки залаяли на расклейщика афиш, он замахнулся на них щеткой с длинным древком.

Шедлок загадал: если встретит еще собаку — любую, большую или маленькую, — его дело выйдет, желание исполнится. Он замедлил шаги и стал внимательно смотреть по сторонам.

На углу Джексон-стрит и Остин-стрит он увидел вышедшую из магазина даму — она несла корзинку, в которых обычно носят собачек. Дама шла в его сторону. Но спустя минуту он разглядел — в корзинке была кошка.

Как назло, не попадалось ни одной собаки. Обычно они встречались довольно часто. Когда Шедлок повернул обратно от виадука, мимо него промчались пять полицейских машин — они повернули в сторону Стеммонс-фриуэй. Туда же проследовало с бешеной скоростью несколько полицейских мотоциклов со стороны Коммерс-стрит.

Из вокзала вышла большая группа людей с чемоданами и сумками. Среди них, наверно, есть кто-нибудь с собачкой. Шедлок ускорил шаги. У перехода он повернул голову в сторону и увидел машину, в которой ехали Аллигатор и еще двое в штатском. Они проследовали в сторону Бекли-стрит.

И тут же Шедлок услышал голос Аллигатора:

— Сейчас же направляйтесь в семьдесят восьмой участок района Ок-Клифф, берите такси.

Но через минуту Шедлок получил новый приказ: поехать прямо на бульвар Джефферсона и ждать на углу Паттон-авеню.

Он взял такси и доехал до назначенного места. И как только вышел из машины, последовал приказ:

— Будьте наготове! Смотрите в сторону Десятой улицы. Как только увидите бегущего мужчину, возможно, за ним будет гнаться полицейский, стреляйте в них, в полицейского тоже, это переодетый бандит. И тут же садитесь в мой «фалькон», он подкатит к вам. Смотрите в оба!

Шедлок застыл на месте. Охота началась — зверь бежит, его нельзя пропустить. И возможно, что не один, а двое, один переодетый. Надо уложить их на месте. Но почему надо тут же садиться в машину? Непонятно. Очень странно. Но так приказал «Седьмой» — его дело приказывать, а Шедлок должен выполнять. Каков бы ни был приказ — это приказ.

Шедлок стоял на краю тротуара, держа руку в кармане и крепко сжимая рукоятку «магнама». Если эта

штука даст осечку, надо успеть выхватить из внутреннего кармана казенный. Хотя вряд ли «магнам» подойдет. С ним можно идти даже на льва.

Так прошло минут пятнадцать. Зверь не появлялся. Наверно, погнали в другую сторону. Но все равно ему не уйти, он обложен со всех сторон, его обязательно прикончат. Где-нибудь да прикончат. Но кто этот зверь? Наверно, крупный.

Раздался голос «Седьмого» — на этот раз спокойный:

— Возвращайтесь на Хьюстон-стрит и продолжайте обход по первоначальному маршруту. Но по-прежнему будьте наготове.

У автобусной остановки на углу Кроуфорд-стрит Шедлок увидел капитана Макфиллипса из отделения розыска пропавших. Макфиллипс был в штатском — шляпа напялена на уши, воротник пальто поднят. Очевидно, Макфиллипс тоже выполнял секретное задание. Тут же стояла служебная машина — среди сидевших в ней Шедлок узнал инспектора дорожной полиции Норблада.

Сойдя с автобуса на углу Янг-стрит, Шедлок начал обход по прежнему маршруту. За все это время он не встретил ни одной собаки. На Дили-плаза, около обелиска, стояло много патрульных машин и мотоциклов. Движение на Мэйн-стрит было перекрыто. Повидимому, «Эмблема» была в разгаре.

У углового здания на пересечении Янг-стрит и Остин-стрит Шедлок увидел то, что требовалось: у колонки с почтовыми ящиками стоял мужчина с серым пуделем и раскуривал трубку. Собака — значит, удача! Шедлок остановился и невольно залюбовался пуделем.

Постояв несколько минут, Шедлок медленно пошел по Остин-стрит, затем повернул направо и пошел по Буд-стрит. На этой улице у обувного магазина он встретил старушку с белым шпицем. Этот шпиц окончательно закреплял удачу. Шедлок дошел до Пойд-рас-стрит, повернул обратно и вдруг почувствовал жажду. Но заходить в бар или кафетерий при исполнении служебных обязанностей нельзя. Надо потер-

петь. Он решил пойти в сторону вокзала и вдруг услышал голос «Седьмого»:

— Пройдите на Джексон-стрит и стойте у первого счетчика стоянки машин. Ждите распоряжений.

Шедлок выполнил приказ. Движение на Коммерс-стрит и по всем дорогам, идущим в сторону автострады, было приостановлено. Мимо Шедлока прошел тот самый мужчина с серым пуделем. Он держал в руке крошечный радиоприемник и слушал что-то — музыку или новости. Несколько человек остановились около мужчины с пуделем, но они смотрели не на пуделя, а на радиоприемник.

Проехало несколько машин с недозволенной скоростью — они завернули за угол. За ними проследовала машина с кинооператорами. Шедлок решил все-таки выпить водички. Кафетерий находился близко — все дело займет не больше пяти минут.

Но, сделав несколько шагов, Шедлок застыл на месте. «Седьмой» сказал:

— Эф-пять, Эф-шесть и Эф-семь, сделайте каждый еще по одному туру и после этого идите домой. Больше не понадобится. Вы выполнили порученное вам дело, спасибо.

Шедлок сделал глубокий выдох. Итак, задание было выполнено. Значит, операция закончена и, очевидно, прошла успешно. Шедлоку не пришлось пускать в ход оружие. И садиться после этого в машину.

Странное все-таки задание. И почему надо было ходить по этим улицам, держа палец на курке «магнама»? И что это за операция, в которой ему пришлось участвовать?

Судя по всему, основные события разыгрались в другом месте. Все обошлось без его участия. И если это так, то Аллигатор ничем не обязан Шедлоку. И следовательно, он не может рассчитывать на благодарность старшего инспектора. Выходит, зря кружил несколько часов, как какой-то сандвичмен. И зря надеялся.

Но Аллигатор сказал ему и еще кому-то: «Вы выполнили порученное вам дело». И сказал «спасибо». Значит, он благодарен Шедлоку. Не вина Шедлока, что не пришлось действовать. Задание все-таки он выполнил. И это задание связано с каким-то особо секретным делом. А что это за дело, он никогда не узнает, да ему и не надо знать. Так спокойнее. Когда проводятся такие операции, как эта, тайну ее должны знать только те, кто стоит на самом верху.

Все прошло хорошо, Шедлок завтра попросит Аллигатора, и тот выполнит свое обещание отблагодарить — узнает у дяди все, что нужно. И к Шедлоку придет богатство.

Впереди большое счастье, какое можно видеть только во сне. Исполнившаяся мечта! Можно будет купить домик с участком, хорошенький бунгало с гаражом, «крейслер» или «кадиллак» с кузовом типа седан или лучше седан-кабриолет, надежные акции — Тексако или Алкоа... Нет, пока рано об этом думать. Шедлок вытащил из ушей бусинки-наушники и засунул их в карман пиджака. Потом посмотрел на ладонь левой руки. Ладонь была мокрая от волнения, и на

ней четко, подобно иероглифам, вырисовывались слова: богатая старость.

Шедлок полной грудью вдохнул воздух. Быстро зашагал вперед, но потом замедлил шаги, и, наконец, остановился. А что, если Род надует и не поделится кушем? Ведь он не даст письменного обязательства, нельзя будет доказать, что он обещал поделиться. И вообще это дело нельзя передавать в суд.

Нет, не может быть, Норма не допустит. Ведь она сама заинтересована в том, чтобы Шедлок разбогател. А что, если... вывести как-нибудь Рода из игры? Сделать так, чтобы все деньги попали в руки Шедлока. Но как это сделать? Как устранить Рода так, чтобы все прошло гладко, без следов, без последствий? И как отнесется к этому Норма? Она может стать на защиту своего двоюродного брата, он ей очень близок. Ее нельзя посвящать в это дело.

А что, если он ей вовсе не кузен? Однажды, это было, кажется, в День Матери, Шедлок видел, как Род положил руку Норме на бедро, а она тихо смеялась, откидывая голову назад. Может быть, они обманывают Шедлока? Всегда так долго шепчутся и хихикают, а когда он приближается к ним, замолкают или начинают говорить о всяких пустяках. Наверно, у них какие-нибудь секреты. Может быть, сговорились одурачить его? Решили выставить его из игры, как только Род получит деньги. Неужели Норма действительно заодно с Родом? В тот раз она выпытала у Шедлока все, что нужно, и передала Роду. Аллигатор сказал, что она тогда хотела только наказать шантажиста, но возможно, что это не так. А что, если она вместе с Родом действовала по указке грабителей? Неужели Норма не такая, какой он ее считает? Надо как-нибудь посмотреть на линии ее руки, запомнить и пойти к другой хиромантке. Может быть, у Нормы на руке написано, что она способна предать мужа. Нет, не похоже.

Нет, не может быть, Норма не такая. Она честная жена и любит его. В День Валентина она сделала ему роскошный подарок — швейцарские часы с автоматическим заводом и календарем. Норма верна ему и не

подведет — все пройдет хорошо. Ведь линии его руки говорят об этом, а они никогда не врут.

Шедлок энергично тряхнул головой и пошел по Остин-стрит. Последний тур сделан, можно идти домой. Дойдя до здания газеты «Даллас морнинг ньюз», он посмотрел на свои часы. Два часа тридцать две минуты пополудни.

Он зашел в бар у вокзала выпить полпинты пива. Бар был переполнен, все шумно обсуждали новость, уже потрясшую весь мир и вписавшую название их города в историю. Шедлок понял: операция «Эмблема» окончилась катастрофой — высокого гостя не уберегли.

Он быстро направился в участок. У входа его хлопнули кулаком по плечу. Он обернулся и увидел сутулого в квадратных очках — того самого, который неделю полторы назад выходил с Аллигатором из ресторана. От сутулого разило спиртным. Он втолкнул Шедлока в кабинет Аллигатора и, захлопнув дверь пинком ноги, спросил:

— От кого получал указания? От Пятого?

— Нет, от Алли... Седьмого.

— Что он тебе сказал о деле?

— Сказал, что надо ходить по намеченному маршруту и быть наготове.

— Ничего больше не сказал?

— Ничего. И я не спрашивал.

Сутулый сел на стол Аллигатора и медленно сказал:

— Ловили... крупного международного фальшивомонетчика... и все сошло хорошо. Понял?

— Да.

— Повтори.

Шедлок повторил. Сутулый закурил сигарету и, подбрасывая на руке зажигалку, спросил:

— Слышал новость?

— Да.— Шедлок пожал плечами и пробормотал:— Как же это так! Прохлопали?

— Я не об этом. — Сутулый засунул зажигалку в карман и выпустил изо рта колечко дыма. — О Дайамонде.

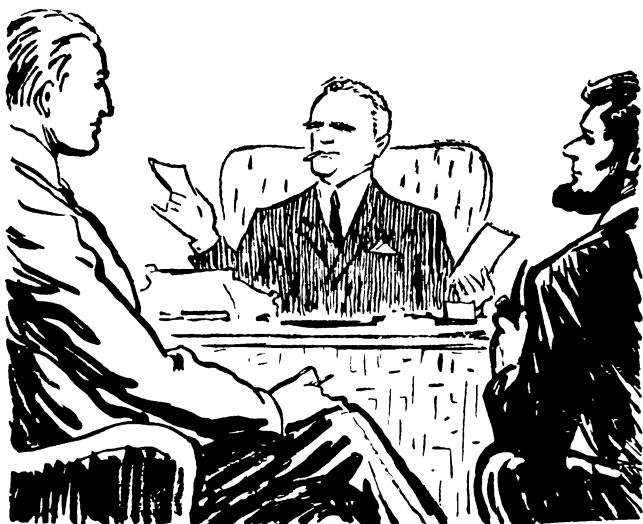
— А что?

Сутулый докурил сигарету и выплюнул ее на пол.

— Это случилось минут пятнадцать... нет, двадцать назад. Он подъехал к своему дому и хотел выйти из машины, и вдруг на него, — сутулый взмахнул рукой, — какой-то грузовик — и у-тю-тю.

— Поймали машину?

— Вряд ли найдут. — Сутулый тихо засмеялся. — Даймонд теперь будет старшим архангелом в раю. Я всегда говорил, что он далеко пойдет.

ПРОВЕРКА АНГЕЛОВ

В этот день с утра был необычно большой наплыв клиентов — приемная была так заполнена, что прибывшим позже пришлось занять места на скамейке в вестибюле, остальных записывали на завтра.

За день до этого газеты сообщили о самоубийстве двух инженеров-программистов. Один бросился под поезд метро, другой выпрыгнул из окна 31-го этажа. Оба оставили записки, в которых писали, что неправильно определили свое призвание, избрав профессию программиста. Один считал, что ему следовало бы стать работником рекламного агентства, другой — тренером по гольфу.

А вечером по телевидению передали выступление двух профессоров-психологов на тему о том, как важен для человека правильный выбор рода занятий.

Человек, говорили профессора, является загадкой для самого себя. Он даже не знает, как звучит по-настоящему его голос, не говоря уже обо всем другом.

Он не в состоянии объективно оценивать себя, свои сильные и слабые стороны, сущность своего характера. Он так же непонятен себе, как шифр разведки дальней планеты.

И на помощь ему приходит наука. Но тут профессора стали спорить. Один заявил, что определять и измерять качества человека можно только с помощью тестов, опирающихся на данные экспериментальной психологии и психотехники. Другой возражал ему: тесты не дают настоящей картины — общий коэффициент их достоверности не превышает тридцати пяти процентов, ибо тестологическая методика ограничена узкими эмпирическими рамками, не выходя за пределы феноменологического описания.

Спор профессоров, трижды перебивавшийся рекламными вставками, кончился явной победой сторонника тестов. Он доказал научную обоснованность тестологических испытаний. Человек должен рассматриваться как машина — мощная и в то же время хрупкая, сконструированная замечательно и в то же время из рук вон плохо. И эту машину можно проверить по частям, измерить и проконтролировать работу всех деталей. И таким образом можно точно определить трудовые качества человека-машины — весь комплекс его психических и физических возможностей.

Подводя итоги спора ученых, диктор сказал:

— Вы прослушали мнения двух авторитетных ученых. Не будем вдаваться в оценку их убедительных аргументов. Мы можем сказать только одно: каждый человек должен выбирать работу соответственно своим психическим и физическим данным, характеру, наклонностям и образу мышления. В противном случае его рано или поздно ждет разлад с самим собой, который приведет его в лучшем случае к неврозу или алкоголизму, в худшем — к рельсам метро или к окну многоэтажного здания. И для того, чтобы избежать жизненной катастрофы, надо точно определить и измерить свои способности и рационально развивать их дальше. В нашем свободном мире, где правопорядок и вся социальная система гарантируют свободное, гармоническое развитие личности, каждый человек дол-

жен вовремя выявить и развивать свои позитивные качества, чтобы стать достойным членом общества. Спасибо за внимание.

Очевидно, газетные сообщения о самоубийстве инженеров-программистов и выступление двух ученых по телевидению способствовали тому, что в это утро пришло так много людей на 47-й этаж здания на 39-й улице в «Бюро исследования человека» — одно из дочерних предприятий фирмы «Исследование деловых операций».

Всех желающих подвергнуться тестологическим испытаниям пропускали в порядке живой очереди. Но исключение сделали для двоих — молодых, безукоризненно одетых мужчин спортивного телосложения. Судя по всему, они впервые устраивались на работу. Один — высокий, сероглазый, белокурый, типичный викинг, другой — ниже ростом, широкоплечий шатен с курчавой бородой.

Они подошли к регистраторше и сказали, что очень торопятся — их ждут. Регистраторша изобразила очень любезную улыбку.

— Весьма сожалею, но ваша очередь тридцать вторая. На двадцать пятом этаже есть кафетерий, подождите там, я пришлю за вами...

Похожий на викинга протянул регистраторше конверт, заклеенный красным целлофановым пластырем.

— Передайте вашему шефу профессору... как его там. Отправитель письма — глава адвокатской конторы, ведущей дела вашей главной фирмы. Нас надо пропустить немедленно.

Регистраторша пожала плечами и, подчеркнуто медленно пройдя до конца коридора, скрылась за большой дверью из матового стекла. Но спустя полминуты прибежала обратно с испуганным видом, извинилась за недоразумение и провела обоих к шефу.

Профессор Хор, седой, элегантный, с густыми черными бровями, при виде входящих нажал две кнопки на боковом столике.

— Очень рад вас видеть. — Он сделал широкий жест, приглашающий гостей сесть в кресла перед его столом. — Сейчас придут за вами ассистенты. Вы прой-

дете все круги Дантова ада и точно узнаете, к какой категории ангелов принадлежите.

Викинг улыбнулся.

— А может быть, не ангелов, а чертей?

— Может быть и так, — согласился профессор. — Это может выясниться при определении пределов точности зрительных, слуховых и обонятельных восприятий в условиях различных нагрузок на ваш организм. Статистика показывает, что ангелы не выдерживают действия сверхсильных стимуляций на нервную систему, а черти выдерживают почти все.

Викинг засмеялся. Дверь открылась, показались двое в белых халатах.

— Чтобы избавить вас от ненужных беспокойств, — сказал профессор, закуривая сигарету, — я скажу несколько слов об основных проверочных и измерительных процессах, с которыми вам придется ознакомиться. — Он повернулся к викингу: — Какой кончили?

Тот ответил:

— Мичиганский.

— А я школу летчиков, — сказал бородач.

— Так вот... — профессор сложил губы бантиком и выпустил несколько колец дыма, — при выявлении психомоторных реакций на раздражители и, в частности, при выявлении неадекватных взаимодействий анализаторов человека я придерживаюсь в основном методов Кронбаха и Мэла. Мы будем выявлять степень точности топографической ориентировки, способность к корреляционной памяти, быстроту приспособляемости к обстановке и фиксировать время реакций на экстрацептивные раздражители. Вам известен закон Хика?

Викинг и бородач быстро переглянулись.

— Не приходилось иметь дела, — с усмешкой ответил викинг.

Профессор взял карандаш и написал на блокноте: $R = K \log(N+1)$ — и пояснил:

— R — время реакции выбора, K — константа. N — общее число возможных альтернатив. Важно выяснить, как будут влиять на эффективность восприятия...

Он вдруг поднял руку и щелкнул пальцами. Один из ассистентов с молниеносной быстротой вытащил пистолет из кармана халата и выстрелил дважды в доску с цифрами, висевшую на боковой стене. В комнате запахло порохом.

Профессор обвел гостей внимательным взглядом.

— Неадекватные раздражители.

Бородач усмехнулся:

— Есть такой термин: ноль целых шесть. То есть шесть десятых секунды. Это нормальный отрезок времени, требующийся для того, чтобы выхватить из кармана пистолет и выстрелить. Ваш ассистент уложился в это время.

Профессор кивнул головой.

— Очень важно выяснить пропускную способность отдельных анализаторов компонента СЧМ, то есть системы человек — машина...

Викинг мотнул головой.

— Ни черта не понимаю.

— Речь идет о всестороннем выяснении сенсорной модальности, — сказал профессор. — И особенно важно, — он поднял палец, — точно измерять усилия испытуемого при обработке проприоцептивных сигналов и выявлять особенности его поведения в стохастической ситуации с целью определения его стратегии поведения. Поняли?

Викинг и бородач молча переглянулись. Профессор бросил сигарету в пепельницу и откинулся на спинку кресла.

— Не буду больше вас задерживать. Прошу следовать за ассистентами. А потом явится ко мне.

— И вы изречете приговор, — викинг хлопнул перчаткой по колену, — на что мы годимся.

Профессор показал на конверт, лежащий на столе.

— В письме просят проверить вас особенно тщательно. Поэтому вы пройдете программу номер один — экстрацитиссима. Очень прошу отнестись к нашей работе с полной серьезностью, какой она заслуживает. Мы проведем точный подсчет всего комплекса ваших физических и психологических данных и составим цифровые характеристики. Такие же точные, какие,

например, составлены по холодному оружию разных систем. Установлено, что «кольт-вудсман» и «магнам-53» хороши для прицельной стрельбы и для стрельбы на большую дистанцию, «вальтер-нью», «олимпия» и «беретта» — для средней дистанции, «бернаделли» и «зауэр» — для короткой и японский «нью-намбу» 32-го калибра — для сверхкороткой. И точно так же можно высчитать, какие возможности заложены в каждом человеке, на какие дистанции он может действовать. То есть, как он может быть использован для дела с наибольшей пользой и наикратчайшим путем обеспечить свой жизненный успех. Итак, я вас жду.

Вопреки ожиданиям тестологические испытания не заняли много времени — подчиненные профессора Мура работали, не теряя

ни одной минуты, — каждое их движение было рас- считано, как в цирке. Первым долгом проходящих проверку подвергали подробному опросу, чтобы заполнить предварительную карточку. Вопросы касались биографии, образования, болезней в детстве и в зрелом возрасте, здоровья родных, политических взглядов опрашиваемого, его родственников и близких знакомых и любимого вида спорта. Все вопросы были нетрудные. Но попадались и довольно странные:

— Чего вы боитесь больше всего? Приходилось ли вам смотреть тайком в замочную скважину или в щелочку и при каких обстоятельствах? Любите ли заключать пари? Чаше выигрываете или проигрываете? Видите ли вы цветные сны? Хотелось ли вам когда-нибудь покончить жизнь самоубийством? Каким образом и по какой причине? Приходилось ли вам обманывать родителей и ближайших друзей? Успешно или безуспешно? Верите ли вы в загробную жизнь? Известна ли вам чья-нибудь более или менее серьезная тайна? Можно ли ее использовать? Могли бы вы всунуть булавку в глаз живой собаки или кошки?

Ответы записывались на магнитофонную ленту, и одновременно лаборанты нажимали на разноцветные кнопки на столе и на небольшом табло появлялись пометки — сочетания цифр и греческих букв. Очевидно, давались оценки ответов — степень их правдивости.

В кабинете психомоторных тестов после того, как брали спирограмму и энцефалограмму, проходящего испытания привязывали ремнями к креслу и задавали примерно те же вопросы, только в другой форме, измеряя при этом частоту пульса, сердцебиение и выделение пота.

Затем начались различные процедуры без кресла. Викинга и бородача провели в ярко освещенную комнату. Туда вошли две лаборантки в черных трико, совсем молоденькие и красивые, с рапирами — кончики были обмотаны ватой. Вдруг потух свет и ассистент объявил:

— Тест Димитропулоса — Ли Цзяо-фына. На вас сейчас нападут. Ваша задача: в течение трех минут постараться обезоружить нападающих.

— Любым способом? — спросил викинг.

— Можете не стесняться, — ответил ассистент.

В углу комнаты у самого пола зажглась крохотная тусклая лампочка — черные фигуры лаборанток были едва различимы в полумраке. Ассистент свистнул и скрылся за дверью, лаборантки бросились на тестируемых и стали колотить их — довольно сильно. Викинг сдавленно крикнул и упал, но затем сделал прыжок и схватил лаборантку за ногу. Бородачу удалось схватить другую сзади. Крепко сжав в объятиях лаборанток, оба застыли в этих позах. И тот и другой воспользовались случаем — стали целовать отчаянно извивающихся пленниц. Зажегся свет, ассистент хлопнул в ладоши.

— Три минуты. Отпустите.

Выяснилось, что это были не те лаборантки. Когда потух свет, они сменили тех, которые показались в начале теста. Эти были некрасивые и немолодые. Одна из них, с длинной лошадиной физиономией, поправляя на себе порванное трико, подмигнула им.

Следующие тесты были более спокойные — например, хождение по доске с завязанными глазами и проверка умения ориентироваться в темноте. Испытуемого вводили в большую комнату, заставленную стульями и чучелами животных, они были обвешаны бубенчиками. Надо было запомнить расположение всех предметов, затем тушили свет и предлагалось пройти через всю комнату до двери в противоположной стене, стараясь не задевать вещей. Викинг получил 64 балла, бородач — 87.

Самой неприятной оказалась процедура № 14 — пришлось раздеться догола, спуститься в небольшой бассейн с нагретой водой и идти, ступая по скользкому дну — время от времени прошмыгивали не то угри, не то змеи, они касались разных частей тела, в некоторых местах в ноги ударял электрический ток. Викинг упал шесть раз, а бородач больше, но зато он поймал змею и швырнул ее на стол пожилой лаборантки, змея оказалась резиновой. Вдруг снова потух свет, и через несколько секунд загорелась маленькая синяя лампочка, и в бассейн, погруженный в темноту, прыгнули две

лаборантки, надо было ловить их и не стесняться при этом. И викинг и бородач довольно неохотно выполнили задачу — ограничились тем, что чуть коснулись пальцами преследуемых и вылезли из бассейна, не дожидаясь истечения срока. Когда зажегся свет, они увидели, что в бассейне плавают молодые и красивые лаборантки, те самые, которых они видели в тесте Димитропулоса — Ли Цзяо-фына. Одна из них, похожая на киноактрису Марину Влади, показала им язык. По этому тесту викинг и бородач получили довольно низкие баллы.

После этой процедуры снова измеряли пульс, проверяли кровяное давление и измеряли что-то, прикрепив пластырями тонкие провода к ногам и рукам.

Психологических тестов было меньше, но они были более продолжительными. В самом начале проводился тест ТАТ — показали несколько абстрактных рисунков из пятен и линий и спрашивали: на что это похоже? По ответам определяли подсознательный ход мыслей и фантазию проходящего проверку. Затем следовала серия тестов, проверяющих память на числа, лица людей и топографическую; несколько тестов, определяющих степень находчивости и изобретательности, и тесты по системе Векслера, измеряющие способность давать правильные определения понятий и умение отвлеченно мыслить.

Заключительный тест состоял из двух детективных задач.

Первая задача. Ростовщик Хоскин был найден убитым в своей конторе. Первым вошел в кабинет убитого его секретарь Линч — он уходил завтракать, отсутствовал минут двадцать, за это время и произошло убийство. Прибывший на место происшествия сыщик обратил внимание на то, что в кабинете убитого все оконные стекла красного цвета. Секретарь сказал, что это было одной из причуд ростовщика. Когда сыщик заканчивал осмотр кабинета, вошел швейцар этого 30-этажного билдинга и сказал, что примерно в то время, когда произошло убийство, сверху спустился какой-то мужчина, выйдя на улицу, сел в машину зеленого цвета и уехал. Номер машины начинался циф-

рами 37. Сыщик поблагодарил швейцара за эти сведения и отпустил его. Линч ударил себя по голове и сказал: «Я так растерялся, что совсем забыл об этом. Войдя в эту комнату, я подскочил к окну, посмотрел вниз и заметил эту зеленую машину, она быстро умчалась направо». Сыщик усмехнулся и сказал: «Линч, вы выдали себя. Вы арестованы». Почему сыщик решил арестовать Линча?

Вторая задача. В лесу сгорела дача, погиб прикованный к постели больной, все вещи сгорели. Чудом спаслась молодая служанка. На ней было полуобгорелое платье, потрясенная случившимся, она все время плакала, но, наконец, немного успокоившись, рассказала сержанту полиции о том, как все это произошло.

Хозяин послал ее на чердак, где хранились старые вещи, разыскать его старое пальто. На чердаке было темно, поэтому она взяла газовую зажигалку хозяина — электрический фонарик был испорчен. При свете зажигалки она стала искать пальто в углу чердака. И вдруг огонек зажигалки перекинулся на паутину, она воспламенилась, загорелись занавески, всякая ветошь и бумага. В одно мгновение огонь охватил весь чердак. Служанка выронила зажигалку и выпрыгнула из окна прямо на кусты перед дачей и лишилась сознания. Когда она пришла в себя, уже горел весь дом.

Прибежали соседи, подняли служанку, стали тушить пожар, но было уже поздно.

Выслушав рассказ служанки, сержант сказал ей: «Придется вас арестовать. Вы украли ценные вещи вашего хозяина, спрятали их где-то и, зная, что хозяин не может встать с постели, подожгли дачу». Почему сержант пришел к такому заключению?

Надо было дать правильный ответ в течение трех минут. Оба ответили правильно, но немного просрочили время.

По первой задаче надо было ответить: «Линч врет. Потому что через красное оконное стекло нельзя было увидеть, что машина зеленого цвета».

А по второй задаче следовало ответить: «Служанка дала ложные показания, чтобы скрыть свое преступление. Паутина не может воспламениться».

Пройдя все тесты, викинг и бородач пришли к профессору Хору. Их поразило то, что, спустя несколько минут, ассистенты принесли карточки со всеми цифрами и пометками.

Викинг тихо свистнул.

— Так быстро? Уже успели все подсчитать и заполнить все графы?

Профессор медленно кивнул головой.

— Я подбирал персонал с помощью тестов и составил всех сообразно их данным. — Он открыл банку с трубочным табаком и коробку сигар и предложил гостям. — Закуривайте и подождите. Обычно мы даем заключение на основании всех показателей только на следующий день, но для вас сделаю исключение: составлю сейчас же, не сходя с места.

Профессор заложил бумагу в портативную машинку и стал печатать. Викинг закурил сигару, а бородач вынул из кармана трубку.

Напечатав два заключения, профессор вложил листки с карточками в один конверт и аккуратно заклеил его целлофановым пластырем.

— Вручите не секретарше, а прямо в руки тому, кто берет вас на работу. Он решит, куда вас определить на основе выявленных и подсчитанных нами данных. Наша наука разрешила проблему психофизиологического профессионального подбора и обеспечила всем людям возможность наиболее целесообразно и эффективно использовать свои способности в общественной и трудовой деятельности. В этом заключается самая сильная сторона нашего общества.

Викинг — на этот раз без улыбки — спросил:

— А нам разве не полагается ознакомиться с результатами испытаний?

Профессор развел руками.

— В письме сказано, что ваш наниматель просит прислать ему конверт в запечатанном виде. Нам приходится выполнять пожелания заказчиков.

Викинг посмотрел на нахмурившегося бородача и засмеялся:

— Интересно все-таки узнать — ангелы ли мы и если да, то какой категории?

Профессор ответил вполне серьезно:

— Вы оба настоящие ангелы с весьма приличными данными. Ваш хозяин будет доволен вами. Желаю всяческих удач.

Он поднял руку и повертел ею. Викинг ответил кивком головы, бородач шевельнул бровью.

В номере отеля — большой полукруглой комнате со стенами, обитыми золотистым штофом, за письменным столом сидел щупленький брюнет, с челкой, закрывающей лоб, с маисовой трубкой в зубах. В петлице его пиджака торчала увядшая орхидея. Верхний боковой ящик письменного стола был открыт на одну треть, в нем лежали два пистолета, один с глушителем.

На диване в углу комнаты сидели двое в шляпах, надвинутых на лоб, один был в очках с дымчатыми стеклами.

В дверь постучали три раза. Тот, у которого не было очков, бесшумно подскочил к двери, другой быстро засунул руку за отворот пиджака. Стоявший у двери приоткрыл ее, пошептался с кем-то и, повернувшись к человеку с челкой, сказал:

— Пришли эти двое. Проверились.

— Пусть пройдут.

Дверь распахнулась, вошли викинг и бородач. Викинг протянул конверт человеку с челкой. Тот вскрыл конверт и прочитал оба заключения и карточки. Затем взял настольную зажигалку и поднес ее к бумажкам. Тщательно размешав пепел в бронзовой пепельнице, он покрутил головой и произнес простуженным голосом:

— Здорово! Как на ладони. Все подсчитано до последней унции. — Он позвал пальцем того, кто был в очках, и кивнул в сторону викинга. — Этого в команду Трехпалого, в группу разработки планов операций. А ты, — он посмотрел на бородача, — в команду Хорька, в третью группу. В субботу будем брать банк, примешь боевое крещение. — Покосившись на пепельницу, он добавил: — Наука — великая вещь!

ДОКТОР МУРХЭД И ПАЦИЕНТКА

Она поднесла руки к лицу и дрожащим голосом произнесла:

— Спасите меня, умоляю. Вся надежда на вас...

Случай был действительно трудный. Доктор Мурхэд имел большую практику, считался в городе лучшим психотерапевтом, но до сих пор ни разу не имел дела с такой пациенткой.

Стелла Бриш — жена владельца двух универмагов и двух отелей — была очень красива. Высокая, с волосами цвета темной бронзы и длинными глазами изумрудного цвета — никто не давал ей больше тридцати, хотя ей исполнилось уже тридцать семь. Фигура была у нее как у двадцатилетней конькобежки.

Она явилась к Мурхэду впервые пять месяцев назад — после того, как ночью наехала около аэропорта на прохожего — мексиканца — и раздробила ему голову. Она умела хорошо править машиной, и адвокат убедительно доказал, что виноват был мексиканец, за-

метавшийся перед машиной, — его ослепил свет фар. К тому же в кармане его комбинезона были найдены сигареты с марихуаной.

Смерть мексиканца вывела Стеллу из равновесия. После того, как он несколько раз подряд явился ей во сне, она приехала к Мурхэду.

— Боюсь ложиться спать. Боюсь заснуть, он ждет меня и будет опять кричать. Не надо было выходить тогда из машины и смотреть на него. Не могу забыть, как он корчился. А я не могла отвести глаз...

Мурхэд прописал ей успокаивающее лекарство, молочные ванны и отдых на берегу моря. Она съездила на Палм-бич, потом в Остенде, наконец, на Ямайку, и это помогло — мексиканец перестал сниться. Но через некоторое время страшные сны возобновились, теперь вместо мексиканца стали появляться другие люди, иногда знакомые, но чаще совсем неизвестные, и она их убивала разными способами — стреляла в них, душила или давила машиной. Сперва ей было противно, потому что жертвы отчаянно вопили, но потом она стала привыкать — убийства уже не казались ей такими ужасными, она спокойно слушала предсмертные крики жертв, перестала бояться. И наконец, наступил тот день, вернее ночь, когда очередное убийство во сне доставило ей удовольствие — как будто умертвила не человека, а козулю или зайца. И когда проснулась, почувствовала неудовлетворенность, чего-то не хватало, словно ей что-то дали и тут же отняли.

Доктор Мурхэд вынужден был признать, что болезнь прогрессирует — требуются более серьезные меры.

Он жил в уютном особняке недалеко от города на небольшом холме, заросшем пиниями. Поблизости не было ни одного дома, в конце леса, примерно в десяти минутах езды на машине, была заправочная станция. Но она работала только днем — по этому узкому шоссе, которое вело к поселку, между каменоломней и кладбищем, ночью никто не ездил. Доктор наслаждался одиночеством — пациентов он принимал днем в отеле в центре города и только некоторым назначал прием у себя дома в вечерние часы. Злые языки гово-

рили, что такой чести удостоиваются только самые богатые пациентки, лечившиеся в порядке развлечения. Женщинам было приятно иметь дело с доктором, у которого были гипнотизирующие глаза и красивые губы.

Стелла Бриш была в числе тех пациенток, которых Мурхэд принимал у себя в особняке. Но Стелла лечилась не в порядке флирта, а потому, что действительно нуждалась в медицинской помощи.

Патентованные успокаивающие препараты, японский магнетический пояс, озонная подушка, лечебный матрац, набитый ароматными травами из Бирмы и Мадагаскара, магнитные ленты, на которых были записаны шелест дождя и приглушенное стрекотание цикад, — все это помогало вначале, но вскоре переставало действовать. Немного помогали особые массажи груди и живота, которые делал сам доктор, смачивая пальцы смесью из розового масла и джина. Но сновидения с убийствами продолжались, и они становились все более изощренными.

После очередного сеанса массажа Стелла, лежа на кушетке в гостиной и закулив сигарету, пропитанную слабым раствором опия, сказала:

— Я теперь не просто убиваю, а сперва забавляюсь. Связываю жертву по рукам и ногам, беру щипчики для льда, и... мне приятно, когда жертва издает душераздирающие крики, совсем нечеловеческие. И когда совершается главное, я долго смотрю, как шевелятся руки и ноги, как у того мексиканца. А потом просыпаюсь и чувствую разочарование — это только сон. словно поднесла ко рту фужер с вином и вдруг оно испарилось...

Доктор провел рукой по ее плечу.

— А кто ваши жертвы? Мужчины или женщины? Кого больше?

— Мужчин больше. И все интересные. Такие... как вы.

— И вам не жалко их?

— Нет. Я ведь знаю, что это только сон и мне за это ничего не будет. Как с тем мексиканцем. Скажите, доктор...

— Называйте меня Беном, так будет уютнее, интимнее. Вы должны относиться ко мне не как к врачу, а как к близкому другу. Тогда мне будет легче лечить вас. И, главное, не стесняйтесь, говорите все... не стыдитесь. В наше время мы, психотерапевты, выполняем роль патеров-исповедников. Ведь в прежние времена женщины говорили своим исповедникам буквально все, признавались во всех грехах, даже самых постыдных...

Стелла вздохнула.

— Они получали отпущение грехов и выходили из исповедальни с очищенной душой, восстановив полностью душевное равновесие. А я... пока я здесь, мне хорошо, но стоит мне вернуться в город, домой... и я начинаю думать о том, что будет ночью, как буду опять во сне... Но меня страшит, доктор, простите, Бен, то, что я уже не могу обходиться без этих снов, они как морфий или героин. Словно я стала наркоманкой. И когда наступает вечер, я ловлю себя на мысли: меня ждет удовольствие. Как будто собираюсь идти в гости к интересным людям или на хороший концерт. Я, наверно, постепенно схожу с ума?

— Не смейте так думать, — тоном приказа произнес Мурхэд. — Выбросьте эти мысли из головы. Ничего ненормального в вас нет, можете мне верить. Я вам уже говорил, что в каждом человеке заложен агрессивный инстинкт, инстинкт жестокости, это пренатальная черта...

— Пре... натальная?

— То, что заложено в человеке до рождения. И эти бессознательные инстинкты управляют человеком, он целиком подвластен им.

— И вы тоже?

— И я, и ваш муж, и ваши горничные, и все ваши знакомые, все без исключения. Всеми нами управляют два главных влечения — влечение к агрессии, разрушению, убийству и влечение половое...

— И пастором Уэйдом тоже?

— Да. Это главные движущие силы бессознательного.

Стелла медленно потянулась.

— Значит, это вполне нормально... что мне приятно во сне это самое...

Он молча кивнул головой и погладил ее по ноге. Она бросила взгляд на картину, висевшую над электрическим камином.

— И эта картина тоже доставляет мне удовольствие. У женщины голова смещена, руки и ноги тоже, и сзади улица... все дома покосились в разные стороны, как во время большого землетрясения.

Мурхэд взял у Стеллы сигарету и бросил в пепельницу.

— Да, в этой картине отчетливо проявилось пренатальное влечение к разрушению. Этот художник погиб пять лет тому назад в Африке во время охоты. И все его картины могут служить иллюстрациями к учебникам по глубинной психологии. Вы были в музее Гуггенхайма в Нью-Йорке?

— Да, много раз.

— Там висит картина Делонэ — изображена башня, которая рушится, вся деформирована, клубятся облака, как будто произошел взрыв, земля стоит дыбом... Эта картина доставляет наслаждение, потому что отвечает нашему бессознательному влечению. Не надо удивляться тому, что дети потрошат кукол и мучают котят. И тому, что, когда вы целуетесь, вам хочется укусить, причинить боль. Это проявление амбивалентности эмоций — любовь сочетается с желанием мучить, ломать, разрушать.

— Мне нравятся картины де Коонинга, — сказала Стелла, — недавно купила две за пятнадцать тысяч. Там перемешаны все плоскости, разорваны линии, диссонирующие пятна, прелесть. И Поллока тоже люблю с его брызгами по всему полотну. Он ведь тоже погиб под машиной, как мой мексиканец. Пикассо уже слишком академичен, выглядит как Джотто или Чимабуэ. И недавно я испытала огромное наслаждение, когда слушала фрагменты оперы Менотти, особенно то место, где женщина-медиум душит глухонемого, там такие немыслимые септаккорды, тремоло и фиоритуры, что мороз пробегает по коже, я чуть не отвернула голову болонке. Хиндемит и Стравинский кажутся теперь

совсем пресными, как какой-нибудь Вивальди или Чимароза...

Доктор провел рукой по спине пациентки.

— Все дело в том, что нам, живущим в условиях цивилизации, приходится все время подавлять наши настоящие желания и страсти, запирает их в клетку, именуемую сферой бессознательного. И там они соединяются с демонами — инстинктами разрушения и сексуальности. Подавление этих демонов, бушующих в глубинах нашей психики, губительно отражается на всей нашей нервной системе. Отсюда наша угнетенность, мучительная неудовлетворенность, невроз и прочие недуги, терзающие цивилизованное человечество. Поэтому то, что с вами происходит, вполне естественно. Закономерно и нормально.

Стелла тихо засмеялась.

— Значит, бояться нечего? Можно продолжать убивать во сне?

— Можно. Надо сублимировать, то есть преобразовывать то врожденное влечение, которое бушует в глубинах вашей психики и хочет вырваться наружу. Эта сублимация у вас происходит в форме снов...

Стелла села с ногами на кушетку и стала поправлять волосы.

— Но сублимация уже перестает меня удовлетворять. Сны только разжигают аппетит у моих демонов. Сны это тот же дым, а дымом трудно насытиться.

— Правильно, моя умница. Поэтому надо избавиться от подавленности, угнетенности, иначе это приведет вас к опасной ситуации...

— Какой? Начну делать то самое не во сне, а наяву?

— Нет, инстинкт самосохранения не позволит вам этого. И вам придется сдерживать из всех сил разрушительную энергию, и в конце концов она обрушится на вас. Это самое страшное.

— Убью себя?

— Да. Но этого надо избежать, и я помогу вам сделать это.

— Мне кто-то говорил, что маленькие зверьки — кажется, лемминги — бросаются в море сгромными

толпами, десятками тысяч. Кончают самоубийством. И скорпионы тоже. Они жалят самих себя и умирают. — Стелла улыбнулась. — Потому что у них нет психотерапевтов.

— Мы помогаем человечеству в меру своих сил, — сказал Мурхэд.

Стелла понюхала спинку кушетки.

— Это не мои духи. Наверно, этой кривобокой гие-ны... Гленды Гру. Кстати, я ее однажды убивала во сне, раздавила... как того мексиканца.

Мурхэд пристально посмотрел ей в глаза и сказал:

— Скажите мне, Стелла, как врачу, как своему исповеднику... не бойтесь, дальше меня не пойдет. Мы свято соблюдаем профессиональную тайну.

— Сколько раз изменяла Фреду?

— Нет. Тот мексиканец лежал на дороге, а кровь была на тротуаре у телефона-автомата. Где вы наехали на него?

Стелла закурила сигарету и выдохнула дым вверх.

— Он хотел перейти, я просигналила, тогда он прыгнул назад... а я, вместо того, чтобы затормозить, круто повернула руль и заехала на тротуар, а он вдруг упал, и меня охватила такая злость, что я двинула машину дальше, и он закричал. И только тогда я пришла в себя... Вышла из машины и оттащила его на дорогу... ему уже было все равно, где лежать.

Мурхэд зажег настольную зажигалку и, дунув на нее, потушил.

— Я так и думал. Говорили об этом мужу?

Она пожала плечами.

— Нет, он же не врач.

— Никому не говорите, никогда. — Он сделал паузу и заговорил громко: — Мой метод лечения будет заключаться в том, чтобы дать выход тем демонам, которые скребут вас изнутри. Надо выпускать их, то есть делать психическую разрядку, но так, чтобы сохранить себя. Если бы цивилизованное человечество не делало бы таких разрядок, оно давно перестало бы существовать, покончило бы с собой, как это делают лемминги. Только потому, что человечество время от времени давало выход накопившимся стремлениям к

разрушению и убийствам, оно продолжает свое существование. Вот почему история человечества — это цепь кровопролитий, жестокостей, войн, преступлений, бунтов, погромов, массовых казней — все это психические разрядки. И я буду вас лечить примерно так же, как человечество лечит себя, — проводить профилактику взрывов разрушительных влечений, направлять их в сторону, сублимировать...

— И мне станет легче?

— Если урегулируем внутриспсихический конфликт, возникший у вас из-за тормозящего влияния среды, морали и законов, и найдем разумный выход для агрессивной энергии, тогда у вас наступит разрядка, удовлетворение, умиротворение.

Стелла покачала головой.

— Несчастные женщины цивилизованного мира. А у нецивилизованных, наверно, не бывает этих... внутриспсихических конфликтов?

— Нет, тоже есть. Зафиксированы случаи массовых припадков истерии и ярости у женщин некоторых примитивных народностей. У айносов эти взрывы истерии называются иму, у филиппинцев — маримари, а у бирманцев — яуандачин.

— А у нас это называется...

— Неврозом навязчивых состояний.

Стелла оделась и, вынув из сумки чековую книжку и авторучку, заполнила чек — гонорар за визит. Мухомед небрежно засунул чек в жилетный карман.

С этого дня он стал проводить так называемую форсированную профилактику невроза — дрессировать демонов Стеллы. Он посоветовал ей приобрести духовое ружье и стрелять в ворон, голубей, воробьев и прочих птиц. Затем выезжать за город и подстреливать кошек и собак. И сочетать эти действия с активным спортом, связанным с риском, — играть в гольф с крупными денежными ставками и совершать ночные автопрогулки с быстрой ездой — не ниже семидесяти миль в час. Стелла купила специально для этих прогулок две машины — «крайслер»-барракуду и спортивный «олдсмобил». Вскоре она раздавила двух

исландских догов вдовы полковника Хейтса и ранила почтальона, пришлось уплатить большие штрафы.

Но сны, вызываемые демонами, продолжались. Теперь у Стеллы после пробуждения часто происходили взрывы гнева, вроде филиппинских маримари, — она успокаивалась только после того, как расправлялась с несколькими фарфоровыми сервизами или расстреливала из ружья попугаев и золотых рыбок.

Однажды ночью Мурхэду позвонил муж Стеллы и сообщил, что, проснувшись, увидел в своей спальне жену, она стояла у его изголовья с кухонным ножом. Он обезоружил ее и заставил выпить большую порцию снотворного. Что делать?

Мурхэд успокоил его. Если бы она действительно хотела пустить нож в ход, то сделала бы это сразу, а не стояла у кровати. Инстинкт самосохранения скрывает ее. Но надо на ночь запирасть на ключ все ящики, где находятся режущие и колющие предметы, и класть где-нибудь на стол деревянный нож. И, ложась спать, закрываться в своей спальне на ключ.

Через недели две к Мурхэду в его кабинет в отеле пришел муж Стеллы и сказал, что у нее появилась новая забава — бросать дротики. Она научилась точно попадать в цель. А в последние дни стала привязывать кукол к креслам и швырять дротики прямо в них, целясь в сердце.

— А как себя чувствует после этого? — спросил доктор. — Бывают припадки ярости?

— С тех пор, как стала бросать дротики, припадки кончились. Сны продолжают, но стали реже.

— Отлично, — сказал Мурхэд. — Мое лечение помогает. Пусть кидает дротики и разряжается. Я еще что-нибудь придумаю. Что-нибудь вроде массажа в горячей воде по ацтекскому способу.

Спустя несколько дней вечером Мурхэду домой позвонила Стелла.

— Я завтра лечу в Лас-Вегас на недельку, поиграю на рулетке. Хочу видеть вас. Вы никого не ждете?

— Нет. Я совсем один.

— А прислуга?

— Уже отпустил.

— Сейчас приеду.

Через двадцать минут подъехала Стелла. Она вынула из дорожной сумки маленькую бутылку испанского бренди и поставила на столик около кушетки, а сама села на ковер. Мурхэд сел в кресло.

— Давайте выпьем. Я продрогла.

Они осушили всю бутылку. Она поежилась.

— У вас холодно.

Он подошел к термостату и перевел стрелку на 75, под полом загудел моторчик. Она поднялась с ковра и, пройдя вдоль окон, задернула шторы.

— Вам Фред говорил насчет дротики?

— Да. Я одобрил это. Легче стало?

Она кивнула головой.

— Мне хочется вам показать, как я это делаю. Будете прописывать другим. Дайте карандаши, они заменят дротики.

Мурхэд принес из кабинета неочиненные карандаши. Она вынула из сумки несколько мотков телефонного провода.

— Вы будете вместо куклы. Я привяжу вас к креслу и буду бросать дротики, то есть карандаши. Буду легко-легко бросать, чтобы не было больно. Увидите, как это делается, не бойтесь.

Он засмеялся и, взяв сигару в рот, закурил.

— Я не боюсь. Вы моя самая любимая пациентка.

Она вытащила сигару из его рта, поцеловала в губы, затем связала ему руки и ноги и привязала его к креслу. Проделала это очень старательно. И проверила, прочно ли он привязан.

— Прямо как в фильме Хичкока, — сказал Мурхэд.

Зазвонил телефон. Она вздрогнула, посмотрела на окна, потом подняла трубку и опустила на рычажки.

— Скорей начинайте, — попросил Мурхэд. — Вы слишком крепко привязали меня, у меня скоро начнут затекать конечности.

— Минуточку потерпите, дорогой.

Она взяла стул, поставила напротив Мурхэда и села.

— Карандаши вон там, за бутылкой.

— Ой, чуть не забыла. — Она покопалась в сумке, вытащила мелок и на левой стороне его пиджака, на нагрудном кармане, нарисовала кружок.

— Вы слишком близко сели, — сказал он. — Неудобно будет бросать.

— Не беспокойтесь. — Она шевельнула уголком рта. — Слушайте меня внимательно, Бен. Я пошла на прошлой неделе к доктору Ньюдженту, он тоже психотерапевт, недавно приехал к нам из...

— Знаю, — перебил ее Мурхэд. — Патентованный жулик.

— Судя по всему, очень толковый. И приятной наружности. Он мне сказал, что забавы с духовым ружьем и дротиками и все прочее — паллиативные меры. Все это ерунда. И что все ваше лечение — сплошное шарлатанство. Я ему сказала, что за каждый визит вы берете по сотне. Даже когда делаете мне массаж, не сбавляете, хотя это доставляет удовольствие больше вам. Доктор Ньюджент дал мне понять, что нужно сделать психическую разрядку по-настоящему, только это спасет меня. Иначе сны доведут меня до гибели. И я решила...

— Перейти к Ньюдженту?

— Не только. Решила проделать наяву.

Она вынула из сумки пистолет. Мурхэд заерзал в кресле.

— Вы с ума сошли! — вскрикнул он. — Не надо шутить.

Стелла мотнула головой.

— Я не шучу.

— Пистолет заряжен?

— Конечно. — Она посмотрела на дверь, ведущую в кабинет. — Где у вас потайной сейф, за какой полкой?

— В шкафу у окна за Прустом на второй полке, — быстро проговорил он. — А ключ на третьей полке слева за Цвейгом.

— Я возьму только те деньги, которые зря платила вам.

— Берите сколько хотите, вам пригодятся в Лас-Вегасе.

— Я возьму их после. — Она тряхнула головой. — Мне жаль вас, Бен, но я ничего не могу сделать. Мне нужно высвободить демонов, а то я действительно сойду с ума или наложу на себя руки...

— Я дам вам все деньги и чековую книжку, — прохрипел он, — берите все.

— Не надо мне ваших денег, свои некуда девать. — Она коротко вздохнула. — Очень жаль, что так получилось, но ничего не поделаешь. К тому же я нечаянно сболтнула вам насчет мексиканца...

— Я никому никогда не скажу, клянусь памятью матери...

Она подняла пистолет и сняла предохранитель. Доктор стал барахтаться в кресле.

— Пожалуйста, не дергайтесь, — сказала Стелла, — а то я попаду не в кружок, и вы будете зря мучиться. Я ведь первый раз стреляю в живого человека.

Она положила палец на спусковой крючок и зажмурила правый глаз.

ТАЙНА УЛЬТИМАТУМА

2 апреля 10-го года эры Тайсё* в час дня все японцы, все поголовно, покинули Урадзю**.

Историческая справка. В ночь 4—5 апреля 1920 г. японские интервенционные войска в Приморье напали на войска приморского правительства. Нападению предшествовал не разрыв дипломатических отношений между японской стороной и приморским правительством, а, наоборот, установление соглашения между ними. Нападение было начато во Владивостоке, где японских войск было больше в семнадцать раз. Это была не военная операция, не вооруженный поединок, а вероломное нападение вооруженных с головы до ног семнадцати человек на одного спящего, который в первый и последний раз поверил честному самурайскому слову. Японская офицерня после победы решила, что революционное движение в Приморье уничтожено в корне и что японские войска останутся во Владивостоке навсегда.

«Удивление японцев было неописуемым, когда партизаны 7 апреля перешли в контратаки» (Вишневский).

Вместо «оккупации навсегда» японским войскам через два с половиной года пришлось торопливо покинуть Владивосток навеки. К нему подходили части Народно-революционной армии.

* 1920 год.

** Японское название Владивостока.

Я был в числе офицеров штаба имперской экспедиционной армии, выделенных для проводов на Эгершельдской пристани. Мы стояли у самого причала, рядом с консулами, чехословацкими офицерами и представителями красного командования.

Эвакуация походила на отъезд экскурсантов * МСА. Американцы — офицеры и солдаты — столпились на борту огромного транспорта, кричали и свистели своим русским подругам. Те стояли шпалерами сзади у пакгаузов, всхлипывали и жевали резинку. Раздались прощальные гудки, женщины стали кидать через наши головы бутоньерки и серпантин. Прощаясь с нами, офицеры штаба генерала Гревса изо всех сил выкручивали нам руки. Мы улыбались, стиснув зубы.

Подполковник Кричли, который в знак дружбы передал мне нескольких завербованных им агентов — русских коммерсантов и китайцев-притоносодержателей, сказал мне:

— Верьте подаренным вам шпионам, они проверенные, надежные люди.

Я, в свою очередь, преподнес ему амулет — кусочек холста, на котором была тысяча стежек.

— Эту штуку носили древние самураи под доспехами и избавлялись от всяких бед.

— Можно положиться на этот амулет? — спросил Кричли.

— Вполне, — ответил я и подумал: «Так же, как на подсунутых тобой шпионов, явных двойников».

Американский транспорт отчалил от пристани, оркестр на корме заиграл «Johnny, put your gun, put your gun», янки выкатились из гавани, так и не отомстив за Романовку и Сучанскую долину, где красные набили им морду.

Без четверти пять пополудни меня вызвал полковник Исомэ. Наш автомобиль подъехал к зданию приморского правительства. В вестибюле мы сняли мантию, сказали секретарю председателя правительст-

* Христианский союз молодых людей выполнял тогда на территории Приморья функции нынешнего «Корпуса мира».

ва о том, что прибыли по поручению нашего командующего, нас провели сразу же на второй этаж в кабинет Медведева. Полковник Исомэ вынул из портфеля бумагу, она даже не была вложена в конверт, протянул председателю. Долговязый, с полуседой бородкой Медведев снял очки, надел другие, прочитал бумагу и спросил тихим голосом:

— Это ультиматум?

— Это заявление, — ответил по-русски Исомэ.

Он отлично говорил по-русски и довольно чисто произносил даже букву «л». У нас все штабные переводчики спотыкались на этой букве.

— Нет, это ультиматум, — повторил Медведев, — с требованием, чтобы мы обезоружили себя. И с трехдневным сроком. Консульский корпус знает об этом ультиматуме?

Исомэ вежливо ответил:

— Ответ в течение трех дней, в противном случае на вас ответственность. Командующий надеется, что обе стороны придут к соглашению в интересах мира и дружественных отношений.

Полковник, надев фуражку, поднес палец к козырьку и пошел к дверям. Визит продолжался ровно семь минут.

Исомэ и я из одной провинции — из Фукуока, до Сибири вместе служили во втором управлении генштаба, до этого преподавали в Аоямской школе. Поэтому я с ним, хотя он на два выпуска раньше меня, на правах земляка разговариваю просто, без церемоний.

Для меня ультиматум командующего прогрохотал как гром в синем небе. Сели в машину, я посмотрел на квадратную физиономию Исомэ с выпирающими зубами. Из-за этих зубов казалось, что он всегда улыбается, но он улыбался только в тех случаях, когда этого требовали интересы дела.

— Зачем надо предъявлять ультиматум? В порядке дипломатического этикета? Чтобы не было неожиданности? Значит, Сунцзы * к черту?

* Древнекитайский ученый эпохи феодальных войн, автор классического труда по стратегии.

Исомэ закурил русскую папиросу.

— Не горячись. Так надо, поймешь после.

В штабе нашей армии подобралась группа почтителей Сунцзы. Главным комментатором его учения был Исомэ. Он проштудировал все тринадцать томов «Бин-шу», его коньком было пространно толковать главы о «пяти делах и семи замыслах» и о «пути неожиданности». Когда после Блуме, Клаузевица и Жомини мы открыли книги Сунцзы, нам показалось, что мы стали пить чистую, холодную воду после заграничных приторных лимонадов.

Мы наизусть, как из устава, выучили фразы из «Бин-шу». Из третьей главы «Подготовка нападения» — о том, что победа обеспечена, когда способный полководец поступает так, как он считает нужным, а не так, как велит государь, из восьмой главы «Девять чрезвычайностей» — о том, что «иногда по обстоятельствам приходится действовать без приказа государя», и из десятой «Арена войны» — где говорится, что, если можно победить наверняка, то следует проводить нападение, даже если придется нарушить запрет государя. Сунцзы прямо говорил, что командующий действующей армией в некоторых случаях должен быть независимым, совсем освобожденным от влияния правительства и действовать на свой страх и риск и ставить правительство перед свершившимся фактом. Слова Сунцзы имели в виду именно такое положение, какое сложилось сейчас для нашего командующего.

Сунцзы учит «цзио-дао» — «правилу неожиданно-сти» — как обманывать врага четырнадцатью способами, как маскировать свои замыслы, как притворно идти на соглашение, усыпить его бдительность, а потом стремглав, врасплох — трах! — наносить сокрушающий удар, подобный удару молнии.

Недели две назад Исомэ дал свой истрепанный экземпляр «Бин-шу» генералу Ои.

— Командующий, наверно, не открывал твоей книги, — сказал я. — Если бы прочитал, то не предьявлял бы дурацкого ультиматума, который насто-ро-

жит их. Получается как у фехтовальных школ. Одна вызывает другую: готовьтесь, пожалуйста, к состязанию, срок вам даем такой-то, мы тоже будем готовиться.

Исомэ ответил:

— Генерал уже прочел книгу и вернул мне. И, судя по следам его ногтя на страницах, он умеет правильно читать и толковать китайские тексты.

В десять вечера я по распоряжению начальника штаба генерал-майора Такаянаги объездил все казармы 42-го и 11-го пехотных полков, 4-го полка легкой артиллерии и 5-го саперного батальона. Солдатам перед вечерней поверкой сообщили, что партизаны заключили тайное соглашение с американцами, часть американских войск осталась во Владивостоке около Седанки, надев форму чехословаков и красных войск. Русское командование готовит такое же нападение, какое совершил Тряпицын в Николаевске, и это нападение состоится сегодня или завтра.

Все наши казармы уже были снабжены мешками с песком, солдатам дали походный паек. Я раздал ротным командирам карты Урадзю с белыми и черными кружками — наши и русские казармы. Наши, белые кружки во всех частях города окружали черные кружки, как в игре «го».

Около одиннадцати ночи меня и майора Югэ послали на Тигровую гору. Как только стали подниматься со стороны Амурского залива, сверху крикнули по-русски:

— Сюда неридзя! — И добавили по-японски: — Уцудзо! *

Я зажег электрический фонарик, описал большой круг и перечеркнул его крест-накрест. Сверху ответили тем же сигналом. Я потушил фонарик, потом зажег, проделал это четыре раза и стал подниматься.

Центральная высота в городе уже была нашей, обошлось без единого выстрела. Оказывается, наши час тому назад взобрались на гору, предъявили русским постовым поддельное письменное распоряжение

* Будем стрелять!

красного военачальника Лазо с его подписью, русские поверили, что у нас будет ночное обучение, и ушли, оставив две трехдюймовки.

Я стал у высокого флагштока, медленно оглядел город и длинную узкую гавань, по цепям огня можно было точно определить все улицы. Проектор с броненосца «Хидзэн», бывшего русского «Ретвизана», прощупывал вход в бухту.

Вспомнил, как в детстве был на Аmanoхасидатэ, смотрел с горы на залив с длинным перешейком, с соснами далеко внизу. На этот залив смотрят необычным способом. Становятся спиной к морю, нагибаются вперед и смотрят через широко расставленные ноги: небо идет вниз, море вверх.

Я принял эту позу, майор Югэ тоже, сказав с восхищением: «Ой, какая красота!» — все, кроме часовых у орудий, тоже нагнулись, опираясь на винтовки. Мы все как будто молились в полночь неизвестному божеству.

Через полчаса вернулся в общежитие чинов штаба, в гостиницу «Централь». Все окна были темны: начальник штаба приказал не зажигать света в комнатах с окнами на Алеутскую и Светланскую, свет горел только в комнатах с окнами во двор. Никто не спал. Ночью дважды в «Централь» приезжали от русского штаба, спрашивали генерал-майора Такаянаги или полковника Исомэ, но часовой — винтовку поперек — не пускал русских дальше входной двери. Я выходил к дверям и очень любезным тоном говорил, что оба уехали на Океанскую ловить крабов.

Все утро, весь день 3 апреля я и майор Югэ бегали, словно нам подожгли пятки. Дважды ездили на бухту Улисс, где за наспех построенным крематорием для будущих пленных близко к берегу расположилась батарея хиросимского полка полевой артиллерии, ездили в гости к Луцкому, в гостиницу «Версаль», он единственный из русских говорил по-японски, два битых часа беседовали о том, как ловят съедобных змей на юге Китая, о запрещенных приемах дзю-до, о том, как татуируются гейши и о гомосексуализме в Европе и Азии. Луцкий, старый барсук, каждый раз, как

только мы подводили разговор к ультиматуму, перепархивал на другие темы, так ничего и не сказал о том, что нас интересовало — отношение русских к ультиматуму. Мы выкурили по целой сигаре, стало тошнить, я даже оторвал аксельбант, а майор Югэ скрипнул зубами, мы встали и тепло попрощались с Луцким, и я твердо решил самолично пристрелить Луцкого, когда он попадет в наши руки.

После ужина стало известно: наше командование согласилось вести переговоры, генерал-майор Такаянаги встретился с русскими делегатами, они стали крутить, но генерал-майор остановил их, напомнил, что срок ультиматума истекает завтра — 4 апреля в 5 часов пополудни, встал из-за стола и приказал своему адъютанту проводить гостей к машинам. Русские сразу же помчались к консулам, особенно долго говорили с американским и английским, затем собрали иностранных корреспондентов, с ними говорили Роман Цейтлин и Луцкий, жаловались на нас, после этого объявили осадное положение, прекратили отпуска солдатам. На улицах стало совсем пусто, даже китайцы — разносчики рыбы и овощей — спрятались в своих фанзах, будто в городе началась чума.

Исомэ послал офицеров на Первую Речку и в Гнилой Угол произвести рекогносцировку. Офицеры доложили: в русских казармах потушены огни, у окон поставлены пулеметы, они ждут нашего выступления. В верхнем коридоре «Централя» я прошел мимо Исомэ и сказал ему на ходу:

— Надо отнести книги Сунцзы в клозет и использовать вместо туалетной бумаги. Он нам теперь совсем не нужен.

Ночью в комнатах начальника штаба, на втором этаже, сменили мебель. Четыре окна угловой комнаты выходили на Светланскую и Алеутскую, нас отделяло десять-пятнадцать шагов от здания земства — резиденции их правительства и гостиницы «Золотой Рог», где жили члены правительства. На подоконники положили мешки с песком, втащили три гочкиса и две мелкокалиберки с «Хидзэна», пулеметы установили на роалях, спилив ножки, диваны и кресла

выставили в коридор. Генерал-майор Такаянаги приехал из штаба в три часа ночи, вызвал меня, майора Югэ и двух адъютантов. Мы сели на мешки и ящики, стали пить зеленый чай с солеными рисовыми сухариками и ждали, что скажет начальник штаба. Он неторопливо поужинал, смесь японского с русским — жареная корюшка, холодная лапша со сладкой соей, квашеная редька и водка — и, выпив чашку чая, всунул в рот зубочистку. И наконец, приказал своему старшему адъютанту майору Инахара:

— Утром в десять часов надо будет передать частям на Первой Речке: отпустить треть солдат в город до пяти часов дня. Пусть разгуливают по городу и покажут русским, что все уладилось, ничего не случится, японская армия за мир и дружбу с русскими.

Мы переглянулись, никто ничего не понимал. Я хотел задать вопрос, но раздумал, лучше спросить у Исомэ.

С утра наши солдаты, сходя в бордели в Корейской слободке и на Семеновской, стали слоняться по Китайской и Светланской и толпиться у витрин фотографий и у китайских лавок. С «Хидзэна» спустили на берег половину экипажа.

В половине пятого дня, за полчаса до истечения срока ультиматума, русские, как мы и ожидали, приняли все наши шесть требований уважать права имперской армии. Генерал-майор Такаянаги от имени командующего экспедиционной армией заявил, что японское командование весьма удовлетворено фактом установления взаимопонимания между заинтересованными сторонами. Русским делегатам было послано приглашение на завтра прибыть в штаб на завтрак.

Я и Югэ сговорились поехать на ту сторону Амурского залива. Я остановил Исомэ у входа в кабинет начальника штаба и сказал сквозь зубы:

— Значит, пошли на соглашение? Будете пить с ними водку, закусывать зернистой икрой и обмениваться комплиментами. Нам нечего тут делать. Мы с Югэ поедem охотиться на фазанов, чтобы почтить память Сунцзы. Надо успокоить его дух.

Исомэ молча втокнул меня в кабинет начальника штаба. Тот говорил по телефону с начальником гарнизона в Никольске генерал-майором Одагири:

— Примите приглашение русских на банкет и отправьте десять офицеров. Пусть пойдут с красными бантами на груди, но без наших орденов. И пусть пьют вовсю, но чтобы вернулись в казармы до девяти, ни на минуту позже. Опоздают — военно-полевой суд. Соглашение с русскими подписано. Следите за их тридцать третьим полком, ни на минуту не спускайте глаз и держите в поле зрения начальника их гарнизона Андреева. Ждите дальнейших указаний. Да, да. Поторопите жандармерию с дополнительным списком корейских главарей.

Я шепнул:

— В чем дело? Ничего не понимаю.

Исомэ хлопнул меня по спине.

— Дурак. Все идет как надо.

Мне приказали составлять сводки телефонограмм и посылать через каждые 30 минут командующему армией на квартиру на Пушкинской улице.

Телефонограммы шли от штаба жандармерии. Штаб русских войск отменил осадное положение, снял усиленные караулы, на Эгершельде в казармах осталась уже только треть солдат, около штаба крепости убрали все пулеметы, русская тревога быстро испарялась и поднималась в небо.

Начальник штаба позвонил мне к себе пальцем и сказал почти шепотом:

— Тебе дается специальное поручение. После выполнения его явившись не сюда, а в «Централь» и доложить мне.

Исомэ сунул мне в руку конверт, на лицевой стороне ничего не было написано, на обратной стороне — личная печать генерал-майора. Я прочитал то, что было в конверте, вернул листок прозрачной бумаги Исомэ. Он разорвал бумажку на тонкие полоски, смочил слюной, скомкал.

Генерал Такаянаги тихо сказал:

— Как только увидите их засаду, немедленно поднимите тревогу выстрелами. Стреляйте в воздух так,

чтобы пули пролетели над их головами и только напугали. И мчитесь обратно в отель. Я буду здесь.

Я быстро направился в «Централь», надел чистое белье, вынул из чемодана фамильный старинный меч, переделанный в саблю, приложил его ко лбу и поклялся смочить его. Потом положил во внутренний карман кителя дощечку-талисман с горы Нарита. Стал курить, никогда сигареты так быстро не курились.

Ровно в 9.30, согласно приказу, я с поручиком Ивая и пятью унтер-офицерами, взяв два пулемета, поехал на грузовике на Эгершельд. На улицах было темно, фонари не горели, по дороге встретили четыре легковые машины с потушенными фарами. Девять часов, но казалось, что уже два часа ночи. Доехали до последнего причала, повернули обратно к вокзалу. Проехали мимо штаба крепости, все окна были темны, как будто в здании нет ни души. Во всем городе шумела только наша машина. На площади перед вокзалом замедлили ход. Пристально ог-

лядел ее. На углу Морской улицы, которая спускалась к вокзалу, и улицы, которая шла позади штаба крепости, в темноте копошились фигуры. Они! Партизанская засада! Грузовик рванулся вперед, я приказал стрелять не вверх, а прямо в людей, дали два залпа и пулеметную очередь и помчались по Алеутской во весь опор. И сразу же на Тигровой зататакали пулеметы, началась стрельба на Коммерческой пристани за вокзалом и за особняком Бринера на склоне Тигровой горы, на Адмиральской пристани и еще в других местах — весь мир проснулся в одно мгновение.

Подлетели к «Централю», я с размаху прыгнул в вестибюль, повалил кадку с пальмой, взбежал на второй этаж и, ворвавшись к себе в номер, немедленно позвонил в штаб — дежурный адъютант сказал, что генерал-майор в «Централе». С угловых комнат отеля уже всю палили через улицу. Забухали трехдюймовки — очевидно, со стороны Орлиного Гнезда.

Начальник штаба был в столовой для обер-офицеров, она была заполнена, некоторые сидели на полу. Генерал-майор Такаянаги, не дав мне открыться рта для рапорта, крикнул:

— Майор Момонои, вместе с полуротой немедленно взять резиденцию вражеского правительства!

Обстрел здания правительства в упор через улицу продолжался десять минут, оттуда не отвечали. Мы столпились в вестибюле и на лестницах. Во всем городе грохотали выстрелы. Обстрел здания правительства вдруг прекратился. Я обнажил саблю, крикнул «в атаку!», выскочил на улицу, бросился к резиденции правительства. Мы вбежали во двор, оттуда ворвались в здание. В темных коридорах и комнатах ни души, только густая пыль от штукатурки, хрустело стекло под сапогами. В полуподвальной комнате солдаты нашли четырех мужчин и одну женщину, закутавшуюся в одеяло, ее стащили с постели. Женщина закричала:

— Мы военный нет! Мы убирай комната, топи топи печи. Аната, пожалуйста, не надо, не надо.

При свете фонарика женщина показалась мне довольно привлекательной. Я сорвал с нее одеяло и взмахнул саблей над ее головой, она упала в обморок.

— Поджечь здание? — спросил поручик Ивая.

— Нет указаний, — ответил я.

— А этих? Может быть, переодетые партизаны?

— Это сторожа и дворники. Пусть живут.

Поручик помахал саблей в воздухе.

— Засовывать обратно в ножны в сухом виде — плохая примета.

— Еще успеем, — сказал я.

Пальба в городе закончилась к двум ночи. Последние выстрелы были даны из шестидюймовок с «Хидзэна», очевидно, по Гнилому Углу.

Я поехал на трофейной машине — «паккарде» — председателя русского правительства на Первую Речку осматривать захваченные казармы. У меня громко стучало сердце, когда я увидел казармы за тюрьмой. В этих казармах стояла та самая партизанская часть, которая в ноябре прошлого года встретилась с нами под Вяземской. Та самая, из-за которой все офицеры 42-го полка после неудачного боя обрили головы, как буддийские монахи, и обвязали белыми траурными тряпками сабельные эфесы.

Когда пулеметы стали бить по окнам, русские спали и, еще не проснувшись как следует, стали выбрасываться в нижнем белье из окон. Они не спали до этого несколько ночей, а в эту ночь успокоились и крепко заснули. Перед окнами внутри и снаружи казарм образовались брустверы несколько сяку вышиной из полуголых трупов. Та партизанская часть на Эгершельде, с которой мы начали, очевидно, не успела предупредить этих. Мы вовремя перерезали провода. На дворе валялись белые тряпки — наши офицеры получили полную сатисфакцию, смыли с себя позор. За казармами на горе хлопали в одиночку револьверные выстрелы, добивали сдавшихся.

В штабе на Семеновской, в адъютантской уже пи-

ли шампанское. В углу пели «Утэ-эя, корасэ-эя, рося-таки во!»*.

Уже были получены реляции из Раздольного, Никольска, Шкотова, Имана, Спасска. Бой еще шел только в Хабаровске, город был взят, но часть неприятельского гарнизона еще сопротивлялась на окраине. Штаб напоминал университетское общежитие после победы в бейсбол. Вестовые тащили охапками с четвертого этажа давно заготовленные флаги с красным кругом — с утра украсят ими весь город, ставший нашим. Я стал вытирать платком глаза — воину не стыдно плакать от радости.

В кабинете начальника штаба стояли наши корреспонденты с повязками на руках. Генерал-майор медленно говорил, все записывали.

— ...Но через час после установления соглашения русское командование под давлением вожakov партизанских отрядов отдало приказ всем гарнизонам в Приморье напасть ночью на наши войска. Первыми должны были выступить партизанские части на Эгершельде. Мы послали майора Момонои с солдатами на грузовике в сторону штаба крепости с тем, чтобы в случае появления партизанской колонны около вокзала поднять тревогу. В девять тридцать вечера на вокзальной площади появились густые цепи партизан, шедшие со стороны Эгершельда. Увидев наш грузовик, партизаны первыми открыли огонь без предупреждения. Наш ответный огонь обратил в бегство партизан. Они оставили на площади два трупа — это были трупы майора Югэ и ефрейтора Тагая. Очевидно, русские захватили их где-то и при бегстве убили. Их души навеки останутся в храме Ясукуни**. Командующий экспедиционной армией Японской империи генерал Ои ввиду чрезвычайной обстановки отдал приказ, не запрашивая высочайшей санкции, выступить немедленно всем частям для поддержания

* «Бей, карай русского супостата!» (военная песня, которую распевали в Японии в 1904—1905 гг. во время войны с царской Россией).

** Храм в Токио, посвященный памяти погибших воинов.

престижа Империи и восстановления правопорядка. Военные действия начались во всем Приморье, наши доблестные войска...

В кабинете было очень душно, я и поручик Ивая вышли в коридор покурить. К нам подошел Исомэ, он широко улыбался, от него пахло вином.

— Сейчас начальник штаба говорит о тебе. Как ты взял штурмом здание правительства, уничтожив партизанскую роту правительственной охраны. — Он сильно ударил меня кулаком по плечу. — Ты понял теперь, как надо читать старинные китайские книги? И как их правильно толковать? Понял тайну нашего ультиматума? Один из способов, рекомендуемый китайским стратегом.

— А в Токио будут довольны нашими действиями?

Исомэ икнул и ответил:

— Вышло не совсем так, как предполагали. Большая часть их войск и особенно партизан вышла из-под удара. Придется теперь повозиться с ними.

— Этого дела они нам не простят.

— Кое-где они уже начали действовать. Только об этом пока никому.

— А Семенова удастся поставить у власти?

— Вряд ли. Если б нам удалось разгромить их полностью, то мы смогли бы продиктовать им любые условия. Но, к сожалению, не получилось. Вот что. Скорее поезжайте оба в бухту Улисс. Можете взять с собой нескольких офицеров, любителей охоты на фазанов. Туда доставляют красных корейцев. Захватили почти всех вожakov. Их надо всех поголовно... — таков приказ командующего. Поручаю тебе это дело.

— Письменный рапорт о выполнении приказа представить вам?

Исомэ махнул рукой и икнул.

— Только устный, потому что приказ командующего тоже устный, неофициальный.

Я отозвал полковника в сторону и спросил шепотом:

— Значит, та засада была не партизанская? Поэтому мне приказали стрелять вверх?

Исомэ сделал строгое лицо.

— Ты правильно истолковал приказ начальника штаба. Ты достоин звания ученика Сунцзы. Жалко Югэ, но его представят к ордену Золотого Коршуна, тебя тоже.

Когда мы приехали в бухту Улисс, уже было светло. Каменистый берег был покрыт водорослями и медузами. На плоской скале сидели привязанные друг к другу корейцы. Было прохладно, мы развели костер около шаланды, лежащей на берегу, опорожнили фляжки с сакэ, закусили консервированной солониной — корнбифом, выкурили по сигарете и начали.

Эти записи майора Йоситеру Момонои из органа спецслужбы (токуму-кикан) в Приморье были добыты в числе других документов особой группой, действовавшей среди японцев по заданиям Я. К. Кокушкина — члена владивостокской подпольной организации большевиков.

ЯПОНСКИЙ ПЕЙЗАЖ

После крутого перевала вдали показалась высокая гора, очень синяя гора со снежной вершушкой. Ближайшая долина была красной и светло-лиловой, сплошь горная азалия и волчий корень. По краям дороги бамбук и трилистник. Надо было отдохнуть. От синей горы веяло прохладой, но, когда ветерок стихал, становилось жарко. Путники, среди них был один неапонец, подошли к лачуге, вместо вывески висели рекламы лекарства против усталости «Биотамин», электробритвы «Браун» и газовых зажигалок «Oricket». Все сели под навесом на скамейки, покрытые цыновкой.

Из лачуги вышла старушка с подносом и, кланяясь каждому в отдельности, поставила чашечки, разлила зеленый чай и предложила соленые сухарики, обернутые морской капустой. В стеклянном ящике у двери лачуги были выставлены бутылки японского виски «Нikka», шариковая авторучка и открытки.

Иностранец, на вид ему было под сорок, лысый, выпил чай, закурил сигару. Молодой парень, с прической «битлз», в затасканных кожаных брюках, купил большую карту этого горного района. Высокий, хорошо одетый господин средних лет, с галстуком-бабочкой, внимательно просмотрел все открытки, но не нашел подходящей. Полноватый полуседой джентльмен в серебристо-сером дакроновом костюме купил пачку зубочисток. Остальные трое — супруги с маленькой девочкой, все в японском, — выпили чай и подошли к обрыву. Иностранец сфотографировал статую бога Дзидзо на замшелой скале, потом подошел к супругам и, показав на девочку, спросил:

— Ёросии деска? *

Супруги переглянулись, улыбнулись, муж поправил очки и ответил с поклоном:

— If you please.

Мать поправила девочке челку и пояс сзади. Иностранец усадил девочку на скамейку, чтобы фоном служили горы вдаль, и щелкнул несколько раз. Затем снял родителей с девочкой, подозвал молодого парня в кожаных брюках, но тот с улыбкой помахал рукой перед лицом — отказался.

Высокий японец сел на плоский камень у входа в пещеру и застыл в неподвижной позе. Затем стал медленно поднимать и опускать плечи — делал специальную дыхательную гимнастику.

Путники, оставив старухе несколько серебряных монет с дырками посередине, пошли дальше.

Еще один перевал, началась чаща причудливо изогнутых сосен, по краям узкой дороги росли желтые ромашки и розовые ойрансо — «трава куртизанки». Громко трещали цикады. Синяя гора стала ближе, внизу появилась новая долина, на дне ее виднелась деревушка, десяток хижин с камышовыми крышами, между ними торчали шесты, соединенные веревками, на них сушились халаты. Около деревушки протекала речка среди квадратов рисовых участков.

* Можно? (япон.)

Иностранец пошел рядом с супругами. Оказалось, что и муж и жена знали английский.

— Вы к озеру? — спросил иностранец у мужа.

— Да. А вы?

— Я тоже. Люблю путешествовать без всяких гидов и удобств, так лучше можно узнать страну и людей. Когда мы доберемся до озера?

— К вечеру придем, — ответила жена. — Вы давно в Японии?

— Уже полтора года. Девочка наверно устала. Ей трудно ходить по горам так много. Слишком рано стала альпинисткой.

Иностранец погладил девочку по голове, она испугалась и хотела заплакать, но раздумала, получив от чужого, страшного на вид дяди таблетку в серебряной бумаге — жевательную резинку.

Супруги узнали, что иностранец — американский дипломат, изучает японское искусство эпохи Муромати и коллекционирует маски театра «Но». До того, как стать дипломатом, собирался писать рассказы по совету своего друга, писателя Стэнли Эллина.

Дипломат спросил супругов: читали ли они современных американских писателей? Муж ответил, что немножко читал и, между прочим, помнит страшный рассказ Эллина о ресторанчике для гурманов, где подавали блюда из человечины. А жена сказала, что читала журналы «Плэйбой» и «Ньюйоркер».

— Рассказ Эллина, запомнившийся вам, — сказал дипломат, — это лучший рассказ двадцатого века во всем мире. А где вы работаете?

Супруги сейчас нигде не работали. Муж был учителем английского языка в одной школе около Токио, но был уволен за участие в забастовке, проведенной Всеяпонским союзом учителей. Он добавил с улыбкой, показав на шею:

— И выяснилось, что надо срочно делать операцию...

А жена сказала, что кончила педагогический институт в Осака, но из-за туберкулеза не смогла устроиться на работу по специальности, пришлось работать кельнершей в баре. Она улыбнулась.

— Меня тоже уволили. Из-за состояния здоровья. Дипломат сказал:

— В Японии очень хорошая медицина. Славится на весь мир.

Около маленькой кумирни богини Лисицы путники остановились пообедать. Парень в кожаных штанах извлек из рюкзака алюминиевую коробку с рисом и кусочком кеты. Дипломат вынул из сумки виниловый мешочек с сэндвичами, полноватый господин открыл консервную банку, вынул из кармана палочки и стал вытаскивать из банки стебельки спаржи. Высокий японец ограничился несколькими красными таблетками поливитамина. А супруги, отвернувшись от всех, стыдливо ели омусуби — рис, скатанный в шарики и обсыпанный солью. Девочка съела положенную шарика, затем достала из рукава халата аккуратно сложенную разноцветную бумажку, расправила ее, стала дуть — оказалось, что это мяч из бумаги. Девочка подбрасывала мяч вверх и отбивала рукой, но чаще мяч падал на землю, девочка приседала и смеялась.

Когда проходили мимо чайной лачуги около мостика через ручеек, девочка увидела на прилавке рисовые лепешки. Она остановилась, засунув пальчик в рот. Супруги посмотрели друг на друга. Жена сказала:

— За ночлег и ужин отложите.

Муж вынул бумажник и, пересчитав деньги, тихо сказал:

— Остается только для утреннего завтрака.

Жена бросила взгляд на девочку.

— Купите лепешки. Фумитян очень любит.

— На завтрак не останется, — шепнул муж.

— Купите лепешки, — повторила жена и, прижав рукав халата к лицу, пошла вперед.

Дипломат обратился к полноватому японцу по-японски:

— Жарко?

Тот засмеялся и ответил по-английски, с сильным акцентом:

— Очень. Но скоро будет прохладно.

Они разговорились. Японец оказался промышленником из Нагоя — владельцем фармакологического предприятия. Был дважды в Америке, умеет играть в гольф, коллекционирует кактусы.

— Были на войне? — спросил дипломат.

— Кончил летную школу, должен был отправиться на Рюкю в отряд смертников, уже написал прощальные письма родным, но вдруг, — японец засмеялся, — последовал указ императора об окончании войны.

— А я попал в Индонезию, в аппарат военной администрации, и проторчал там до конца войны. — Дипломат улыбнулся. — Нам обоим повезло.

Поравнявшись с парнем в кожаных штанах, дипломат спросил по-японски:

— Сколько ри осталось до озера?

— Уже совсем близко. Через час там будем.

— Что за будки там внизу?

— Там делают древесный уголь.

— Вы студент?

— Нет. Электромонтер.

Парень обернулся и, увидев, что супруги с девочкой отстали, подошел к ним и взял девочку на руки.

Вдали на дороге показались полицейские в шлемах, они слезли с велосипедов, остановились. Парень нагнал шедшего впереди высокого господина и сказал:

— Там огораживают участок для ракетного полигона. Лучше пойти налево.

Парень свернул с дороги на тропинку и пошел вверх вдоль ущелья. Подъем был не очень крутой, все пошли по этой тропинке. Она быстро привела к вершине горы, и оттуда открылся вид на озеро.

Круглое, сине-зеленое озеро было окружено со всех сторон горами. По его глади скользили крошечные яхты с красными и желтыми парусами. На той стороне озера, на скалистом склоне горы, среди сосен виднелись пятиярусная пагода и крыша буддийского монастыря. Ниже монастыря, у самого озера, стояло много разноцветных машин около мотеля. Из озера вытекала маленькая речка, через нее был

переброшен красный горбатый мостик. Дальше на склонах гор торчали крыши вилл. Речка вела к знаменитому на всю Азию водопаду, о котором говорилось во всех справочниках для туристов.

Путники долго стояли и смотрели на озеро, горы и облака. Дипломат вытащил из сумки кинокамеру, нацелил ее на озеро, затем снял все горы. Царила полная тишина — казалось, что эта тишина распространилась на всю вселенную.

Дипломат записал в блокноте:

«Озеро среди гор, бывший кратер вулкана. Сине-зелено-розоватые акварельные сумерки. Гамма в духе Дюфи. Водопад в нескольких километрах от озера. Пейзаж — нечаянный шедевр вулканов, типично японский».

— Все одинаковы перед этой величественной красотой. Император, торговец, рыбак, монах и крестьянин одинаково забывают о своих ничтожных, эфемерных страстях — политике, злых замыслах, житейских заботах, обидах. Вот откуда буддийский пантеизм. И японское искусство — Сессю, поэзия Бусона и Рёкана, новеллы Сига и фильмы Куросавы. Вот почему японцы умеют особенно тонко гутировать красоту природы.

Дипломат повернулся к матери девочки и произнес:

— Нирвана...

Вдруг раздался грохот, смешанный с отчаянным воем, — через все небо в течение одного мгновения промчались и исчезли треугольные самолеты, похожие на бумажные стрелы, швыряемые школьниками. И снова наступила безмятежная нирванная тишина.

Стало быстро темнеть. Путники спустились к берегу, подошли к гостинице японского типа — отели находились на той стороне озера. Все разместились в комнатах, дипломат занял две. Через раздвинутые бумажные двери открывался вид на озеро и горы. Служанки предложили прибывшим помыться, принесли ночные халаты, в гостинице были ванны и европейского типа и японского — большие деревянные кадки.

После того как гости закончили омовение, всем подали еду в комнаты. Все легли спать рано, очень устали. И только промышленник из Нагоя, занявший весь флигелек у самого берега, решил повеселиться. Он вызвал местных гейш, они допоздна прислуживали ему за столом, подливали виски, играли на сямисене и аккордеоне, исполняли японские танцы и западные — ватусси и монки.

Кроме прибывших шести путников и маленькой девочки, больше никого в гостинице не было. Ночью со стороны озера никаких звуков не доносилось, как будто оно находилось не в тридцати шагах от гостиницы, а где-то за горами.

Рано утром все путники покинули гостиницу и разошлись в разные стороны.

Дипломат вызвал такси и поехал дальше в горы, в курортный городок, где должен был встретиться с личным секретарем одного депутата японского парламента и провести сугубо неофициальную беседу. Промышленник из Нагоя, хоть и лег очень поздно, встал бодрый, энергичный, пошел к берегу, хотел выкупаться, но не смог, вода была слишком холодна. Он направился в сторону мотеля, где его ждал инженер фирмы, конкурирующей с его предприятием, с интересными документами. За высоким японцем пришли из селения на берегу озера члены местного филиала религиозной секты «Сока гаккай», он был из столицы для прочтения лекции на тему: «Наше вероучение и судьба Японии». Парень в кожаных штанах пошел по тропинке в сторону монастыря, это был кратчайший путь к деревушке в соседней долине, где на днях начал действовать организационный комитет по борьбе против предоставления американцам одной из окрестных гор для ракетной базы. А супруги с девочкой вместо утреннего завтрака выпили по чашке воды и, выйдя из гостиницы, медленно пошли вдоль берега, затем поднялись около красного мостика в гору, проследовали мимо недавно построенных, сверкающих стеклом и дюралюминием вилл и направились прямо к знаменитому водопаду, чтобы броситься в него.

ПОВЕСТЬ

ПО ПРОЧТЕНИИ СЖЕЧЬ

Я помешан только в норд-норд-вест.
Шекспир, «Гамлет», акт 2-й, сцены 2-я

Тихий океан

1

«Вам доверяется секрет государственного значения. Будьте настороже на протяжении всего пути. Малейший зевок — и произойдет непоправимое. И тогда — немедленно покончить с собой, никаких объяснений и оправданий, только одно: вспороть живот...»

Терано и Идэ — офицеры 3-го отдела японского морского генерального штаба — крепко запомнили слова начальника. Оба направлялись в Америку в качестве дипкурьеров. Но в отличие от обычных дипкурьеров они должны были доставить японскому послу в Вашингтоне не почту, а более важную вещь — новую шифровальную машинку.

До сих пор техника шифровки текста была крайне медлительной. Шифровальщик составлял текст,

все время заглядывая в кодовые таблицы и отыскивая нужные цифры или буквы. Таким же примитивным был и процесс расшифровки. Шифровальщики всех стран испокон веку как бы ползали на четвереньках, расходуя впустую уйму времени и сил.

Машинка «97» означала полный переворот в шифровальном деле. Она выглядела просто: две пишущие машинки с латинским алфавитом соединены проводами. Между ними — ящик с клавиатурой и валиками. Шифровальщик нажимает клавиши — составляет нужную комбинацию — и печатает текст как на обычной пишущей машинке. А на второй машинке тут же появляется уже зашифрованный текст. Процессы шифровки и расшифровки убыстрились в несколько сот раз. Вместо ползания на четвереньках шифровальщик летел теперь на самолете.

Шифровальная машинка родилась в Токио. Ее придумали и изготовили инженеры специальной мастерской морского ведомства. Изобретение хранилось в строгой тайне. Японское правительство решило вооружить ею свои важнейшие посольства, в первую очередь вашингтонское. Время было крайне напряженное. Война на Западе разгоралась — только что Германия напала на Россию, — назревали серьезные события на Востоке, и надо было предельно ускорить шифровальную технику.

Терано и Идэ получили приказ: отвезти в Вашингтон темно-серый чемодан с шифровальной машинкой внутри.

Они были готовы к отъезду. В ожидании приказа о посадке на пароход офицеры жили в европейском отеле в Йокогаме, поблизости от коммерческой пристани. Время от времени по очереди ездили на электричке в Токио. Но ночевать должны были в отеле. Так предписывал приказ.

2

— Я уверен, они агенты контрразведки, — сказал капитан-лейтенант Донахью, завязывая пояс на купальном халате.

Старший лейтенант Уайт прыснул и затряс мокрой головой. Он тоже был в халате. Оба только что выкупались в большой деревянной кадке, которую администрация этой загородной гостиницы японского типа именovala бассейном. Им пришлось прервать процедуру омовения из-за двух японок, которые вошли в предбанник, учтиво поклонились американцам и, разоблачившись, полезли в кадку. Донахью и Уайт сейчас же вылезли из воды, обмотались полотенцами и побежали к себе.

— Им приказали соблазнить нас. — Донахью вертелся перед зеркалом, принимая изящные позы теннисиста. — Держу пари!

— Ерунда. — Уайт разлегся на циновке и стал обмахиваться круглым веером. — Провинциальные дамочки, приехали в столицу делать покупки. Судя по акценту, из Акита. Их, наверно, удивило наше паническое бегство.

Донахью брезгливо скривился.

— Дикари. — После паузы он добавил: — Та, полненькая, которая вертелась в воде около тебя, довольно недурна. Явный агент.

— Не имел удовольствия разглядеть ее, — сказал Уайт, — так как повернулся к ней спиной. Но сомневаюсь, чтобы она...

В коридоре слышались скользящие шаги. Донахью поднес палец к губам. Дверь, оклеенная бумагой, бесшумно отодвинулась, и показалось круглое лицо служанки. Она обратилась к Уайту по-японски:

— Соизволите отведать европейский ужин или японский?

Уайт ответил по-японски, почти без акцента:

— Я хочу лапшу с лангустами, а этому болвану дайте кэрри с рисом.

Служанка поднесла рукав ко рту, глаза ее смеялись. Уайт спросил:

— Скажите, в Японии везде сохранился еще этот обычай?

— Простите, какой?

— Я думал, что только в каких-нибудь горных

деревушках, где-нибудь на Сикоку, а не здесь, под самым Токио... У вас женщины всегда купаются вместе с не женщинами?

Служанка опять прикрыла рот рукавом и покраснела.

— Для женщин ванна у нас на втором этаже, но там было переполнено, и поэтому, — она поклонилась, — потревожили вас. Извините, пожалуйста.

Донахью нахмурился:

— Что ты болтаешь с ней? Будь осторожен. Наверняка она шпионка.

Уайт тихо рассмеялся:

— Тебе везде мерещатся агенты контрразведки. Настоящий психоз.

Донахью окинул служанку оценивающим взглядом:

— Несмотря на всю мою пресыщенность, эта мартышка мне нравится. Но мне кажется, что я видел ее где-то в Америке. Боюсь, она следит за нами еще с Фриско. У меня великолепная зрительная память.

— Возьмем что-нибудь выпить? — спросил Уайт.

Донахью фыркнул:

— Чтобы эта мерзавка подсунула нам какую-нибудь отраву?

— Больше ничего не прикажете? — спросила служанка у Уайта. Отвесив поклон, она вышла в коридор и, повернувшись к Донахью, сказала по-английски, старательно выговаривая слова:

— Простите, я никогда не была в Америке, и у нас вина неопасные.

Она задвинула дверь за собой. В коридоре прошепстели ее шаги. Уайт расхохотался. На красивом лице Донахью появилась гримаса.

— Типичная шпионка.

— Если бы была шпионкой, она скрыла бы, что знает английский, — возразил Уайт.

После ужина к американцам пришел гость — филиппинец, бармен из английского клуба в Йокогаме, маленький, сморщенный, с длинными тонкими усами. Донахью сделал знак Уайту, и тот, раздвинув двери,

сел у порога комнаты так, чтобы просматривался весь коридор флигелька. Соседние комнаты пустовали.

— Эф-Эн просил передать вам, чтобы вы не беспокоились, — зашептал филиппинец. — С капитаном парохода...

— Капитан — филиппинец? — перебил его Донахью.

— Нет, австралиец, а пароход канадский. С капитаном все улажено. Слава мадонне, он запросил не так много. Обещал под предлогом дополнительного ремонта отложить отход. Но только на несколько часов. Больше нельзя.

Донахью покачал головой:

— А что, если не найдем сразу? Придется ведь искать по магазинам.

— Очевидно, японцы привезут чемодан к моменту посадки на пароход, — спокойно ответил филиппинец. — Сразу увидим, какой он. Вряд ли чемодан будет какой-то особенный. Им нельзя привлекать к нему внимание. Он, конечно, будет японского производства, а такой можно найти в универсальных магазинах Мицукоси или Мацуя. Эф-Эн наверняка найдет.

— А ключи?

— На чемоданах сложных замков не устанавливают. Ваши специалисты справятся. Возможно, будут поставлены сургучные печати, но и это не страшно. Эф-Эн снабдил Бузони всем необходимым.

— А как куропатки ведут себя? Они в том же отеле?

— Да, около пристани. Все эти дни никуда не выходят, только вызывали к себе массажистку. Личные вещи у них собраны — простые баулы и кожаные чемоданы небольшого размера.

Донахью промывчал:

— Они взяли две каюты. Будут ехать отдельно. Интересно, у кого же останется чемодан?

Филиппинец вынул из верхнего кармана тонкую сигару, облизнул кончик и закурил.

— Они просили каюты рядом, но мы устроили так, чтобы одну каюту им дали около трапа на верх-

нюю палубу, а другую — в конце тупика. Обе находятся далеко от клозета.

— А что, если они возьмут каюту-люкс с собственным клозетом?

— Пять кают-люкс уже проданы голландским дипломатам, не беспокойтесь.

— Великолепно! — Донахью хлопнул филиппинца по плечу. — Завидую Эф-Эну. С таким ассистентом, как вы, можно повернуть любое дело — даже украсть Фудзияму. Держу пари: вы, Энрике, скоро откроете собственный бар.

— Спасибо, — филиппинец отвесил подчеркнуто церемонный поклон, — но я молю мадонну, чтобы она ниспослала мне более солидное предприятие.

— Если наша охота на куропаток увенчается успехом, — Донахью еще раз потрепал филиппинца по плечу, — мадонна наградит вас.

— А с нашими каютами все в порядке? — спросил Уайт.

— Все улажено. — Филиппинец покрутил кончики усов. — Сунул кому следует, и сделали перестановку. Ваши каюты рядом, в начале бокового коридорчика.

— А наши профессора?

— Их каюты будут недалеко от вас. Им и вам будет прислуживать мой человек — стюард Пако, тоже филиппинец, бывший профессиональный боксер в весе мухи. Вы его сразу узнаете по изуродованному носу.

— Надежный? — спросил Уайт.

Вместо ответа филиппинец положил руку на сердце и закрыл глаза.

— Если у нас все пройдет хорошо, — сказал Донахью, — я добыю в Вашингтоне, чтобы вам отвалили солидный куш. Откроете ресторан...

— Нет, отельчик, — филиппинец подмигнул, — специальный.

— Пансион с девицами? Смотрите, только проверяйте их как следует, а то вам подсунут шпионка. И не берите такого управляющего, как он, — Донахью кивнул в сторону Уайта, — его обведет вокруг пальца любой жулик.

Каюта № 22 находилась около трапа, а № 39 — в тупике. Чемодан с заветным грузом поместили в 39-й. Решили дежурить здесь по очереди, а отдыхать в 22-й. Туда снесли личные вещи обоих.

Терано дважды ходил к помощнику капитана, но ничего не добился. Все каюты в тупике были заняты индийским раджей и его свитой. Раджа и слушать не хотел об обмене каютами.

— Виноваты идиоты из адъютантского отделения. — Терано сердито потер коротко подстриженные усы. — Думали, что если нас поместят рядышком, то это покажется подозрительным. Болваны!

— Плохо, что клозет далеко, — Идэ говорил очень тихо, словно боялся, что их подслушивают. — Я сосчитал... тридцать два шага... Это занимает почти минуту. Туда и обратно и там... В общем все дело может занять минуты четыре. За это время могут сделать что-нибудь.

Терано сел в кресло и сладко потянулся.

— Осторожность, конечно, не мешает, но... — он засмеялся, — не надо пугать себя призраками. Вряд ли враг будет круглые сутки следить за нами, чтобы воспользоваться теми минутами, когда кто-нибудь из нас будет в клозете. Малую нужду будем справлять здесь, а большую — после дежурства.

Идэ покачал головой.

— Нужно предусмотреть все случаи. Я уверен, за нами следят. Надо исходить из предположения, что враг знает, что именно мы возьмем в чемодане. А если знает, то может что-нибудь предпринять.

Терано открыл ящик столика:

— А где бумага и клей?

— Я положил в нижний ящичек ночного столика. — Идэ подошел к двери и стал прислушиваться. — В коридоре дорожка с очень густым ворсом, скрадывает шаги. Можно неслышно подкрасться к двери и подслушать разговор.

Идэ включил радиоприемник на столике у двери.

— А ты заметил пассажирку в красном плаще? —

спросил Терано. — Она приехала самой последней. Кажется, корейнка. — Он цокнул языком. — Хорошенькая, бестия. Вот таких надо опасаться.

— Наверное, из-за нее задержали отход парохода.

— Капитан сказал мне, что была неисправна вентиляционная система. Конечно, врет. Вот эту корейнку нам надо иметь в виду. Уверен, будет пытаться заговаривать с нами.

— А мне кажется подозрительным английский миссионер, он в каюте напротив трапа. Судя по выправке, спортсмен и, наверное, офицер разведки.

4

Донахью уселся в кресло и закинул ногу на подлокотник.

— Итак, подведем предварительные итоги.

— Может быть, позовем профессоров? — предложил Уайт.

Донахью мотнул головой.

— Операцию провожу я, с твоей помощью. Следовательно, мы проводим ее вдвоем. А они — вспомогательный персонал, и только. Ты брось свои штатские замашки, пора стать военным. Между нами и ими должна быть определенная дистанция. Итак, выводы. Субъект с узкой мордой и выпирающими зубами — это капитан-лейтенант Идэ. Будем именовать его Акулой.

— Слишком избито. Лучше Самма — японская рыба с острой головой.

— Ладно. А второй, с подстриженными усиками, плотного телосложения, капитан-лейтенант Терано. Окрестим его... Куросиво. Дежурят они по восемь часов. Меняются...

— В девять утра, в пять вечера и в час ночи. Сейчас дежурит Самма.

— Ведут себя крайне осторожно. Зафиксирован только один случай выхода в клозет во время дежурства — ходил Куросиво. Вряд ли инструкция разрешает им это. Но Куросиво позволил себе, а Самма вряд ли пошел бы на это. Судя по всему, Самма рев-

ностный служака, самурай аскетического толка. А Куросиво не такой, совсем не сухарь. С удовольствием разглядывает пассажирок на верхней палубе, заходит в бар, однажды заказал порцию мартини — словом, не чурается земных радостей. На его физиономии написано жирными иероглифами, что он жуир.

— Насчет бумаги, — напомнил Уайт.

Донахью поднял палец:

— Правильно. Это надо учесть. При выходе из каюты во время дежурства из-за каких-либо экстраординарных обстоятельств им, очевидно, предписано...

— Или, может быть, они сами решили, — заметил Уайт.

— Не думаю. Так вот... при выходе из каюты, где находится чемодан, они наклеивают бумагу на дверь. Так сделал Куросиво.

— Тончайшая рисовая бумага с серебристыми блестками.

— Еще что? — Донахью постучал пальцем по лбу. — Да, Куросиво ходил к капитану и просил переменить каюту, дать вторую, рядом с тридцать девятой. Но капитан отвертелся.

— Им не показалось странным, что задержали отправление парохода?

Донахью пожал плечами:

— По-моему, нет. Задержка была всего на полтора часа. В общем получилось великолепно. Энрике оказался прав: такие стандартные чемоданы имеются в любом универсальном магазине. Но самой большой удачей я считаю то, что филиппинец сразу же выяснил вес чемодана.

— Энрике молодец, — согласился Уайт. — Если бы не он....

— Но с ним надо быть очень осторожным. Патентованный прохвост, может продать в любой момент. Ты зря с ним откровенничал. Сообщил профессору Дану вес чемодана?

— Он сказал, что сам по себе вес ничего не значит. Главное — устройство механизма.

Донахью усмехнулся:

— Может получиться так, что мы ценой огромного

риска и усилий достанем то, что требуется, а наши знатоки не смогут разобраться в машинке. Дан производит на меня впечатление спившегося кретина.

— Профессор Дан один из самых выдающихся криптоаналитиков Америки. — В голосе Уайта звучало искреннее уважение. — Он расправляется с любыми шифрами как с кроссвордами из детских журналов. А Морнингстар уже свыше десяти лет работает над разными хитроумными машинками и изобрел кое-что. Профессор Бузони, кажется, тоже крупнейший авторитет в своей области.

— Да, — Донахью засмеялся, — этот «профессор» пять лет отсидел за то, что давал платные консультации бандитам по части самых сложных банковских сейфов. Его освободили досрочно, но правильнее было бы держать его постоянно в Синг-Синге и выпускать только для казенных надобностей. Профессор — его кличка.

— За фотографа Криста можно тоже не бояться. Он уже много лет делает специальные снимки для лабораторий.

— В общем команда подобрана приличная. — Донахью открыл бутылку чинзано и наполнил рюмки. — Обстановка выяснена, все сведения собраны, враг спокоен, можно действовать. Откладывать нельзя. Удар нанесем по Куросиво. Проинструктировал Пако?

— Да.

— Значит, он подаст Куросиво завтрак... Спустя некоторое время после того, как Куросиво заступит на дежурство, начнем операцию. Предупреди «профессоров», чтобы завтра утром встали в семь. А то они все ночи напролет режутся в карты. — Донахью повертел в руке рюмку. — Только бы не подвели наши снадобья...

— Могут подвести?

— Будем надеяться, что подействуют. Их ведь проверили как следует на заключенных.

Оба медленными глотками осушили рюмки. Донахью хлопнул себя по колену:

— Если выйдет это дело, мы с тобой займем место в истории.

Уайт усмехнулся и махнул рукой:

— В лучшем случае какой-нибудь будущий Уоллес или Оппенхайм выведет нас в шпионской повести с измененными именами. Припишет все своей выдумке.

— Писакам не разрешат касаться этого дела: оно будет крепко засекречено. Результаты нашей операции будут иметь первостепенное стратегическое и политическое значение. Америка окажется в курсе сокровеннейших секретов Японии и сможет точно предугадывать ее дальнейшие шаги.

— Против нас?

— Прежде всего против русских. К тому времени когда мы приедем в Сан-Франциско, уже начнется развал Красной Армии.

— Ты что-то слишком быстро...

— Русские скоро прекратят организованное сопротивление. Это ясно каждому, кто хоть немножко смыслит в военном деле. Ты, к сожалению, еще смотришь на вещи как принстонский студент, а не как офицер разведки. Уже по началу войны было видно, что русские не смогут выдержать этой схватки. Но это отнюдь не значит, что с Россией будет скоро покончено. Останутся отдельные очаги сопротивления в разных районах и особенно в Сибири. Японцам надо как можно скорей закончить войну с китайцами.

— Это не так-то легко.

— Они обратятся к нашему посредничеству. И когда помирятся с Чунцином, сразу же двинутся на Сибирь. Поэтому нам нельзя сейчас лезть в войну в Европе ни в коем случае.

Уайт, улыбаясь, покрутил головой.

— Хорошо, что Рузвельт не совсем согласен с тобой. Он относится к нацистам не так великодушно, как ты.

— Америка не должна вообще влезать в войну. Выгоднее всего не воевать. Или уж если вступать, то только в самом конце, воевать последние три минуты на стороне победителя, чтобы получить право участвовать в дележе добычи.

Донахью наполнил свою рюмку. Уайт спросил без улыбки:

— Какой добычи?

— Мы не должны допустить того, чтобы Германия и Япония поделили между собой нокаутированную Россию. Если японцы возьмут Сахалин и Приморье, мы установим контроль над Камчаткой и Якутией и договоримся насчет сфер влияния в Сибири.

После паузы Уайт тихо произнес:

— Я бы хотел одного... чтобы то дело, которое нам поручили, не принесло вреда нашей Америке.

5

Терано поднялся на верхнюю палубу. Дул сильный ветер, тучи закрывали небо. В густом мраке грохотали волны, на палубе никого не было.

Сильная качка, продолжавшаяся в течение всего дня, по-видимому, уложила большую часть пассажиров. Терано подумал о кореянке. Интересно, выдержала ли она. Наверное, свалилась. Не будет выходить на палубу и к табльдоту до самых Гавайев.

Мимо Терано прошагал толстый европеец в кожаном пальто, попыхивая трубкой. Он вел на цепочке большого мопса, очень похожего на хозяина.

Терано спустился на нижнюю палубу и подошел вплотную к борту у носа парохода. Его обдало брызгами, он вытер лицо и пошел к трапу, ведущему к каютам среднего сектора. Сверху, со стороны ресторана, спускались, громко тараторя, мужчины и женщины.

Шедший впереди обогнал Терано, заглянул ему в лицо и улыбнулся. Это был тот самый здоровенный миссионер, который показался Идэ подозрительным.

— Как поживаете? — пролепетал миссионер по-японски и погрозил ему пальцем. — Вы совсем трезвый... это грех.

Он был навеселе. Терано ответил ему улыбкой, быстро прошел к себе в каюту, тщательно обследовал

ее и лег в постель. Спал хорошо, хотя несколько раз просыпался — боялся, что не услышит будильника. Проснулся ровно в семь от звона будильника.

Помывшись, он сбросил с себя ночной халат, совсем голый сел на линолеум, скрестив ноги, и просидел минут десять неподвижно, уставившись на свой пупок. Этому научили его в монастыре секты дзэн в горах Кисо, где он отдыхал прошлым летом. С помощью этой гимнастики духа приучаешь себя к абсолютному сосредоточению, сокровенному самосозерцанию и к слиянию с Душой Макрокосма.

Затем он позвонил стюарду и, тщательно подбирая английские слова, заказал завтрак: омлет с сыром, жареную камбалу, тосты, апельсиновый мармелад и кофе со сливками. Стюард-филиппинец записал заказ в блокнотик, почесал сплюснутый нос и спросил:

— Что-нибудь из вин не прикажете?

— Японцы пьют с утра только раз в год, — строго сказал Терано. — Первого января.

Перед завтраком Терано решил совершить небольшой моцион. Поднялся на верхнюю палубу и стал ходить. Море успокоилось. Оно было темно-серое, с зеленоватыми переливами.

У входа в курительную в шезлонге, закутавшись в плед, сидела кореянка. Увидев Терано, она чуть прищурила глаза. Рядом с ней две седые американки в шляпах со страусовыми перьями вязали перчатки.

Терано вернулся в каюту. Его ждал завтрак, накрытый салфеткой. Он поел с аппетитом. Отдохнув с зубочисткой во рту минут десять — на этот раз без погружения во внутренний мир, — он направился в 39-ю каюту. Она была наполнена табачным дымом. Терано оставил дверь открытой и распахнул иллюминатор. Идэ с испуганным видом подскочил к двери и захлопнул ее.

Они подошли к чемодану в углу каюты.

— Все в порядке, — произнес Идэ, потирая красные глаза. — Прошу принять.

Терано коротко поклонился:

— Сокровище в сохранности. Спасибо за усердие.
— Желаю благопо... — Идэ не договорил из-за зевка.

— Прогуляйся по палубе, — посоветовал ему Терано, — проветри башку. Кстати, там сидит красавица кореянка. Наверно, обдумывает план, как бы залучить тебя в сети.

Идэ сидито буркнул что-то и вышел из каюты.

6

Донахью сидел у стола, не сводя глаз с будильника. Пепельница была доверху наполнена окурками. Уайт стоял у двери в позе бейсболиста, ждущего момента для пробежки. На диване и в креслах расселись: высокий, нескладный, неряшливо одетый профессор Дан; худощавый, с большой лысой головой Морнингстар; весь в черном, в очках, типичный ученый Бузони и рыжий веснушчатый Крист.

В дверь быстро постучали. Уайт сосчитал число ударов и с недоумением уставился на Донахью:

— В чем дело?

— А что?

— Четыре удара. Четные относятся к Самма, а не к Куросиво. Надо было три.

— Значит, Пако перепутал, болван безносый. Сейчас он сообщит, что Самма пошел отдыхать.

Донахью подошел к двери и приоткрыл ее. Потом тихо закрыл и прошептал:

— Самма пошел с сосудом в клозет. Сейчас вернется и пойдет отдыхать.

— А Куросиво?

— Дурацкий вопрос. Самма не вышел бы из каюты, если бы там не было Куросиво.

Сзади на диване кто-то громко кашлянул. Донахью погрозил кулаком. Спустя несколько минут Пако условным стуком известил: Самма пошел на отдых в 22-ю. В 39-й дежурит Куросиво.

Донахью потушил сигарету и показал Уайту на дверь. Тот подошел к двери.

Терано удобно устроился в кресле и стал читать нашумевший недавно в Англии и Америке роман Хилтона «Потерянный горизонт» — о том, как группа европейцев попадает из Пакистана в один из отдаленных районов Тибета. Самолет приземляется, летчик умирает, и пассажиры видят, как к ним со стороны горы идут какие-то люди. Но в этом месте Терано вдруг стало клонить ко сну. Он покачулся, книга выскользнула из рук, упала на пол. Он поднял книгу, походил по каюте, помахал руками и сел на стул. Почему вдруг захотелось спать? Ведь он выспался как следует. И подышал свежим воздухом. Наверно, слишком сытно позавтракал. Нельзя так наедаться с утра.

Он снова стал читать. Европейцы вместе с тибетцами идут к монастырю, поднимаются в гору, потом спускаются и идут, идут — все это было описано так обстоятельно, с такими подробностями, что Терано все время терял нить повествования. Приходилось перечитывать одни и те же фразы. Книга опять упала на пол.

Он подобрал ее, ударил себя по щеке кулаком и закурил сигарету. Из иллюминатора сильно дуло. Стал ходить взад-вперед по каюте, сделал сто двадцать шагов. Закрыв иллюминатор и сел на диван. Можно посидеть немного с закрытыми глазами — через некоторое время сонливость пройдет. Это временное явление — пока переваривается завтрак, а потом все пройдет, сознание перестанет туманиться, как сейчас, и дух восстановит свою власть над плотью. И снова все станет ясно, и строчки перестанут сдвигаться, а действие будет развиваться как надо... Люди медленно бредут к монастырю, конусовидная ледяная гора вдали сверкает на солнце, над нею плывут облака, и тут откуда-то появилась корейка в шезлонге, как будто всплыла из воды, неслышно покачнувшись, а кругом — кругом колышутся клубы серебристого тумана, колышутся, колышутся, и ледяная гора стала куда-то уходить...

Приоткрыв дверь, Уайт сейчас же захлопнул ее.

— Ходит этот толстяк с собакой. Кажется, пьян.

— Может сорвать все, — прошипел Донахью.

Он стоял с темно-серым чемоданом в руках. Брезентовый чехол валялся на полу.

— Немножко отодвиньте этот стул, — попросил Бузони, раскладывая миниатюрные инструменты на столике. Он был похож на хирурга перед серьезной операцией. — Придется встать так, чтобы падал свет настольной лампы.

— А мне удобнее здесь. — Крист поставил большой фотоаппарат на шкаф, другой, поменьше, — около лампы. — Я буду снимать отсюда.

Донахью обернулся и погрозил кулаком:

— Тише!

Уайт приоткрыл дверь, сделал щель шире, затем осторожно высунул голову:

— Ушел.

— Иди, — шепнул Донахью. — С богом.

Уайт вышел в коридор. Из-за поворота выглянул физиономия Пако, он махнул салфеткой. Уайт подошел к двери каюты № 39 и постучал. Ответа не последовало. Он снова постучал — на этот раз громче. Оглянув коридор, снова увидел голову филиппинца. Тот махнул салфеткой. Уайт открыл дверь и вошел в каюту. Вслед за ним вошел Донахью с чемоданом. Японец сидел на диване, откинув голову на спинку. Он спал с полуоткрытым ртом, тихо посапывая. У его ног валялась книга на английском языке в яркой суперобложке.

— Снадобье не подкачало, — шепнул Уайт.

Донахью кивнул головой:

— Слава господа и американской фармакологии.

Уайт прошел в угол каюты и взял стоявший там темно-серый чемодан. Его место занял чемодан, принесенный Донахью.

— Вес почти одинаковый, — сказал Уайт. — Никаких наклеек и печатей нет.

Донахью посмотрел на пол. Там лежала черная ниточка.

— Кажется, это метка. Мы ее чуть-чуть сдвинули.

Уайт передал чемодан Донахью, присел на корточки и, присмотревшись к ниточке, потрогал ее.

— Она в виде буквы «му». Надо вот так... теперь хорошо.

Он встал и, подойдя к столику, стал искать что-то в ящиках, затем открыл верхний ящик шкафа. Донахью подошел к двери и оглянулся.

— Ну, что ты там?

— Ищу бумагу для наклеек и клей. Должны быть где-то тут.

Японец закрыл рот и перестал посапывать. Шевельнулся. Оба замерли. Японец снова приоткрыл рот. Он продолжал спать — дышал ровно и спокойно. Уайт выдвинул нижний ящикек ночного столика и обнаружил бумагу и баночку с белым клеем. Взял несколько листиков тонкой бумаги с блестками и завернул в листочек из записной книжки маленькую порцию клея.

Донахью вышел первым, Уайт за ним. Закрывая дверь, Уайт взглянул на спящего японца и послал ему воздушный поцелуй. Они проскользнули в свою каюту. Бузони взял чемодан у Донахью и поставил на стол. Крист сделал первый снимок — внешний вид чемодана.

Донахью посмотрел на часы и вытер платком руки и лоб. Уайт вытер лицо полотенцем.

9

Терано открыл глаза и вскочил с дивана. У ног лежала книга. Он посмотрел на часы — семнадцать минут двенадцатого. Проспал почти полтора часа. Голова была тяжелая, как после пьянки. Чемодан стоял на месте — в углу каюты. Дверь закрыта.

О том, что нечаянно заснул, не надо говорить Идэ. Тот может раздуть этот случай — напишет в общем докладе или в путевом дневнике, который ему поручено вести, и еще доложит устно своему началь-

ству. А это может отразиться на аттестации. Из-за такой ерунды он, чего доброго, отстанет при очередном производстве от своих товарищей по выпуску из академии.

Терано подошел к умывальнику, налил из кувшина воды в таз, смочил голову, потом принял двойную порцию лекарства от головной боли. Затем сел на пол и проделал гимнастику духа. Он полностью восстановил душевное равновесие.

Подсев к столику, открыл книгу. Теперь читалось легко, все было понятно. Европейцы добрались до монастыря, им отвели комнаты, угостили вкусным китайским обедом — началась их удивительная жизнь в Шангри-Ла. Терано захлопнул книгу, налил из термоса кипятку в японский глиняный чайник и с наслаждением выпил три чашки зеленого чая.

10

— Куросиво сдаст дежурство в семнадцать и снова примет его в час ночи. — Донахью повернулся к профессору Дану. — Задачу, поставленную перед вами, вы знаете. Разобрать механизм, изучить его, сфотографировать все, что возможно, чтобы сделать в точности такую же штуку, которая будет шифровать и расшифровывать так же, как эта. Надо будет узнать, в какой условной последовательности переставляются кодовые таблицы. Но эту систему смены таблиц вы разгадаете, разобрав соответствующую часть машинки. Постарайтесь закончить работу к полуночи, чтобы мы смогли положить чемодан обратно в начале следующего...

— Мы еще не начали, — перебил его густым басом Дан, — а вы уже понукаете. Не порите горячку.

— Я вам объясняю ситуацию, а не порю горячку, как вы выразились, — строгим тоном сказал Донахью. — Надо положить чемодан обратно как можно скорее. Чем дольше вы будете копаться, тем больше риска. И лучше всего вернуть чемодан во время следующего дежурства того, кто дежурит сейчас. Поэтому надо постараться...

Бузони поправил очки и сказал подчеркнуто вежливо:

— Простите, пожалуйста, я не могу работать, когда беспрерывно тараторят. Прошу выйти из камсы... из каюты и там трещать.

— Как вы смеете! — Донахью вспыхнул и мгновенно принял позу боксера. — Хотите получить?

Морнингстар замахал обеими руками:

— Умоляю, только не сейчас. После — сколько угодно.

Бузони, наклонившись к чемодану, осторожно повернул ключ в замке, подождал, как будто прислушиваясь к чему-то, потом повернул еще раз и кивнул головой. Вытащив ключ — он оказался очень длинным, — Бузони внимательно осмотрел его головку и сказал Морнингстару:

— Ничего особенного. Такими замками пользовались еще при фараоне Тутанхамоне. Открывайте, только не сразу. Чуть-чуть приподнимите крышку и подержите так, потом дальше.

— Выкладывать сюда? — Морнингстар показал на белую бумагу, разостланную на полу около шкафа.

— И обратно кладите в том же порядке, — заметил Донахью. — Если перепутаете...

— Не мешайте, — огрызнулся Морнингстар. Он открыл чемодан и вместе с Бузони стал вытаскивать кату, которой был обложен большой пакет, обвязанный тесемкой. — Чисто азиатское коварство. На самом чемодане никаких печатей и наклеек, а на этой тесемке наляпаны печати и пломбы.

Бузони стал разглядывать сургучные печати. Потом пожал плечами и усмехнулся:

— Азиатский примитив.

— Не надо быть слишком самоуверенным, — сказал Донахью. — Можно напороться на ловушку, и тогда катастрофа... никак не исправишь. Тут ведь не уголовное дело, речь идет...

Бузони повернулся к профессору Дану и показал головой на Донахью:

— Пусть эта балаболка заткнется. Нервирует меня...

Донахью покраснел:

— Я руковожу операцией, прошу иметь это в ви...

Профессор Дан с решительным видом снял пиджак и обратился к Донахью:

— Категорически и ультимативно рекомендую убраться в... — он произнес крайне непристойное слово, — в противном случае я вас... — добавил он еще более крепкое слово.

Донахью весь передернулся, но Уайт схватил его за локоть и быстро зашептал:

— Ради бога, сдержись, сейчас нельзя, умоляю, все пойдет прахом...

Он оттащил Донахью в угол и усадил на кровать. Бузони и Морнингстар распаковал пакет — вынули папку с кожаной обложкой фиолетового цвета и длинную машинку с двумя клавиатурами. Крист начал фотографировать машинку со всех сторон. Профессор Дан уткнулся в фиолетовую папку. Все работали в полном молчании.

Морнингстар снял каретку и стал вытаскивать из-под пружин разноцветные провода. Он повернул голову в сторону офицеров. Лицо его было измазано черной и красной красками.

— Идите сюда и помогайте! — сердито сказал он. — Сидят как в театре.

Уайт улыбнулся и, сняв пиджак и галстук, подошел к работающим. Профессор Дан пробурчал:

— Расселись словно... — из его уст вылетело еще несколько предельно нецензурных слов.

Донахью дернулся, будто его ударило током. Уайт покачал головой:

— Вот уж не ожидал, что светило науки, гордость Массачусетского технологического института, пользуется таким... экстравагантным лексиконом.

Профессор поднял голову и рассмеялся. Его морщинистое лицо с мохнатыми бровями стало совсем ребяческим.

— У нас в институтской команде регбистов всегда говорили так во время тренировок. А потом приносили друг другу извинения. А драться со мной не советую — мои апперкоты смертельны.

Морнингстар заставил Уайта помогать Кристу — нумеровать сфотографированные части машинки и вести их краткое описание под диктовку Дана и Морнингстара. Донахью взял с ночного столика будильник и, подойдя на цыпочках к профессору, поставил перед ним часы. И так же на цыпочках вернулся на свое место.

11

Без десяти минут пять явился Идэ. Он взглянул на чемодан и кивнул головой:

— Все в порядке?

Терано откинулся в кресле и засмеялся:

— Никаких происшествий. Жизнь идет монотонно и безмятежно.

Идэ включил радио и стал разглядывать чемодан. Потом присел на корточки.

— Странно... — Он покрутил головой. — Я положил нитку на пол в виде буквы «му», но, кажется, не совсем так... этот завиток был больше. А впрочем... Ты подходил к чемодану?

— Я ходил по каюте, кружил и подходил к чемодану. Надо было меня предупредить. — Терано улыбнулся. — Или, может быть, проверяешь меня?

— Нет, пожалуй, так и было. — Идэ отошел от чемодана. — Все-таки следовало бы поставить на нем сургучные печати и пломбы на всякий случай. Но наши решили не привлекать к нему внимания.

— По-моему, следовало бы, кроме этой штуки, дать нам еще другие чемоданы с дипломатической почтой. Чтобы замаскировать.

Идэ не согласился.

— Если бы дали еще и почту, было бы труднее следить за этим чемоданом. Хорошо, что не дали больше. Все время трясусь за этот чемодан, не могу спать спокойно.

— Ничего не делается. — Терано встал и проделал несколько движений фехтовальщика. — Мы преувеличиваем опасность. Никто не знает о нашем багаже. А книжка эта интересная, недаром ею зачиты-

ваются в Европе... о том, как четверо белых попали в ламаистский монастырь и что они там увидели. Читал и не мог оторваться... ни на минуту.

— А я почитаю что-нибудь полегче. О похождениях Миямото Мусаси. — Идэ подошел к столику и вытащил из ящика книгу в картонном футляре. — Чтобы не заснуть.

Терано пожелал ему спокойного дежурства и пошел в 22-ю каюту. После обеда он лег спать, проснулся в половине двенадцатого ночи и пошел подышать свежим воздухом. На верхней палубе к нему подошел пожилой американец и спросил по-японски:

— Когда Гонолулу?

— Наверно, через четыре дня, — ответил Терано. — Спросите у капитана.

Американец подошел ближе:

— Зажигалка есть? Спички?

Терано похлопал по карманам:

— Оставил в каюте.

— Слышали радио, последние новости?

— Нет.

— Немцы взяли Рига, окружили русский около Белосток, русский совсем катастрофа.

Терано кивнул головой и хотел отойти, но американец, слегка коснувшись его рукава, продолжал, коверкая японские слова:

— Америка и Япония война нельзя. — Он ткнул себя в грудь. — Мой оффис в Токио, продаю нефть, каучук, покупаю камфара, жемчуг. Америка и Япония...

Он пожал одной рукой другую — изобразил рукопожатие. Терано снова кивнул головой и быстро отошел. Подозрительный тип. Может быть, нарочно заговорил, чтобы задержать здесь, а тем временем кто-нибудь залез в 22-ю каюту? Наверно, роется там. А у него в кармане другого пиджака записная книжка — там есть запись о том, когда была произведена последняя проверка упаковки «особого груза». Если прочитают эту запись, могут догадаться, что за «груз» едет в чемодане, находящемся в 39-й каюте.

Терано почти бегом направился вниз. Подбежал

к двери 22-й каюты, влетел в нее, но там никого не оказалось. Осмотрел угол за диваном, открыл шкаф, полез в карман пиджака — записная книжка на месте, заглянул под кровать — все в порядке. Однако тот американец неспроста заговорил с ним. Но с какой целью?

Посмотрел на часы — надо подкрепиться на ночь. Терано обычно ужинал по-японски. Он позвонил стюарду. Кривоносый филиппинец принес рис в кастрюльке. Терано полил рис зеленым чаем и съел его с консервами — сладковатыми мидиями, побегами бамбука и маринованной редькой.

Зазвенел будильник на ночном столике — без десяти час. Терано пошел на дежурство.

12

Морнингстар осторожно закрыл чемодан и подул на него.

— Вот и все. Хирургическая операция окончена благополучно.

Он вынул платок, вытер лысину и стал обмахиваться.

— Без десяти двенадцать. Управились в срок, — тихо произнес Бузони, укладывая инструменты в замшевый футляр.

Профессор Дан громко крякнул, встал с пола и пошел к умывальнику. Помыв руки, он подошел к Донахью и протянул руку.

— Прошу великодушно извинить, капитан-лейтенант, за некоторые гиперболические выражения, вырвавшиеся по вашему адресу совершенно произвольно. Чистосердечно раскаиваюсь.

Донахью молча пожал Дану руку.

— За такую работу мы заслужили ордена, — сказал Крист.

— Вот именно. — Уайт рассмеялся. — Всех вызовут в Белый дом, президент вручит награды, а в газетах будут напечатаны ваши портреты и подробное описание того, что вы проделали.

Профессор сел в кресло, закурил трубку и прогудел:

— Никогда барды и менестрели не будут слагать од о нас, и ни один пес не будет знать о деяниях наших. Таков удел наш. Во мраке творим дела и во мраке растворимся, как призраки.

— Я сделаю представление, — сухо сказал Донахью. — Может быть, получите отнюдь не призрачные конверты. — Он обратился к Морнингстару: — Сможем сделать точную копию?

Морнингстар пожал плечами:

— А почему бы и нет? Устройство переключателя таблиц и перемещения клавишей довольно остроумное, но мы все сфотографировали и набросали схемы. По-моему, вы должны угостить нас шампанским.

— Правильно, — сказал Дан. — Моя любимая марка «Луи Редерер», гран...

Донахью остановил его:

— Не торопитесь. Вы свою работу кончили, но самое главное впереди. Надо положить эту штуку обратно. Это самое опасное.

Бузони повернулся к профессору Дану и показал головой на Донахью и Уайта:

— Это верно, что на их долю приходится самая рискованная часть операции. Ведь их могут схватить полиц... то есть японцы.

Профессор вынул трубку изо рта.

— Зато они получают следующий чин на два года раньше. За них не беспокойтесь. Их не обидят, и они сами себя не обидят.

Донахью стал ходить по комнате, заложив руки за спину. Часто смотрел на часы, подносил их к уху и встряхивал: идут ли они? Он сильно нервничал. Подойдя к Уайту, спросил шепотом:

— А вдруг с Пако что-нибудь стряслось? Кто-нибудь из пассажиров задержит его... или он забудет...

Уайт усмехнулся:

— Трудновато забыть про пять тысяч долларов.

Донахью закурил и снова стал ходить по каюте. Профессор вытащил карманные шахматы и стал играть с Бузони. Крист и Морнингстар развалились

на диване, задрав ноги на спинки стульев. Крист вскоре захрапел. Бузони сделал мат профессору, и тот произнес несколько энергичных слов. Они начали вторую партию.

Вдруг стукнули в дверь три раза. Донахью замер на месте и бросил сигарету на пол. Уайт вскочил:

— Куросиво пошел дежурить.

Донахью кивнул головой и, подойдя к чемодану, простонал:

— А что, если он... не ужинал? Тогда мы погибли.

Он поднес указательный палец ко рту и закусил его.

13

— Добрый вечер, — сказал Терано, входя в каюту.

Идэ показал на кофейник:

— Я заварил крепкий кофе. Отгоняет сон.

— Жалко, что я раньше не догадался. А то сегодня утром... — Терано запнулся, — подумал... есть ли у нас кофе?

Идэ кашлянул.

— Я открывал часто иллюминатор и, кажется, немного простудился. Приму сейчас лекарство и снотворное.

После его ухода Терано налил себе чашку кофе и выпил. Потом выпил вторую. Обезопасил себя с этой стороны — больше никогда не заснет на дежурстве.

Но беда подкралась с другой стороны. Спустя полчаса после того как он заступил в ночное дежурство, у него начались боли в животе. Сперва покалывало, потом стало схватывать острее и острее.

14

— Как только выйдет, пойдешь за ним, — сказал Донахью Уайту, затем приказал Кристу: — А вы встаньте у поворота и, если Уайт подаст сигнал тревоги — поднимет обе руки, — пулей к тридцать девятой, стучите в дверь, затем сюда.

Уайт прильнул к двери. Началось напряженное ожидание. Донахью стал кружить по каюте, время от времени потирая виски. Профессор Дан, Морнингстар и Бузони начали партию покера.

Донахью остановился, ударил себя по голове и произнес свистящим шепотом:

— А что, если... не подействует? И он не выйдет никуда? Я с ума сойду.

15

Патентованные пилюли не помогли — они не могли так быстро подействовать. Рези усиливались с каждой минутой. Терано закрыл глаза и скрипнул зубами. Проклятые консервы, это они. Мидии или редька. Наверное, мидии. Он наклонился и прижал руки к животу — не помогало. Помассировал, двигая рукой по часовой стрелке, — стало еще хуже. Он закусил губу и затаив дыхание стал считать в уме, но, досчитав до тринадцати, сообразил, что это ни к чему. Схватывало все сильнее и сильнее — терпеть больше было немоготу.

Вынув из ящичка листочек тонкой бумаги, смазал его клеем, потом вытащил из кармана пиджака нитку и застыл на месте. Переждав приступ, положил нитку около чемодана и хотел придать ей вид буквы «хо», но раздумал — не было времени. Он вышел из каюты, последним напряжением воли повернулся к двери и наклеил на дверь бумажку. И тут пришлось выдерживать новый приступ — на лбу у него выступил пот. Он прижал руки к животу и медленно побрел вдоль кают.

16

Уайт закрыл дверь и обернулся:

— Пошел. Имей в виду: наклеил бумажку.

Уайт вышел, за ним Крист. Донахью вынул из портфеля листочек, смазал его клеем, в другую руку взял чемодан и, приказав Морнингстару стоять у открытой двери, вышел.

Спустя минуту он влетел обратно с чемоданом, бросил его с шумом на пол и плюхнулся в кресло.

— Идите за ними... — сказал он Морнингстару, с трудом переводя дыхание. — Сообщите: операция финита. Все! — Он налил воду из графина и поднес стакан ко рту.

Профессор подошел к Донахью и поздравил с успешным окончанием дела. Бузони и Морнингстар последовали его примеру. Дверь распахнулась, вошел Уайт. Он посмеивался:

— Куросиво ругается по-японски тонким голосом и бьет себя, очевидно, по щекам. Слышно в коридоре.

— А какие у японцев ругательства? — поинтересовался профессор.

— Могу вас успокоить, профессор, — ответил Уайт. — Японцы на редкость бездарный народ по части ругательств. Им так же далеко до вас, как детской свистульки до тяжелой гаубицы.

— А где Крист? — спросил Донахью.

— Крейсирует около клозета, — сказал Уайт. — Наше второе снадобье тоже отлично сработало. — Он вдруг сделал испуганное лицо. — А ты после себя наклеил бумажку?

— Какую?

Уайт ахнул и схватил Донахью за руку.

— Ту са-самую... то-тонкую...

Донахью шевельнул уголком рта.

— Я всегда все помню. И не развожу истерик.

17

Терано пробежал по коридору, содрал бумажку с двери и, вскочив в каюту, подошел к чемодану. Ниточка лежала на том же месте.

Он погладил живот, потом похлопал по нему и широко улыбнулся. Напрасные страхи, зачем пугать себя выдуманными опасностями? Кому взбретет в голову лезть в каюту в половине второго ночи? И вообще в это время никого в коридоре не бывает, а особенно в этом тупике. Правда, какие-то двое, по-видимому пьяные, сейчас стояли перед каютой наискосок

от клозета, искали что-то в карманах и на полу, наверное ключ. Но больше никого в коридоре не было.

Он проглотил еще две пилюльки и сел на диван. Хотел прилечь, но раздумал: опасно. Несмотря на две чашки кофе, можно заснуть. Все-таки он здорово переволновался, а теперь наступит реакция. Боль в животе постепенно утихала. Больше нельзя есть в пути никаких консервов и вообще ужинать по-японски. Не стоит рисковать. Хорошо, что Идэ не узнает об этом случае. И о первом тоже.

Терано еще раз посмотрел на чемодан. Все обошлось благополучно. Он подумал: «А что, если бы украли чемодан?» У него похолодело внутри от этой мысли.

18

Вошел Крист и доложил: японец вернулся в каюту. Профессор Дан хлопнул в ладоши:

— Ну, теперь можно выпить. Выкладывайте, что у вас есть в погребах. Как насчет коньяка хэннеси экстра? Только чтоб был не моложе семидесяти лет.

Донахью мотнул головой:

— Еще рано торжествовать. Самое главное впереди — проявить снимки. А вдруг не получилось? Тогда все пойдет насмарку.

— А ниточка лежала? — тихо спросил Уайт.

— Лежала. Я ее не сдвинул. — Донахью вынул бумажник и извлек оттуда конверт. — Вручи Пако, расписку не бери. Скажи, что он получит еще.

Морнингстар покачал головой:

— Значит, шампанского не будет? Можно идти?

— Идите, — сказал Донахью, — и помогите Крису. Я не успокоюсь, пока не выяснится, получились ли снимки. Теперь все зависит от Криста.

Донахью закурил и поставил локоть на стол. Рука его дрожала, и дым от сигареты поднимался зигзагообразно. Крист потрянул рыжей гривой и провел пальцем по животу:

— Если плохо получилось, сделаю харакири.

Донахью брезгливо скривился:

— Мне нужны отчетливые фотоснимки, а не ваши разрезанные кишки.

Донахью и Уайт остались вдвоем. Донахью вынул из шкафа бутылку сабли и налил себе и Уайту. Они осушили всю бутылку. Открыли вторую.

Уже совсем рассвело, когда явился Бузони — как всегда, чинный и строгий — и сообщил, что все снимки получились: ни одного испорченного. Крист не подвел.

— Садитесь пейте, маэстро, великолепное вино. — Донахью хлопнул Бузони по спине. — Почему не пришли все? Я уже перестал сердиться. Берите стакан.

Бузони поправил галстук и одернул пиджак:

— Спасибо, я не пью. А другие не пришли потому, что пребывают в состоянии крайнего опьянения — все лежат на полу.

19

После ночного дежурства Идэ захотелось проветриться. В последние дни у него совсем не было аппетита и часто побаливал затылок. Он поднялся на верхнюю палубу. На ней было довольно много пассажиров. Очевидно, все, кого качка уложила в первые дни рейса, ожили и выползли из кают.

Широкоплечий миссионер долго разглядывал в бинокль островок, затем сообщил красивой седой даме в зеленом пальто:

— Это остров Гарднер. На нем, если не ошибаюсь, есть церковь. Смотрите, справа плывет кит! — вдруг закричал он.

Пожилой американец в темных очках тоже посмотрел в бинокль и безапелляционно изрек:

— Сразу видно, что ваше преподобие не в курсе земных дел. Этот кит входит в состав американского тихоокеанского флота и вооружен торпедными аппаратами и сорокамиллиметровыми пушками.

Седая дама взяла бинокль у миссионера.

— За китом пенится вода, — констатировала она. — Это настоящий кит.

— Пенится вода потому, что миноносец движется со скоростью сорок узлов, — возразил американец.

— Марико, идите сюда! — Дама передала бинокль девушке в красном плаще. — У вас нормальные глаза, не пропитанные спиртом. Подтвердите, что это кит.

— Советую встать на сторону истины, а не болезненного упрямства, — сказал американец. — Это явный миноносец, мисс Хаями.

Девушка рассмеялась:

— Я ведь немножко близорука. Боюсь, что спутаю. Вы держите пари?

— К сожалению, нет. — Американец покосился на даму. — А следовало бы.

Идэ остановился у борта и внимательно оглядел девушку. Судя по имени, японка. А Терано принял ее за кореянку, вероятно, из-за высокого роста. Наверное, гавайская японка — манеры у нее западные, отлично говорит по-английски, без всякого акцента, без труда выговаривает «эль».

Марико посмотрела в бинокль, опустила его и бросила лукавый взгляд на американца:

— Из этого миноносца только что брызнул фонтан.

Миссионер прыснул. Седая дама повернулась к американцу и ласково протянула:

— Это, наверное, гибрид. Помесь миноносца с китом.

Американец дернул головой.

— По этому случаю угостимся гибридом. — Он взял миссионера под руку. — Я ставлю джин, а вашему преподобию придется взять вермут. А нашей даме поднесем коктейль... только томатный.

Дама фыркнула.

— Я не настолько стара, чтобы пить дурацкие соки. Поднесите мне американский бурбон со льдом.

Мужчины ушли в бар вместе с дамой. Марико скользнула взглядом по Идэ и заговорила с проходившей мимо толстой японкой.

Идэ побродил минут десять по палубе и спустился вниз. Он сообщил Терано, что таинственная кореянка оказалась самой обыкновенной гавайской японкой.

Зовут ее Марико, а фамилия не то Хаяма, не то Хаями — хорошо не разобрал, потому что фамилию произносил американец. Из подслушанного разговора выяснилось, что она постоянно живет в Гонолулу.

— Если японка, нам нечего опасаться ее, — сказал Терано.

— Но она знакома с молодым миссионером и американцем в темных очках. И при мне стала болтать с толстой японкой, кажется, женой нашего вице-консула в Нью-Йорке. Что-то больно общительна.

— Может быть, она наша... только работает по другому ведомству...

Идэ пожал плечами:

— А может быть, зря подозреваем и английского миссионера и пожилого американца? Они заговаривали с нами и не боялись попадаться нам на глаза. Я думаю, если за нами ведется наблюдение, то это должны делать незаметно.

— Скорей всего мы преувеличиваем опасность, — произнес Терано, зевая и потягиваясь. — Не так уж страшна американская разведка, как у нас считают. Возьми эту недавнюю историю в Кобэ. Говорили, что американский консул — один из лучших работников их разведки, а на поверку оказался самой обычной разиней. Мы подсунули ему трех наших и дурачим его уже целый год — кормим дезинформацией. И другие американские разведчики, наверное, недалеко ушли от него. У них нет традиций и опыта. Их разведка, пожалуй, напоминает любительскую спортивную команду.

— А те шифры, которые имеются у нас в четвертом отделе... их взяли в Кобэ?

— Не только в Кобэ. Один шифр мы купили в Португалии у помощника морского атташе. В общем их разведчики... — Терано махнул рукой.

Идэ усмехнулся.

— В общем ты прав. Американские военные пропитаны штатским духом, и вряд ли у них могут быть такие мастера разведки, как у англичан и немцев. Но нам все-таки надо быть настороже, особенно теперь. Если американцы собираются предпринять что-

либо против нас, то сделают это к концу путешествия, рассчитывая на нашу усталость и притупление бдительности.

Терано кивнул головой.

— Успокаиваться, конечно, нельзя.

— Лишняя предосторожность никогда не повредит. — Идэ бросил взгляд на чемодан. — Давай теперь и дежурить и отдыхать в этой каюте, а ту совсем закроем. Обезопасим себя на все сто процентов.

20

Гонолулу остался позади. Уайт долго смотрел на угасший вулкан, возвышающийся над городом. Потом перешел к другому борту — отсюда был виден остров Мауи с горой Халекала. У самого борта в шезлонге сидела девушка в красном плаще, японка или корейка, на голове у нее был белый платок. Она читала маленькую книжку. Уайт замедлил шаг и прочитал на обложке имя японского поэта Китахара Хакусю.

Девушка слегка спустила книгу и взглянула на Уайта. Продолговатые глаза, пухлые губы, маленький аккуратный носик, как у японских кукол. Она улыбнулась уголком рта. Уайт кивнул ей головой.

— Простите за назойливое любопытство, — произнес он по-японски. — Я люблю японскую поэзию.

— Наверно, старинных поэтов. Европейцы обычно интересуются только классиками.

— Нет, я люблю и современных. И не только тех, кто слагает танка, но и тех, кто пишет стихи западного образца. Мне, например, очень нравятся Вакаяма Бokusуй и в то же время такие, как Такетомо Софу и Каваи Суймэй.

— А я люблю больше стихи. По-моему, танка все-таки ограничивает поэтическую фантазию. Танка вроде сонета, но еще более стеснительна.

— Вы живете в Нью-Йорке?

— Нет, я живу с мамой и бабушкой в Гонолулу, учусь в университете. Но сейчас еду в Окленд.

— Я сперва принял вас за кореянку.
— Вы наполовину угадали.
— Наполовину?
— Мой отец был японец, он умер, а мама моя — кореянка. — Она привстала и поклонилась. — Меня зовут Хаями Марико.

Уайт присел около нее. Они заговорили о поэзии. Марико сказала, что из американских поэтов любит Флетчера.

— Его стихи очень похожи на японские. Он, наверное, тоже знал японских поэтов. Вы любите его? Уайт наморщил лоб и пошевелил губами.

У него есть одна всщица. Она, наверное, переведена на японский. — Он стал читать:

Обломки на берегу, опавшие листья,
очертания кровель
в синеватой дымке
и ветка сломленной ивы...

Марико шепотом повторила последние строчки.

— Это из сборника «Японские эстампы». Там есть очень хорошие стихи.

— Но больше всех мне нравятся... — Уайт сделал паузу и окинул взглядом девушку, — Хильда Дулитл... из той же группы.

— Она мне немного напоминает Ёсано Акико. — Марико слегка покраснела и, отведя глаза в сторону, стала декламировать вполголоса:

Сказали мне, что эта дорога
меня приведет к океану смерти,
и я с полпути повернула вспять.
С тех пор...

Она вдруг остановилась. Мимо них прошел кореянский, с подстриженными усиками японец.

— Он каждый раз смотрит на меня как удав на кролика, — тихо произнесла Марико. — Он похож знаете на кого? На скупщика живого товара. Наверное, едет в Америку покупать бедных девушек, а потом повезет их в Сингапур... А вы как думаете?

Уайт пожал плечами:

— Я не физиономист. Но мне кажется, что он не коммерсант. А смотрит на вас потому, что он, как и всякий японец, обладает врожденной способностью ценить все изящное.

Марико отвесила легкий поклон.

— Спасибо. А вы... — она искоса посмотрела на Уайта, — сейчас угадаю. Вы — молодой ученый, преподаватель истории японской литературы в университете, специалист-ориенталист. Да?

— Вы почти угадали. Я изучаю Японию.

Они проговорили до обеденного гонга. Две старушки позвали Марико. Они пошли в столовую и заняли места в углу, под щитом гигантской черепахи. Уайт сел рядом с Донахью на противоположном конце стола, где подавали кантонские блюда. После обеда они спустились в каюту. Вскоре пришел Пако и доложил, что японцы поселились в одной каюте, в 39-й, и теперь все время будут вместе.

— Я правильно тогда решил — сразу же провести операцию, не откладывая. И хорошо, что мы быстро обработали чемодан и вернули на место. Теперь мы уже не смогли бы положить его обратно. Все получилось великолепно.

Уайт наклонил голову:

— Но почему они вдруг приняли меры предосторожности? Может быть, заподозрили что-нибудь? Проверили чемодан и догадались?

Донахью разлегся на диване.

— Чепуха. Если бы догадались, то не ходили бы по очереди в бар. Просто решили быть осторожными, потому что приближаются к американским берегам. Не надо преувеличивать достоинства японских разведчиков: у них явно дутая репутация. Все эти разговоры о том, что японские шпионы действуют всюду и в Америке, и на Филиппинах, и в южных морях, сильно преувеличены. Мы сами себя пугаем и дезориентируем.

Уайт покачал головой.

— А я считаю очень опасным такое отношение к японской разведке. У нее богатый опыт. Уже в пятнадцатом веке в Японии разработали теорию развед-

ки и привели в стройную систему все типы агентурных комбинаций, в том числе и...

Донахью перебил его.

— Это все азиатские первобытные приемы. Самурайская разведка вполне соответствовала вооружению самураев — мечу и луку. Все это устарело и может произвести эффект только на тибетских пастухов и каких-нибудь ботокудов.

— Весь мир знает о том, как ловко работали японские шпионы накануне русско-японской войны.

— Эту легенду распространили сами русские, чтобы как-нибудь смягчить впечатление от их скандального поражения.

Уайт покачал головой.

— Все-таки как просто получилось... Хваленые японские разведчики — и так легко дали себя обыграть.

— Вся история разведки заполнена такими случаями, — сказал Донахью. — Даже самые умные и хитрые разведчики сплошь и рядом остаются в дураках и, в свою очередь, одурачивают других.

— На этот раз очко в нашу пользу. Теперь очередь японцев. На чем же они подловят нас?

Донахью пожал плечами.

— Если бы боксеры знали заранее, куда их ударят, пришлось бы отменить навсегда этот вид спорта. Вся прелесть разведки заключается в том, что ты не знаешь, какую пакость готовит тебе враг.

Уайт взял с полочки японскую книжку и стал ее перелистывать.

— Между прочим, я познакомился с японочкой, — сообщил он. — Она студентка, учится на медицинском, американская подданная.

— Откуда она?

— С острова Оаху. Сейчас едет в Окленд к знакомым.

— Наверняка японская шпионка. — Донахью подмигнул. — Очевидно, ей приказано следить за тобой. А всех толковых шпионов японцы бросили против настоящего противника, противника номер один, то есть против России.

— По-твоему, Япония не собирается воевать с нами?

Донахью энергично мотнул головой.

— Ни в коем случае. И особенно сейчас. Вчера в салоне я слушал радио. Немцы уже полностью разгромили русских в Белоруссии и пошли к Смоленску. Генерал Кроули из Сингапура, с которым я вчера играл в бридж, говорит, что русские сложат оружие через месяц, не позже. И тогда японцы двинутся на Сибирь. Поэтому им надо как можно скорей выбраться из китайской трясины. — После паузы Донахью добавил: — Скоро мы начнем с божьей помощью расшифровывать все японские телеграммы и окончательно убедимся в том, что японские генералы повернулись к нам задом и смотрят в сторону Урала.

Уайт подошел к карте на стене.

— Итак, две трети пути пройдено, путешествие близится к концу.

Донахью усмехнулся.

— Ты говоришь об этом с явным сожалением. Японочка, очевидно, запала тебе в душу. Будь осторожен с ней.

Вашингтонская „магия“

18 июля 1941 года

Морской атташе — маленький, одетый со строгим изяществом, в английском духе — усадил Терано и Идэ в кресла у окна, выходящего на Массачусетс-авеню.

— Представляю, как вы измучились... — атташе покачал головой, смазанной бриллиантином. — Не только физически, но и душевно, круглые сутки в нечеловеческом напряжении. Помню, лет десять назад меня посылали в Рим с одним пакетом. Мы срочно меняли шифры...

— Я слышал об этой истории, — сказал Идэ. — У морского атташе пропали документы, и ему пришлось...

— Да, он застрелился. И мне надо было ехать

транссибирским экспрессом, потом через Москву и Берлин. Это было ужасное путешествие. Особенно когда ехал по Сибири. Целых десять дней ни одной спокойной минуты. До сих пор вспоминаю и вздрагиваю.

— В Риме все произошло из-за учительницы языка, — бесстрастным голосом произнес Идэ. Он мог винить только самого себя.

Морской атташе пошевелил усиками.

— А с вами ехали красавицы?

— Какие-то ехали, — Терано махнул рукой. — Но нам было не до них.

Атташе наклонился вперед и шепнул:

— А Акияма находился далеко от вас?

— Какой Акияма? — удивился Терано.

Идэ тоже сделал недоумевающее лицо. Атташе обвел взглядом обоих и шепнул:

— Не знали?

— Что случилось? — Терано тоже перешел на шепот. — Я знал Акияма, который работал в Джакарте по линии специальной службы.

— Он самый. Но это... — атташе сделал многозначительную паузу, — строго между нами. Он ехал с вами на одном пароходе. В числе пассажиров были два американских дипкурьера, они везли почту токийского посольства и харбинского генконсульства. В пути они свели знакомство с двумя очаровательными итальянками из шанхайского ночного клуба и не смогли устоять... Короче говоря, Акияма провел операцию.

— А кто эти дипкурьеры? — спросил Идэ. — Военные?

— Нет, чиновники государственного департамента. Среди взятых документов оказались копии нескольких телеграмм, отправленных американским посольством в Токио государственному секретарю. Одна из них довольно любопытная. Относится к началу этого года.

— А мы не перехватывали ее в свое время? — спросил Идэ. — Наш четвертый отдел...

— Нет, она нам была неизвестна. Очевидно, про-

шла по коду, который еще не удалось раскрыть аналитическим путем.

Морской атташе прошел в соседнюю комнату и открыл небольшой сейф в стене, вынул кожаную папку, извлек из нее листок и передал Терано. Тот прочитал и показал Идэ.

На листке был напечатан текст телеграммы, переведенной на японский язык:

27 января 1941 года

Из Токио, от посла Гру

В Вашингтон, государственному секретарю *.

Перуанский посланник в Токио сообщил чиновнику нашего посольства о том, что ему удалось узнать не только от японской стороны, но и из других источников о наличии намерения у Японии в случае разрыва отношений с Америкой неожиданно напасть на Пёрл-Харбор, бросив все силы и технику на проведение атаки. Сам перуанский посланник считает эти слухи абсурдными, но тем не менее счел нелишним уведомить о них одного из моих подчиненных.

Терано покрутил головой.

— Выходит, что уже пронюхали. Наверно, наши дипломаты выболтали.

— Ничего страшного. Перуанский посланник не придает этому слуху никакого значения. И сам Гру, по-видимому, тоже не верит. В прошлую субботу германский морской атташе сказал мне, что недавно он имел откровенную беседу с видным американским адмиралом в отставке, близким к Белому дому. Тот заявил: японцы никогда не осмелятся напасть на Пёрл-Харбор — только сумасшедшие могут решиться на это.

Терано и морской атташе засмеялись.

— А еще что-нибудь интересное взяли? — спросил Идэ.

— Докладную записку Гру — его соображения относительно уступок, которые американская сторона

* Все приведенные в повести расшифрованные радиогаммы — подлинные.

могла бы сделать нам. Очень ценный документ. Акияма сделал хорошее дело.

— Кроме этих итальянок, еще кто-нибудь помогал ему? — спросил Терано.

— Один человек из штата пароходной прислуги. Стюард.

— Стюард? — переспросил Терано и посмотрел на Идэ. — А какой национальности?

— Подождите минутку, спрошу, освобожден ли посол. Он с утра заперся у себя.

Морской атташе вышел из комнаты. Терано шепнул:

— А не тот ли стюард-филиппинец, который был в нашем коридоре? Со сплюсненным носом?

Идэ наклонил голову и со свистом втянул воздух.

— Я несколько раз замечал, как он ходил взад-вперед по коридору... Мне показалось это подозрительным.

— Получается, что он наш человек. Ему было приказано помогать Акияма и заодно охранять нас.

Идэ кивнул головой.

— А нам об этом не сказали, чтобы мы не успокаивались.

В дверях показался морской атташе и пригласил Терано и Идэ пройти к его превосходительству.

Посол, адмирал Номура, несмотря на служебное время, был одет по-домашнему — в ночной халат. Он сидел за массивным столом из черного полированного дерева. Перед ним лежали продолговатые листки шелковистой бумаги, на них были начертаны китайские изречения и стихи — посол занимался каллиграфией.

Морской атташе подошел к столу и замер от восхищения:

— Хо-о... изумительно! У вашего превосходительства настоящий сунский стиль!

Посол поправил очки и прищурил единственный глаз.

— Ты ничего не понимаешь. Это тебе не покер. Раньше у меня получалось кое-что, а теперь нет силы в росчерках. Не тот взмах кисти. Прошу сесть.

Посол отставил от себя малахитовую тушницу, положил кисточку на подставку и, шаркая шлепанцами, надетыми на босу ногу, подошел к дивану. Офицеры сели на стулья с высокими спинками.

— Спасибо вам за труды, — сказал посол и коротко поклонился.

Терано и Идэ вскочили и, держа руки по швам, согнулись пополам. Посол жестом предложил им сесть.

— Вы выполнили чрезвычайно ответственное поручение, — начал тихим голосом адмирал, четко произнося каждое слово, — и доставили все в полной сохранности. Завтра уже пустим машинку в ход. Я не верю шифрам министерства иностранных дел. Самые крепкие и надежные шифры — это наши, флотские. Скоро японо-американские переговоры вступят в острую стадию. И хорошо, что мы до начала этих чрезвычайно важных переговоров обеспечили безопасность нашей переписки с Токио. Благодарю за отличное выполнение крайне важного задания, за все ваши исключительные старания.

Посол чуть заметно двинул головой. Офицеры снова вскочили и ответили поклоном. Посол продолжал:

— Мне только что сообщили, что министром иностранных дел назначен адмирал Тойода. Ему будет очень приятно услышать о заслуге двух доблестных офицеров императорского флота.

Открылась дверь, и секретарь доложил о приходе католического священника Драута. Посол сказал:

— Проведи его в комнату рядом с библиотекой. Я переоденусь.

Терано и Идэ откланялись и прошли в кабинет морского атташе. Японка-горничная принесла виски и сифон с содовой водой.

Морской атташе плотно прикрыл дверь, затем включил радиоприемник. Передавали репортаж о матче боксеров. Гости устроились на диване около радиоприемника, атташе подсел к ним:

— Я вам рассказал относительно Акияма. Теперь вы должны поделиться со мной секретами. Как идет подготовка?

Терано стал рассказывать о состоявшемся второго июля совещании под председательством императора. Было принято решение ввести войска в Индокитай и готовиться к дальнейшим действиям в южном направлении. Пока воздержаться от нападения на Россию, хотя Гитлер требует этого. Очевидно, после падения Москвы начнется развал советского административного аппарата и командования войск. Турецкий посол в Токио в доверительном порядке сообщил генералу Тодзио о том, что турки готовятся к вводу войск на Кавказ и в район Баку. Квантунская армия начнет в подходящий момент продвижение в глубь Сибири. Сейчас пока лезть в Россию не стоит. Надо сперва разрешить проблему нефти и каучука, то есть проблему Юга.

Морской атташе сказал:

— Вчера я был на банкете в шведской миссии. Советник германского посольства сообщил, что бои уже начались на линии Днепра, а группа армий «Север» двинулась на Ленинград.

Репортаж о боксе кончился. Стали передавать объявления с музыкой.

— У нас начали готовить карты Ирана, — сказал Идэ. — Для будущего десанта на побережье Персидского залива.

Морской атташе осушил рюмку и громко вздохнул:

— И вот в такое время сидишь здесь, перебираешь дурацкие бумажки и шляешься по раутам и коктейл-парти. За мной ходят по пятам шпики из Эф-Би-Ай *, ничего не дают делать. Я уже не раз просил отозвать меня. Особенно после истории с Кавабата и Йокоги.

— А что случилось с Йокоги? — спросил Идэ. — Ведь он опытный работник!

Атташе провел мизинцем по усикам.

— Угодил в западню. Ему подсунули матроса с «Пенсильвании». Он завербовал матроса и купил липовые данные о крейсере «Феникс», а когда пошел на

* Эф - Би - Ай — сокращенное Федерал Бюро оф Инвести-гейшн — Федеральное бюро расследований США.

следующее свидание, его сцапали и засадили в тюрьму. Только благодаря послу удалось кое-как замять дело.

— У вас здесь интересная и очень нужная работа, — сказал Идэ. — И на Гавайях тоже. Там надо подготовиться как следует. Создать агентуру для мас-сированных акций на земле. В нужный момент эта агентура специального назначения сыграет большую роль.

Атташе внимательно посмотрел на Идэ. Узкая физиономия с холодными, как у ящерицы, глазами внушала доверие.

— В Гонолулу сидит генконсул Кита, он связан с нами. Очень толковый человек. Ему помогают два офицера флота, прикрывающиеся чужими фамилиями. Скоро у них прибавится работы. Кита будет занят систематическим наблюдением за гаванью и аэродромами. Вы не поехали бы туда?

Идэ тихо откашлялся в руку:

— Я с удовольствием, но...

— Это можно быстро устроить. Посол поддержит меня перед адмиралом Нагано, и вас откомандируют из моргенштаба в наше распоряжение.

— Мне бы не хотелось ехать на Гавайи в качестве чиновника генконсульства, — сказал Идэ. — За мной будут все время следить. Меня смущает также, что я не знаю местных условий, скудный опыт...

Атташе остановил его жестом руки.

— О вашей работе в Бангкоке и Шанхае я слышал. Только на Гавайях придется действовать более мягко. Кое-что нельзя будет делать...

Терано тихо рассмеялся.

— Когда у человека звание мастера дзюдзюцу четвертой степени, наверное, трудно удержаться. — Терано кивнул в сторону Идэ. — У него еще одно достоинство. Как подобает чистокровному кагосимскому воину, у него иммунитет в отношении женщин. Они вызывают у него тошноту.

Атташе улыбнулся.

— Значит, вкусы у нас расходятся. Я большой поклонник золотоволосых красавиц. Но я имею с ними

дело лишь после того, как они завербованы. А до этого даже не смотрю в их сторону.

— Где мы будем жить? — спросил Терано.

— Для вас заказаны номера в «Фэйрфаксе», недалеко отсюда. Только там... — атташе показал на стены и потолок, — ни слова о деле. Где сейчас адмирал Ямамото?

— Он был в Токио, когда мы уезжали. Уже закончили план атаки, но придется отшлифовать детали, это займет время. И надо провести несколько репетиций.

Атташе показал головой на дверь.

— К нашему адмиралу скоро придет помощник — профессиональный дипломат. Они вдвоем начнут крутить голову Хэллу, будут тянуть до нужного момента. — Он повернулся к Идэ: — Итак, будем считать вопрос решенным. Подумаем, под каким соусом послать вас в Гонолулу. Может быть, сперва поедете куда-нибудь в Бразилию или Мексику, чтобы приобрести защитную окраску, и уже потом направитесь на Гавайи. Там такие красоты... Виноват, забыл, что они вас не волнуют.

— Вы не ответили на один вопрос, — сказал с улыбкой Терано, — это не так важно, но все-таки хотелось бы узнать...

— Какой вопрос? — атташе тоже улыбнулся. — Насчет девочек?

— Нет. Кто тот стюард, который помогал Акияма?

— На пароходе? — Атташе наморщил лоб. — Насколько мне помнится, Акияма говорил, что это был филиппинец, бывший боксер, с перебитым носом.

Терано и Идэ переглянулись.

19 июля

Начальник управления морских операций адмирал Старк положил телефонную трубку. На его одутловатом лице с коротким носом появилась гримаса разочарования.

— Сборная тихоокеанского флота проиграла сборной армейцев. Счет: пять-два. Все шло хорошо до

восьмого гейма, и вдруг они два хомрана закатали, мерзавцы.

Донахью с огорчением покачал головой.

— Наших тренировал радист с «Энтерпрайза», раньше был в команде «гигантов».

— Пусть он провалится к черту. Из-за него я проиграл сто долларов генералу Майлсу. — Старк набил трубку. — Так вот... Я сообщил секретарю президента обо всем, а он доложил самому. Молодцы, здорово обтяпали джапов! * Насчет награды... — Старк несколько раз пыхнул трубкой. — Вы провели дело настолько секретно, что ради сохранения тайны придется пока воздержаться от награждения всех вас. Примерно через полгода, после каких-нибудь маневров, представим всех к награде... придумаем предлог. Значит, этот код у них называется «пурпуровым»?

— Да. Пользоваться им будут посольства в Америке, Англии, России, Германии, Италии...

Старк перебил:

— Мне уже докладывал об этом Уилкинсон. Перехватом и обработкой телеграмм, идущих по «пурпуровому» коду, будем заниматься мы и армейцы попеременно: один день мы, другой — они, чтобы обеспечить бесперебойность. Как часто джапы будут менять кодовые таблицы?

— В четные дни два раза, а нечетные — три.

— Перехватываемые японские телеграммы будем условно именовать... — Старк поднял глаза к потолку и решительно кивнул головой, — «магической информацией»... или просто «магией». Перехватом и расшифровкой «магии» у нас будет вести отдел разведки скрытой связи. Уилкинсону уже даны указания. Он доложил мне, что непосредственно дешифровкой «магии» будет вести капитан второго ранга Сэффорд. А ее переводами займется секция переводов капитан-лейтенанта Элвина Крамера. Уилкинсон сказал, что начальник японского направления капитан третьего ранга Макколл уже приступил к формиро-

* Д ж а п ы — презрительное наименование японцев, употребляемое американскими расистами.

ванию группы. Ты будешь состоять при начальнике разведывательного управления. Какие у тебя отношения с Уилкинсоном? В такой максимально доверительной работе надо, чтобы личные отношения между офицерами, посвященными в тайну, были безупречными.

Донахью пожал плечами.

— Мы с Уилкинсоном непримиримые враги за бильярдным и картежным столами.

— Отлично. Но тебе придется быть непосредственно связанным с Сэффордом и начальником японского направления. Как у тебя с ними?

— Сэффорд — мой однокашник. Макколл я знаю мало. Человек он суховатый, педантичный. Но, говорят, умница.

— Надеюсь, вы сработаетесь. А в помощь Крамеру в группу лингвистов, которые будут переводить «магию», можно назначить твоего коллегу по операции... этого, как его... Блэка...

— Нет, Уайта.

— Какой у него чин?

— Старший лейтенант.

— Справится?

— Он великолепно знает японский, учился в Токио, в университете Кэйо, обладает незаурядными лингвистическими способностями, светлая голова...

Адмирал оттопырил нижнюю губу:

— Это не характеристика, а дифирамб. У тебя привычка все преувеличивать. Какие у него недостатки?

— Недостатки? В упрек ему, пожалуй, можно поставить то, что он по характеру и образу мышления больше штатский, чем военный. Очень добросовестен, повышенно эмоционален, иногда наивно принципиален.

— Я вижу, что твой дружок стал офицером по недоразумению. Ну ладно, пусть занимается «магией». А ты будешь ведать специальными сводками для чинов высшего командования и Белого дома. — Старк выколотил пепел из трубки в пепельницу и откинулся в кресле. — Ну, как там мар tyшки? Готовятся?

Мне кажется, что мы все-таки преувеличиваем опасность. А?

Донахью ответил после небольшой паузы:

— Я беседовал с некоторыми весьма осведомленными людьми в Токио. По их мнению, японцы будут всячески пугать нас, делать вид, что пойдут на все. Но вряд ли решатся на войну.

— Я тоже так думаю. Если и начнут, то надо иметь в виду короткую схватку. Десять раундов им без нефти не выдержать. Значит, им надо начать с удара, чтобы послать нас в нокдаун. Куда же они должны ударить? Только по Пёрл-Харбору. Но они отлично знают, что в Пёрл-Харборе нельзя атаковать торпедами. Для торпед требуется глубина не меньше семидесяти пяти футов*.

— А в Пёрл-Харборе не больше тридцати, — сказал Донахью. — Для того чтобы напасть на Пёрл-Харбор, японцы должны сперва углубить гавань в два раза.

Оба рассмеялись. Старк ударил кулаком по кожаной папке.

— Бог ниспослал нам удачу — мы стащили у японцев машинку и теперь будем регулярно читать «магию». И эта «магия» подтвердит правоту наших предположений относительно дальнейшей политики Токио. Они, конечно, помирятся с нашей помощью с Чунцином**, чтобы освободить себе руки для нападения на северного соседа.

На белом телефоне одновременно с гудением загорелась красная лампочка. Старк взял трубку и, выслушав то, что ему доложили, сказал Донахью:

— В секторе радиоразведки начали действовать две машинки, сделанные нами по японскому образцу. Быстро управились, молодцы. Уже приступили к перехвату «магии». Приготовь к вечеру первую сводку.

Донахью вскочил с кресла и щелкнул каблуками.

* Фут — единица измерения длины, равная 30,48 см.

** То есть с правительством Чан Кай-ши, поддерживаемым американскими правящими кругами.

26 августа

Салон красоты был уже закрыт. Отдельных клиентов впускали только через террасу в той половине дома, где проживала Рут Кюн, хозяйка одного из лучших в Гонолулу косметических кабинетов. Этим ходом могли пользоваться только самые почетные клиентки.

В приемной сидели три дамы. Перед ними на лакированном столике стояли бокалы с ананасным соком и тарелочки с солеными земляными орехами. Дамы ждали вызова в соседскую комнату — вход в нее закрывала китайская ширма с золотым шитьем.

— Я рада, что Эрни наконец-то переведут с этой галоши, — произнесла важная горбоносая дама, похожая на верблюда. — И именно на то самое судно, как предсказал хиромант.

Дама оглянула собеседниц, но они не откликнулись. Очевидно, потрясающая история с переводом ее сына на другой корабль уже была известна всему Гавайскому архипелагу.

Не дождавшись вопросов, горбоносая вынуждена была сама прервать паузу:

— Я рада, но в то же время боюсь, что надолго расстанусь с моим мальчиком...

Ее длиннолицая соседка с тойтерьером на коленях изобразила удивление:

— Почему? Уезжаете отсюда?

Выдержав паузу, горбоносая ответила:

— Нет. «Лексингтон» уйдет, кажется, на Мидуэй. В ноябре.

Полная дама, курившая сигарету, сказала:

— Не надо убиваться преждевременно. Марджори тоже боялась, что ее муж окажется в подчинении у своего дядюшки, но все кончилось благополучно.

— Она имела право ужасаться, — заметила длиннолицая. — Дядя Рональда — знаменитый на весь американский флот людоед — питается жареными в сухарях лейтенантами.

Из-за ширмы показалась высокая белокурая женщина с массивным бюстом — Рут Кюн, хозяйка са-

лона. При виде тойтерьера она вытянула губы и наклонилась к нему, заскрипев корсетом. Песик лизнул ее в щеку. Рут сказала с легким немецким акцентом владелице песика:

— Вам этот цвет бровей очень идет. Подчеркивает цвет лица.

— Посмотрим, как оценит это мой магараджа, — ответила длиннолицая. — Он очень строгий критик.

— Муж — это еще не так важно, — вставила горбоносая. — Надо, чтобы нравилось другим рад-жам. Когда вернется ваш тиран?

— В следующую среду.

Рут стала почесывать песика за ухом. Дамы заговорили о вчерашнем событии в парке Моаналуа, где знатный турист из Европы, испанский маркиз, застал свою супругу со старшим артиллеристом с «Аризоны» в положении, не требующем пояснений, и подал жалобу командующему тихоокеанским флотом. Затем стали говорить о капитане третьего ранга Риччи, на которого вдруг свалилось наследство от тети в Каире. По слухам, тетушка нажила состояние не совсем приличным путем. У Риччи состоялась отчаянная пьянка, кончившаяся тем, что два офицера морской пехоты решили взобраться на крышу башни Алоха, — их сняли с третьего этажа.

Беседу прервали вышедшие из-за ширмы массажистки — они пригласили клиенток. Рут чмокнула песика в носик и прошла к себе.

В столовой сидел ее отец — Бернард Кюн, крупный мужчина с серебристой шевелюрой. Рут поцеловала его в щеку и вопросительно подняла брови.

— Я пришел, Рутхен, без предупреждения, — Бернард погладил дочь по руке. — Экстраординарные обстоятельства. Сейчас сюда приедет на минутку один джентльмен...

Рут сдвинула брови и покачала головой.

— Так не годится...

— Не беспокойся, деточка. Это местный японский генеральный консул Кита. Ему надо срочно поговорить со мной, а в обычном месте сегодня нельзя. На-

счет слежки не бойся. Он заедет сюда только в том случае, если убедится, что за ним нет хвоста.

— Все равно — очень рискованно.

— Не волнуйся. — Он улыбнулся. — Как дела с сестрой полковника Флинта?

— Завтра повезу ее смотреть рыб.

— В аквариум?

— Нет, на туристском пароходе со стеклянным дном. Потом меня пригласят к Флинтам на партию маджонга.

— Что нового?

— Ничего особенного. Капитан второго ранга Кристофер, по-видимому, получит назначение в Сандиего, а «Лексингтон» в ноябре направится на Ми-дуэй, только что слышала.

— Кто сказал?

— Мать лейтенанта Юстеса, который переведен на авианосец с минного заградителя «Оглала».

Кюн хмыкнул.

— Это очень интересно. Значит, оба авианосца — «Лексингтон» и «Энтерпрайз» — уйдут отсюда. Но это надо проверить как следует.

— Кстати, миссис Вандергрифт говорит, что ее муж не будет назначен к своему дяде — вице-адмиралу Лесли. А тот находится на Филиппинах.

— Вандергрифт плавает на «Хелене»?

— Нет, на миноносце «Кэссин».

Раздался тихий звонок. Рут вышла из комнаты и через минуту вернулась вместе с японцем — худощавым, с резко выпирающими скулами, очень подвижным. Рут предложила ему кофе, но он помахал рукой перед носом. Она неслышно выскользнула из комнаты.

— Беспрерывное наблюдение за рейдом начнем через две недели, — быстро заговорил японец. — А до этого надо будет срочно подготовить те посты, о которых мы говорили. Как дела у вас?

— Вполне нормально. — Кюн взял карандаш и набросал на бумажной салфетке план. — Посты учредим здесь и на возвышенности Вайанаэ, оттуда просматривается вся гавань.

— А в Калама?
— Скоро будет готово. В Раникае уже есть.
— А на Мауи?
— Пункт между Ровакула и Балеакала подготовлен.

Кита удовлетворенно хмыкнул:

— Особенно важен пост на Мауи. Там надежный человек?

— Родственник моей жены, немец. Он врач санатория в Кура.

— Устройте так, чтобы с ним мог держать прямую связь Нисина. Тот самый, которого вы видели в прошлый раз.

— Помню. — Кюн улыбнулся. — Хорошо, что он похож на говайца.

— Вот его запасной телефон. Но по нему надо говорить только кодом. Встречаться с ним можно у китайца-ювелира на Кинг-стрит.

Кита написал номер телефона и адрес на бумажной салфетке. Кюн прочитал, вынул зажигалку и сжег бумажку в блюдце, затем аккуратно размял пепел кончиком карандаша.

— Вас привез сюда Нисина? — спросил Кюн.

— Нет. На нашей машине в таких случаях ездить рискованно. Я приехал на такси. Шофер — японец, мой человек.

Кита встал. Кюн провел его по коридорчику и открыл дверь на террасу. Кита подошел к машине, стоявшей на другой стороне Калакауа-авеню под пальмами.

Как только машина двинулась, он спросил у шофера:

— Что сказал Нисина?

— Он связался с капитан-лейтенантом Идэ, и тот ждет вас сейчас на горной дороге около виллы Эспинозы за скалой, — четко отрапортовал шофер. — Нисина просил иметь в виду, что с прошлой недели около банановой фермы установлен новый пост военной полиции.

— Идэ хорошо прикрыт?

— Очень хорошо. Он из Вашингтона проехал прямо в Мексику, достал там мексиканский паспорт на имя Доминго Акино и, приехав сюда, устроился на ананасной плантации. Мексиканец японского происхождения.

Кита ударил себя кулаком по колену.

— Вот так они всегда делают. Держали от меня в строжайшем секрете, но потом увидели, что дело хлопотное, и подкинули мне. Хлопоты мои, заслуги их.

— Нисина сказал, что Идэ приказано работать самостоятельно, но он будет держать связь с вами.

Кита сердито дернул головой.

— Значит, будет лезть в мои дела. И мешать...

Проехав мимо пляжа Вайкики, они домчались до подножия Макапуу, затем повернули обратно и по горной дороге поехали в сторону университетского поселка. На море виднелись огни проходивших пароходов. Со стороны острова Кауаи летел самолет с зеленым и красным огоньками. Оставив позади коттеджи профессоров, машина пошла вверх — в сторону Нууану-Пали. Кита приказал потушить фары.

Они проехали мимо опытного сада с ореховыми деревьями и плантации сахарного тростника, огороженной колючей проволокой, и остановились у скалы, выступающей на дорогу. Из зарослей папоротника вышел человек. Шофер открыл дверцу, человек проскользнул в машину и, сев рядом с Кита, показал головой на шофера. Кита сказал:

— Мой связной, он в курсе всего.

Человек поклонился и назвал себя:

— Доминго Акино. Идэ.

Кита ответил поклоном.

— Мне сообщил о вас Нисина. Связь будем держать через него.

Идэ откашлялся в руку и подчеркнуто вежливо сказал:

— Мы будем держать прямую связь. Это санкционировано.

Кита запротестовал:

— Это не совсем удобно. Такие встречи сопряжены с огромным риском.

— Ваши опасения понятны, но все равно мы должны встречаться лично. Не ночью, не так таинственно, как сегодня. Из Японии будут приходить в адрес генконсульства письма от моей матери. Переписка будет касаться ее переезда сюда — это мой личный код. Я стану сам получать письма. Вряд ли американские контрразведчики заподозрят человека, который совершенно открыто среди бела дня будет приходить к вам за письмами, присылаемыми обычной почтой. Предельная хитрость — это отсутствие всякой хитрости.

Кита сердито промычал:

— Если они начнут подозревать, я сейчас же прерву связь с вами.

Идэ пропустил эти слова мимо ушей.

— Значит, я буду ходить к вам. А они следят за вами?

— За генконсульством?

— За всеми, и особенно за вами.

— Мы приняли кое-какие меры. Один секретарь-практикант делает все, чтобы подогреть интерес к себе.

— Мне сказали в Токио, что вам удалось завербовать крупного джимена*, чуть ли не самого Шиверса. Кажется, так зовут начальника местного отдела Эф-Би-Ай?

Кита фыркнул.

— Скоро на Гиндзе будут болтать, что я завербовал государственного секретаря Хэлла.

Идэ тихо сказал:

— Когда я работал в Шанхае, еще до начала войны с китайцами, нам удалось обработать двух европейцев, работавших в полиции сэттльмента. А потом оказалось, что они были подставлены к нам и дурачили нас.

* Джимен — сотрудник Федерального бюро расследований США (Эф-Би-Ай).

— Значит, зона вашей деятельности... — начал Кита, но Идэ с вежливым поклоном перебил его:

— Ваша работа мне известна. Я не буду мешать вам, мы не будем дублировать друг друга. — Идэ посмотрел в окошко машины. — Поверните назад, я скоро выйду. Мне хотелось бы попросить вас составить список японцев, местных уроженцев, которых можно будет использовать. И не только жителей Оаху, но и других островов. В первую же очередь японцев, проживающих около аэродрома Канеохэ и Соленого озера...

— Директивы по работе, — прервал его Кита, — я получаю по соответствующей линии. А ваши...

Идэ повторил:

— Прошу составить список. Через некоторое время дипкурьер доставит вам нужные распоряжения. И еще прошу. К дочери хозяйки плантации, где я работаю, на днях приезжала одна японка. Недавно я ехал с ней на пароходе из Йокогамы. Судя по всему, она имеет широкий круг знакомств среди американцев и может пригодиться нам. И внешние данные подходящие.

— Как ее зовут?

— На пароходе она называла себя Хаями Мари-ко. Слышали о ней?

— Нет. — Кита повернулся к шоферу: — Абэ, тебе известна такая?

Шофер уклончиво ответил:

— Наверное, кто-нибудь знает.

Идэ продолжал:

— Я хотел бы познакомиться с ней через кого-нибудь. С вашей помощью. Но сперва прошу собрать о ней сведения. Буду надеяться...

Посмотрев в окошко, Кита быстро сказал:

— Вылезайте здесь. За поворотом заправочная станция и казарма, там не показывайтесь. — Он поклонился и сердито буркнул: — Берегите себя.

— Прошу извинить за хлопоты, которые я вам доставляю, — учтиво ответил Идэ. — Берегите себя.

Как только машина замедлила ход, Идэ покло-

нился и выскочил. Машина помчалась в гору — вниз, направо от дороги, показалось море.

— Он будет здорово мешать мне, — Кита цокнул языком, — довольно бесцеремонный господин. Наверное, потребует, чтобы ему передали Нисина или еще кого-нибудь. И не нравится мне вся эта история с мексиканским паспортом. Может с треском провалиться.

— Но он опытный, — заметил Абэ, — работал в Шанхае. Нисина сказал...

— Здесь не Шанхай, болван! — крикнул Кита. — Там на рейде стояли наши линкоры. Никакого риска. Там мог работать любой идиот. — После короткой паузы Кита сказал: — Наверное, придется отдать тебя этому Идэ.

Абэ повернулся к Кита и жалобно протянул:

— Лучше кого-нибудь другого...

— Будешь выполнять только отдельные его поручения. Но ни слова ему о моей работе, слышишь? О том, из какой истории я тебя вытащил, никому не скажу. Понял?

Абэ молча кивнул головой. Кита ткнул его кулаком в плечо:

— Если сболтнешь что-нибудь, выдам с потрохами Баллиганту. Он тебя в два счета пошлет на горячий стул.

— Не скажу ничего.

— И особенно насчет того, что я встречаюсь с Баллигантом. Держать рот на замке. Понял?

Абэ хмыкнул и поклонился.

На всякий случай Кита решил немножко покружить. Машина еще раз объехала вокруг горы Тантал, затем промчалась по восточному берегу до храма мормонов и, повернув обратно, направилась по дороге через Куурау в город. Никакой слежки не было замечено. Когда стали спускаться вниз к городу, Абэ сказал:

— А я знаю эту Хаями Марико. Она училась с моей сестрой в одной школе. А сейчас Марико студентка-медичка.

— Напиши об этом, — приказал Кита.

— В последнее время она часто приходит в аптеку на нашей улице. Кажется, покупает лечебные травы для своей бабушки.

— Чья аптека?

— Корейца Ан Гван Су на Маунакеа-стрит.

— Напиши обо всем и принеси мне завтра утром.

27 сентября

Ввиду особой секретности документов, идущих под грифом «магия», было приказано обходиться без стенографисток и машинисток. Поэтому Т-бюро, как называли группу японоведов-переводчиков при дальневосточном отделении разведывательного отдела штаба флота; напоминало мужской монастырь. В дальний конец коридора на третьем этаже здания штаба, где размещалось загадочное Т-бюро, женщины совсем не заходили.

Тексты переводов поступали на стол к Уайту. Он их просматривал, вносил исправления и передавал в таком виде Донахью, а тот нес их к капитану третьего ранга Макколлу или прямо к начальнику разведывательного управления Уилкинсону. От переводчиков требовалось только умение быстро и точно переводить с японского, а не способность печатать без помарок. Уайт получал уже порядком исчерканные тексты, сам тоже вносил поправки и делал вставки. Не удивительно, что при виде очередных сводок «магии» Донахью вскидывал руки и стонал:

— И такую мазню представлять начальству! Убийцы!

Но начальство жадно хватало переводы расшифрованных японских телеграмм и упивалось содержанием текста, а не его внешним видом.

Флотские и армейские дешифровщики получили по две машинки «97» и перемалывали на них «магию». Флотские обрабатывали «магию», перехваченную в нечетные дни, армейцы — перехваченную в четные.

В бюро работали квалифицированные офицеры-лингвисты, обучавшиеся в Японии и прошедшие шли-

фовку у профессора-японоведа Колумбийского университета Елисеева, сына бывшего владельца крупнейшего гастрономического магазина в Москве. Но, несмотря на солидную подготовку, японоведам-переводчикам приходилось трудновато. Японские телеграммы писались латинскими буквами, то есть фонетическими знаками, и в этом заключалась опасность — в японском языке уйма одинаково звучащих слов.

— Проклятый язык, — тихо ругался старший лейтенант Пейдж, щупленький и лысый, в очках. — Это они специально выдумали, чтобы насолить всем, кто изучает их язык. Извольте догадаться, о чем идет речь. Орган, артерия, возвращение, срок, флагманский корабль, ваше письмо и так далее — все звучит одинаково: «кикан». Целых восемнадцать значений! Или «иси». Означает и камень, и врач, и желание, и наследник, и воля покойного... поди разберись, о чем идет речь.

— И еще смерть через повешение, — вкрадчивым голосом добавил старший лейтенант Крайф. За смазливую внешность и умение подлаживаться к начальству его прозвали Гейшей.

— Кто-нибудь из нас действительно повесится. — Пейдж вздохнул. — Вчера над одной фразой просидел битых два часа, потому что японский шифровальщик забыл указать долготу гласных, собака. А ведь слово «кото», если не оговаривать долготу гласных, может означать тридцать три разных понятия...

— Все зависит от контекста, — сказал Уайт.

Пейдж мотнул головой.

— Он часто совсем не помогает. Приходится гадать. Кошмар какой-то.

Гейша похлопал себя по голове.

— Скоро у нас у всех вылезут волосы, как у Пейджа.

Капитан-лейтенант Шривер, чуть-чуть сутулый, с седой прядью, покосился на Гейшу и произнес:

— Волосы лезут у тех, кто думает. За свою шевелюру не беспокойтесь.

Шривер недавно вернулся из Токио, где был по-

мощником морского атташе. Его отозвали по требованию японского правительства за скандал, учиненный на банкете в турецком посольстве в присутствии премьер-министра принца Коноэ. В своем застольном спиче слегка подвыпивший советник германского посольства коснулся антропологических достоинств нордической расы и в связи с этим нелестно отозвался об американской нации. Шривер подошел к советнику и нанес ему прямой удар в подбородок. Нациста унесли в полуобморочном состоянии, а Шриверу пришлось в качестве «персона нон грата» через два дня покинуть Японию.

В дверях появилась высокая стройная фигура Донахью. Он помахал рукой, в которой держал красную сафьяновую папку.

— Ну, черные маги, пошевеливайтесь, — сказал он, подходя к столу Уайта. — Давайте продукцию. Бэтти ждет.

Бэтти, или Хозяином, офицеры называли между собой начальника управления морских операций адмирала Старка — фактического главнокомандующего всех военно-морских сил Соединенных Штатов Америки. Его очень боялись, и все знали, что Донахью приходится родственником супруге адмирала.

— Готова та штука? — спросил Донахью у Уайта.

— Какая? Из Токио в Гонолулу?

— Нет, вчерашняя маленькая, из Вашингтона.

— Сейчас проверю.

— Кто переводил?

Уайт показал головой на Гейшу. Донахью поджал губы.

— В таком случае хорошенько проверь. В прошлый раз в твое отсутствие я взял у него «магию» — и... получилась неприятность...

Пейдж тихо засмеялся. Гейша укоризненно покачал головой.

— А что случилось? — поинтересовался Уайт.

Пейдж, несмотря на протесты Гейши, рассказал. Оказывается, Гейша перевел «магию» и без визы старших — Уайта и Шривера — помчался к Уилкинсону и поднял шум. В депеше, присланной из Токио

от министра иностранных дел послу в Вашингтоне, содержался приказ купить географические карты у посла Порт-Салюта — они у него самые хорошие. Речь шла, таким образом, о том, что видный иностранный дипломат в Вашингтоне, состоящий в ранге посла, снабжает японцев картами, очевидно секретными. Немедленно переслали эту телеграмму в государственный департамент и в Эф-Би-Ай, но эти учреждения ответили, что такого посла в списке членов дипломатического корпуса нет. В конце концов выяснилось, что речь шла вовсе не о после по имени Порт-Салют, а о датском сыре порт-салют-амбассадор*. Министерство просило купить и прислать этот сыр для банкетов в Токио.

— В этой «магии» не было знаков долготы, — объяснил Гейша под общий хохот, — и я спутал тидзу — «сыр», с тидзу — «географическая карта». Каждый может ошибиться, когда торопится.

— Когда торопится побежать к начальству и преподнести сенсацию, — сказал Шривер. — Вот за это тебя и наказал бог.

— Макколл устроил ему великолепную головомойку. — Донахью расхохотался. — Даже охрип. — Он взял у Уайта телеграмму.

— Совсем неинтересная, — сказал Уайт. — Здешнее посольство просит прислать дюжину чайных сервизов для подношения иностранным журналистам. Указаны марки фарфора и расцветки.

— Наоборот, это очень интересно. — Донахью положил «магию» в папку. — Это великолепная штука. Она свидетельствует о том, что посол Номура хочет умаслить наших газетных редакторов и обозревателей. Это неспроста.

Уайт протянул другую телеграмму. Донахью сделал капризную гримасу:

— Я тут ничего не пойму, так разрисовано.

— Очень интересная штука. — Уайт поднял палец. — Исключительно важная. Когда будешь докла-

* Амбассадор — посол (англ.).

дывать ее Хозяину, повторяй каждое слово два раза и притопывай, чтобы вбить ему в башку.

Донахью пробежал глазами текст.

Из Токио, от министра иностранных дел
Генеральному консулу в Гонолулу.
№ 83

Отныне вы должны сообщать нам о судах, по возможности учитывая следующее:

1) Акваторию Пёрл-Харбора разделить на пять малых зон.

По этим зонам сообщать предельно кратко.

Зона А — акватория между островом Форд и арсеналом.

Зона В — акватория южнее и западнее острова Форд.

Зона С — бухта Ист-Лох.

Зона D — бухта Миддл-Лох.

Зона Е — Вест-Лох и все проходы, ведущие к нему.

2) Относительно линкоров, крейсеров и авианосцев сообщать только о тех, которые находятся в гавани. Хотя это не так важно, но по возможности сообщайте, какие из них у причала, какие стоят на рейде, какие в доках. Кратко сообщайте класс и тип корабля. Если можно, сообщайте о случаях, когда к причалу пришвартовывают больше двух кораблей.

Пейдж выглянул из-за груды словарей и тихо произнес:

— Очень симптоматичная «магия». Готовятся.

— Вы переводили? — спросил Донахью.

— Нет, я, — ответил Гейша. — За точность ручаюсь.

— Начинают следить за Пёрл-Харбором, — сказал Уайт. — Надо предупредить нашу контрразведку. Донахью пожал плечами.

— Это же обычные данные о местонахождении военных кораблей. Японцы всегда собирали эти сведения, мы тоже. Если будете кудахтать из-за каждого пустяка...

Гейша кивнул головой.

— Не надо делать сенсацию из каждой «магии», — быстро заговорил он. — У нас не газета.

Уайт хлопнул ладонью по папке и повысил голос:

— Неужели не видно, что японцев неспроста интересует гавань Пёрл-Харбора. Тут ведь черным по белому...

Донахью положил Уайту руку на плечо:

— Не ори, деточка. Ты ведь читаешь не всю «магию». Та, которая расшифровывается армейцами, тебе неизвестна. А я читаю все без исключения и имею более полное представление. Японский министр иностранных дел адмирал Тойода уже известил посла Гру о том, что скоро в Вашингтон будет послан видный дипломат Курусу. А почему его посылают? Потому что в Токио усиливается течение в пользу достижения компромисса с нами. Конечно, они будут выкидывать всякие номера, пугать нас, действовать на нервы, чтобы вырвать уступки, но мы не должны дать себя сбить с толку. Не паникуйте, мальчики! Сохраним ясную голову и не будем терять самообладания.

Донахью щелкнул пальцами и, взяв телеграммы, пошел к дверям. Уайт догнал его в коридоре:

— Но все-таки ты доложи как следует об этой телеграмме в адрес Гонолулу...

Донахью прижал руки к груди и вздохнул.

— Имей в виду, Никки, сейчас идет огромный поток «магии». Она нас совсем захлестнула. Поэтому я докладываю Уилкинсону только самое важное, имеющее значение для нашей политики и стратегии. А твоя «магия» насчет Гонолулу пойдет в общий бюллетене, где мы даем выдержки или конспективное изложение. Большого она не стоит.

— В таком случае я сам пойду и доложу, — сказал Уайт.

— Ты вбил себе в голову, что японцы хотят напасть на Пёрл-Харбор. — Донахью ласково потрепал Уайта по руке. — К твоему сведению, они не такие сумасшедшие. Глубина гавани примерно тридцать футов. А это значит, что проводить торпедную атаку против базы нашего тихоокеанского флота абсолютно невозможно. При сбрасывании торпеды погружаются на глубину не менее семидесяти пяти футов. — Донахью понизил голос: — И кроме этого... позавчера в ресторане отеля «Уиллард» второй секретарь японского посольства совсем упился и выболтал португальскому дипломату одну вещь: о том, что в Токио началась грызня между армейским и флотским

командованием. Армейцы настаивают на том, чтобы скорее начать продвижение в сторону Урала, а флотские стоят за взятие только Приморья, Сахалина и Камчатки. Вот о чем думают сейчас в Токио, а ты лезешь со своей дурацкой «магией»... — Он остановился и поднес палец ко рту. — Постой, постой... Фу, черт, как же я не догадался, почему тебя так волнует эта штука. В Гонолулу проживает та самая японочка, которая ехала с нами. Забыл, как ее звали...

Уайт повел плечом.

— Мы начали переписываться, она очень умная собеседница.

— Великолечно! Передай ей сердечный привет от меня. — Донахью погрозил пальцем. — Только смотри не проговоришься, что занимаешься «магией».

6 октября

В глубине сада японского генерального консульства в Гонолулу, под огромным банановым деревом, на циновках расположились Кита и его партнер — местный японский врач. Между ними стоял низенький столик для игры в го.

Партия складывалась хорошо для генконсула — двенадцать фишек противника в углу доски были обречены. Надо было только предупредить возможность контригры в центре — там фишки Кита были слишком разбросаны. Врач считался сильным игроком — в прошлом году вошел в число призеров в соревнованиях на звание чемпиона Гонолулу.

Кита взял фишку и занес руку над доской — он решил начать комбинацию в центре доски. Сзади послышалось покашливание, захрустел песок. Кита поморщился — опять отрывают. По дорожке шел Моримура — младший лейтенант флота, работающий здесь в качестве вице-консула под фамилией Ёсикава. С ним был незнакомец в широкополой шляпе, закрывающей лицо.

Подойдя ближе, незнакомец снял шляпу. Это был капитан-лейтенант Идэ. Он уже несколько раз заходил в консульство за письмами от матери — его при-

ходы не привлекали внимания. В консульство приходило множество японцев по всевозможным делам: для получения виз, оформления документов, поручительств и рекомендаций. Кита знал, что Идэ снял квартиру где-то недалеко от ананасной плантации. Он работал в конторе плантации, в отделе упаковки грузов.

Кита и Идэ отошли в сторону. Идэ отвесил чинный поклон.

— Простите за невежливость, совершенную в прошлый раз. Я очень огорчен, что так получилось. — Он еще раз поклонился. — У меня к вам просьба. Мне надо переслать морскому атташе в Вашингтоне один пакет. Но я могу поручить доставку его только офицеру флота.

Кита сухо ответил:

— Мне неизвестно, когда проедет через Гонолулу в следующий раз военный моряк. На днях здесь был капитан третьего ранга Накадзима, он ехал на пароходе «Хикава-мару» в качестве бармена. Я виделся с ним.

— Достойно сожаления, что вы не нашли нужным известить об этом меня.

— Через неделю проедет дипкурьер. Можете передать мне пакет, я поручу ему...

Идэ покачал головой и тихо сказал:

— Обычному дипкурьеру я не могу доверить пакет с моим докладом о плане работы. И вам тоже не могу передать.

Кита вспыхнул:

— Не доверяете мне? Имейте в виду, мне поручают более серьезные вещи, чем ваши... бумажки.

— Я очень огорчен, что вы утаили от меня приезд капитана третьего ранга Накадзима. — Идэ опустил глаза и заговорил приглушенным голосом: — Вы нанесли ущерб моей работе. Прошу иметь в виду, когда вредят моему делу, я не колеблюсь ни одной секунды. У меня такое правило.

— У меня тоже правило — ставить интересы дела на первое место, и поэтому... — Кита оглянулся. Врач и Моримура куда-то ушли, очевидно, решили

не мешать деловому разговору. Кита спросил резким тоном: — Больше вопросов нет?

— Прошу извинить, что отнял у вас время. — Идэ поклонился. — Я только хотел, чтобы в наших отношениях была ясность. Вы человек эмоционального склада, холерического темперамента, а я всегда держу себя в руках и никогда не срываюсь. Но если еще раз повторится такая сцена, как сейчас, — чуть заметная улыбка тронула его губы, — я совершенно спокойно убью вас. Это я вам твердо обещаю.

— Угрожаете? — Кита сделал полшага вперед. — Я не из пугливых.

Идэ кивнул.

— Я знаю. Иначе вы не работали бы здесь. Но у меня правило: если мне мешают, не колебаться. Я считаю своим долгом поставить вас об этом в известность. Мне не хотелось бы видеть ваш изуродованный труп. А я ради дела уже прибегал к такой мере.

Кита усмехнулся и, вынув портсигар из кармана, закурил.

— Я в курсе истории, случившейся с одним японским корреспондентом в Шанхае. Его труп без головы нашли на территории французской концессии.

Идэ засунул руку в карман и приподнял полу пиджака — на брючном ремешке висел японский нож в деревянном футляре.

Со стороны веранды послышались детские голоса.

— Не будем поддаваться чувствам, — тихо произнес Идэ. — Дело прежде всего. Какие новости сообщил Накадзима?

Сделав несколько глубоких затяжек, Кита ответил уже спокойным голосом:

— У берегов Японии проведены большие маневры объединенного флота, заодно прорепетирована операция «И».

— И как?

— Прошло хорошо.

— И торпедная атака?

— Об этом Накадзима не говорил.

Идэ улыбнулся, показав все зубы.

— Это же самое главное. Мне бы он сказал. Пока

не решен вопрос о возможности торпедной атаки, нет смысла затевать операцию.

Кита посмотрел на ручные часы.

— Я вас просил прийти сегодня потому, что мы выяснили кое-что насчет Хаями Марико.

Идэ поклонился.

Кита продолжал:

— Она студентка местного университета, покойный отец ее, японец, преподавал в колледже Оаху, мать — кореянка, работает в музее Бишопа. Мы узнали, почему девица ездила в Японию. Умер ее дядя в Нагоя, она ездила улаживать спорное дело о наследстве. Сегодня можете увидеть ее. Отдел Христианского союза молодежи устраивает прием в честь пастора Рамбоу, попечителя местной японской школы, уезжающего в Англию. Мы устроили так, что вас познакомят с девицей.

— Я боюсь, — Идэ поднес руки ко рту и откашлялся, — что мое появление может показаться странным...

— На этот счет не беспокойтесь. Сегодня там будет много народу, особенно японцев. Никто не обратит на вас внимания. Если только вы не будете резать кого-нибудь.

— Ехать сейчас? — спросил Идэ.

— Да. Вы просили дать вам надежного помощника для специальных поручений. Я вам передам Абэ. Он познакомит вас с Хаями Марико.

— А кто он?

— Шофер такси. Помните, в тот раз возил нас ночью.

— Ах, этот? Круглолицый такой. Он не болтлив?

— Нет, очень расторопен, смел, только вспыльчивый.

Идэ улыбнулся.

— Как вы? Ничего, если понадобится, быстро усмирю. А вообще я люблю несдержанных людей вроде вас. Они вспыхивают, но быстро отходят. В большинстве своем такие люди не умеют хитрить.

Кита громко рассмеялся.

— Моя вспыльчивость мешает мне в жизни. Но я

не умею быть неискренним. — Он пошел рядом с Идэ по дорожке, ведущей к боковым воротам. — Выйдите на улицу и направо, около китайской закусочной, увидите желтую машину Абэ, он отвезет вас.

Идэ поблагодарил генконсула и сразу же нашел машину. Абэ поехал по Калакауа-авеню. Всюду были вывешены флаги, слонялись толпы гардемарин во всем белом. Абэ объяснил: прибыло учебное судно из Сан-Диего с курсантами морского училища — для местных девиц наступил праздник.

— Ты американский японец? — спросил Идэ.

— Мои родители давно переселились сюда и приняли подданство, — ответил Абэ. — Я родился здесь.

— Родился в Америке, но нутро у тебя японское, — сказал Идэ, пристально смотря в зеркальце, в котором отражалась румяная физиономия Абэ. — Приемы каратэ знаешь?

— Нет, занимался боксом. Выступал на состязаниях...

— Бокс — детская забава. Пусть им занимаются маленькие девочки. А каратэ — это для взрослых мужчин. Я научу тебя, как усыплять навсегда одним ударом. Чисто и красиво.

Особнячок, где происходил прием, стоял на пологом склоне Панчбола. Веселье было в разгаре. Почетные гости сидели на веранде вокруг пастора с красивой седой гривой, похожего на дирижера или скрипача. На всех красовались ожерелья из желтых цветов.

На поляне перед домом, прямо на пальмовых листьях, были разложены яства. В стороне стояли столы — там гостям наливали коктейли. Прислуживали полуголые гавайки в ярких красных и желтых юбках. Несколько японских девушек вместе с гавайками — все они были в юбках из больших листьев — исполняли танец «хула-хула». Сбоку под деревьями сидели японцы в разрисованных рубашках и играли на гитарах со стальными струнами.

— Смотри не спутай, — предупредил Идэ. — Меня зовут Доминго Акино, я — мексиканский японец.

Абэ кивнул и подошел к пожилой, густо набелен-

ной японке в парчовом кимоно с серебристыми узорами, похожем на рыбу чешую. Японка поклонилась Идэ и пригласила его к столику, где гостям подносили мягкие напитки: фруктовые соки, кока-колу и тоник-уотер. За столиком стояла Марики в платье бананового цвета, в волосах торчали разноцветные орхидеи.

— Что прикажете? — спросила она. — Грейп-тоник или...

Идэ поклонился.

— Мы с вами ехали вместе на пароходе из Японии. Помните?

Марики округлила глаза от удивления.

— Ах, это вы? Вспомнила... Очень рада вас видеть. Вы, кажется, болели и редко появлялись на палубе. А с вами ехал такой полноватый, с усиками. Он тоже здесь?

Идэ тихо рассмеялся.

— Ему не повезло. В Сан-Франциско попал в руки одной женщины, она обчистила его, и он повесился.

Марики покачала головой, но ничего не сказала.

— А я поселился здесь, работаю на плантации, — продолжал Идэ, — собираюсь выписать сюда старуху мать.

Он добавил, что у него здесь совсем нет знакомых и он будет весьма счастлив, если его бывшая спутница поможет ему советами.

Марики налила в бокал апельсиновый сок и, опустив в него две соломинки, протянула Идэ. Ему следовало бы прежде всего обратиться в бюро японской колонии, но она, конечно, будет рада помочь ему чем может. Они обменялись телефонами и адресами. Идэ сказал, что он родом из Нагоя, а Марики сообщила, что и ее покойный отец был уроженцем Нагоя.

— Выходит, мы почти земляки, — сказал Идэ и поклонился.

На поляне начались танцы. К Марики подошел смуглый, красивый юноша, по-видимому филиппинец, и пригласил ее. Марики извинилась и ушла с ним.

Абэ усадил Идэ на траву перед блюдами с угощением — фруктовыми салатами, цыплятами в кокосовом масле, лапшой с ломтиками каракатицы, печеными в золе омарами и макрелью в сладком соусе. Молоденькая гавайка поднесла Идэ чашку с китайской рисовой водкой.

Перед верандой начался концерт. Сперва выступил хор детей, исполнивший японские, гавайские и английские песенки, потом японец в самурайском одеянии — с наплечниками и длинными шароварами — стал показывать фокусы.

На краю поляны, где стояли машины, медленно прохаживались за кокосовыми пальмами двое: специальный агент Эф-Би-Ай Баллигант — брюнет, плотного телосложения, и его помощник Ригс — длинный, белобрысый, в темных очках.

Они следили за корейцем Анг Гван Су, костлявым стариком с тонкими вислыми усами, владельцем магазина восточных медикаментов. Кореец сидел в шезлонге рядом с толстой американкой в красной шляпе.

— Прислали мне прямо домой, — просипел Баллигант. — Может быть, это шутка, а может быть, и правда. Неужели этот кореец...

— Доложили начальнику? — спросил Ригс.

— Да. Шиверс говорит, что к анонимкам надо относиться осторожно.

— А помните, в прошлом году нам тоже прислали анонимный донос на хозяина бара с Норд-стрит. И оказалось, что все правда — раскрыли две опие-курильни.

Баллигант поскреб подбородок.

— Там-то понятно. Боялся мести со стороны держателей притонов. А здесь... Почему не мог сам явиться?

— А что тут странного? — Ригс пожал плечами. — Также боится. Состоит в тайной шайке и опасается открыть свое лицо — вдруг мы зацапаем его и упрячем в тюрьму. И своих коллег боится: они не простят ему измены. А оставаться в шайке не хочет.

Баллигант просипел:

— Ан Гван Су до сих пор ни в чем не подозревался. Но в анонимке правильные сведения. В результате проверки выяснилось, что действительно его побратим три года тому назад ездил в Россию и прислал оттуда открытку, очевидно, с шифрованным текстом. Значит, Ан Гван Су связан с Москвой?

— Вполне вероятно, что оттуда приезжают на пароходах связные и передают задания. Пёрл-Харбор может очень интересоваться красную разведку.

— Русским сейчас не до нас, — пробурчал Баллигант. — Зачем им шпионить здесь?

— Они могут передавать сведения другим разведчикам, обмениваться информацией. И кроме того, они могут провести какую-нибудь диверсию, а потом свалить на других. Какие указания дал начальник?

Баллигант пожал плечами.

— Шиверс говорит, что придется заняться корейцем-аптекарем. В анонимке сказано, что в аптеке на Маунакеа-стрит по ночам появляются какие-то лю-

ди и кореец часто ходит на пристань к прибытию пароходов. Неужели он действительно главарь русской агентуры на Гавайях?

Ригс прошептал:

— А вдруг мы раскроем здесь филиал красной разведки? Вот это будет дело!

Баллигант тихо крякнул и вытащил из кармана пиджака огрызок сигары.

16 октября

— Начало операции «Пир Лукулла» назначено на двадцать ноль-ноль, — объявил Гейша. — Явиться без опозданий. Форма полупарадная, можно обойтись без орхидей в петлицах. Духи — «Милорд» или «Денди», в случае крайней бедности — герленовская амбра. Выражение физиономии — максимально праздничное.

Он успел сбегать в парикмахерскую отеля «Мэй-флауер», взять у портного новый мундир и купить новую фуражку — весь блистал, как миноносец, принявший на борт президента.

Приглашение Уилкинсона поразило всех. До сих пор начальник управления не приглашал к себе домой подчиненных. Он был всегда безупречно корректен, но не подпускал никого на близкое расстояние. Однако на этот раз изменил своему правилу из-за младшей сестры — медноволосой длинноногой Дайаны.

Она считалась одной из лучших теннисисток столицы. В прошлом году в паре с бывшим адъютантом брата капитан-лейтенантом Пауэлом заняла второе место в состязании на первенство по морскому ведомству. Успех на корте привел к сегодняшнему торжеству — обручению. Церемония официальной капитуляции старого холостяка Томми Пауэла должна была состояться в доме Уилкинсона.

Приглашение получили некоторые подчиненные Сэффорда — дешифровщики и японоведы из Т-бюро Крамера. Короче говоря, приглашения удостоились только причастные к «магии».

Пейдж не сразу нашел дом Уилкинсона — долго колесил по узкой улице мимо уютных старомодных особнячков, двухэтажных, увитых плющом, с оконными ставнями и крохотными палисадниками.

Уилкинсон жил в темно-зеленом домике напротив молельни баптистов — рядом с небольшим пустырем, где стояли легковые машины и автобусы. Здесь было очень тихо — машины проезжали редко. Можно было подумать, что это улочка какого-то захудалого городка, если бы не купол Капитолия, торчащий совсем недалеко над крышей отеля.

Звонка у входной двери не было — его заменял дверной молоток. Пейдж беззвучно рассмеялся:

— Это в его стиле.

Уайт усмехнулся. Особнячок в стиле эпохи колонизации Америки, клумбы с георгинами перед крыльцом и дверной молоток действительно гармонировали с благообразным, респектабельным Уилкинсоном, похожим скорее на пастора, чем на руководителя военно-морской разведки.

Дверь открыла толстая негритянка, весьма миловидная, в белом, туго накрахмаленном чепчике. В передней стоял запах старинных духов, отдающих мускусом.

Гости уже были в сборе — сидели в полукруглой гостиной, заставленной чиппендейлевской мебелью из красного дерева, и на застекленной веранде, выходящей во внутренний дворик с газоном и подстриженными кустами шиповника.

Среди гостей Уайт узнал высокого щеголеватого контр-адмирала Тернера, заместителя Старка. Рядом с ним сидел худощавый, смуглый, похожий на пуэрториканца капитан третьего ранга Макколл.

Дайана — в парчовом японском троакаре, накинутом на вечернее платье, сверкая диадемой, напоминающей корону, — разносила гостям бокалы с коктейлями.

Она подошла к Уайту.

— Это дайкири, это манхэттен, а это би-энд-би. Какой вам прикажете, адмирал?

Уайт отвесил старомодный поклон:

— Вы льстите, герцогиня. Мне еще далеко до адмиральных звезд.

Дайана тряхнула головой.

— Сегодня для меня весь мир — райский сад и все люди — адмиралы.

Перед ними вынырнул и изящно изогнулся Гейша.

— И я тоже?

Дайана коснулась мизинцем его щеки.

— Нет, вы, Дик, сегодня настоящий принц.

— Монахский, — уточнил Шривер, беря бокал с подноса. — Рулеточный,

— А вам? — обратилась Дайана к Пейдж. — Хотите олд фэшн?

— Я плохо разбираюсь в коктейлях, — смущенно пробормотал Пейдж. — Мне что-нибудь покрепче и поострее.

— Тогда идите в столовую. Там орудует Томми. Он подберет вам что-нибудь взрывчатое.

— Адмирал Пейдж, рекомендую замечательный коктейль, — сказал Гейша. — «Соленая собака». Делается из джина, грейпфрута и соли.

— Вместо джина лучше взять московскую водку, — предложил Шривер,

К ним подошел Донахью с пустым бокалом в руке. Он сморщил нос;

— Не будем омрачать сегодняшнее торжество ничем московским. Из всех водок признаю только датскую — аальборг аквавит. Великолепное питье. Незаметно сбивает с ног.

Он взял бокал у Дайаны. Она высоко подняла поднос и прошла на веранду. Донахью сделал глоток и почмокал губами:

— Германское управление информации уже объявило, что исход войны на Востоке фактически решен. Вчера я был на коктейль-парту у германского военного атташе. Там говорили, что русские армии окружены и в районе Брянска и за Смоленском. Дорога на Москву открыта.

— Ерунда, — сердито произнес Шривер. — Мне утром сказал адъютант Уилкинсона, что русские стали

снимать свои войска с Дальнего Востока — перебрасывают на фронт под Москвой.

— Русские, вероятно, узнали, что японцы не нападут на них, — сказал Уайт. — У русских ведь первоклассная разведка.

Донахью громко фыркнул:

— Будь у них хорошая разведка, они знали бы заранее о нападении Гитлера. Не дали бы застигнуть себя врасплох в то воскресное утро...

— Русские на этот раз, наверное, пронюхали, что японцы нападут на них, — заявил с авторитетным видом Гейша. — И поэтому заблаговременно убирают войска из Приморья. Вот-вот потеряют Москву, тут уж не до защиты Владивостока.

Уайт махнул рукой и пошел на веранду. Там Крамер спорил с дамами. Речь шла о том, как в прошлом году Америка предложила французам эскадренный миноносец самого новейшего типа в обмен на Венеру Милосскую. Сделка не состоялась — французы, несмотря на свое отчаянное положение, заартачились. Крамер заявил, что к миноносцу все-таки следовало бы добавить две подлодки. Мнения дам разделились. Одни считали такой обмен недопустимым; по мнению других, французам надо было предложить не миноносец, а съестные припасы.

В разгар спора Уилкинсон и Дайана пригласили гостей к столу. Уайт и Пейдж сели в конце стола недалеко от жениха и невесты — здесь расположилась молодежь, не старше капитан-лейтенанта. Гейша чувствовал себя в родной стихии: острил, рассказывал анекдоты, имитировал известных джазовых певцов и показывал застольные фокусы. Он сорвал аплодисменты, когда вытащил из-за воротника Пейджа кружевной бюстгальтер.

С той части стола, где сидело начальство, доносились обрывки разговора — обсуждали последнюю весть из Токио о падении правительства принца Коноэ и о приходе к власти генерала Тодзио.

Тернер высказал предположение: смена кабинетов в Токио означает только одно — обострение грызни между придворными, армейцами и флотскими. Боль-

шинство сановников, окружающих императора, хотят добиться соглашения с Америкой. Весь вопрос сводится к тому, как остановить войну в Китае, сохранив престиж Японии.

— Посол Номура тоже стоит за соглашение, — сказал Уилкинсон. — Ни один трезвый японец не желает войны с нами.

Пейдж толкнул локтем Уайта и шепнул:

— Обрати внимание на Макколла. Судя по его физиономии, он не разделяет идиотского оптимизма начальства.

Донахью заговорил о том, что Квантунская армия уже увеличена вдвое и что первый отдел генерального штаба Японии приступил к разработке нового плана нападения на Сибирь — предусматривается одновременный удар в нескольких направлениях.

Уайт и Пейдж не остались на танцы и отказались играть в бридж. Донахью уговаривал Уайта поиграть с Уилкинсоном и Тернером — такой удобный случай познакомиться поближе с начальством. Донахью рекомендовал им Уайта как мастера бриджа.

— Надо завтра рано утром быть в бюро, — сказал Уайт. — Я звонил дежурному, он сообщил, что пришла целая пачка «магии».

Донахью положил руку Уайту на плечо.

— Очень жаль, что ты уезжаешь. Я говорил о тебе и супруге Тернера, она любит иногда вести умные беседы о поэзии. Как твой эпистолярный роман с гаванской нимфой?

— Только что получил от нее письмо. Пишет, что познакомилась с одним японцем, который ехал с нами на пароходе из Йокогамы. Он устроился на плантации и решил поселиться в Гонолулу. Судя по всему, у него произошла какая-то личная трагедия, и он навсегда покинул родину.

— Кто этот японец? — спросил Донахью.

— Какой-то Акино, мексиканский подданный.

— Для чего она сообщает тебе об этом знакомстве? Чтобы ты начал ревновать?

Она просто делится со мной всем, как с другом.

— Передай ей мой искренний, — Донахью прило-

жил руку к сердцу, — от всей души привет. Но я все-таки думаю, она японская шпионка. Будь осторожен.

Маленькая гостиница, где жили Уайт и Пейдж, находилась недалеко, но они решили немножко проветриться. За руль сел Уайт, потому что Пейдж выпил немного больше, чем следовало.

Они поехали по Массачусетс-авеню. Когда поравнялись с японским посольством, Уайт замедлил ход. Только в одном широком окне был виден свет за спущенной шторой. Может быть, там трудился шифровальщик над очередной депешей, которая завтра появится на столе Уайта.

Домчавшись до морской обсерватории, поехали обратно в город, но другой дорогой — южнее парка Монтроз и кладбища Окхилл. Около моста Пейдж попросил остановить машину, чтобы раскурить трубку. Когда поехали дальше, он откинулся на спинку сиденья и прошамкал, держа трубку в зубах:

— И Хозяин, и Тернер, и наш Уилкинсон страстно хотят, чтобы японцы набросились на русских. И уже поверили в это — приняли желаемое за действительное. Самый опасный вид заблуждения.

Уайт кивнул головой.

— То же самое и у армейцев. Там вся головка начинающая с генерала Маршалла помешалась на этом. Ждет атаки японцев на Приморье. Убедили себя в этом. Интересно, что думает президент?

Пейдж вынул трубку изо рта.

— Наверное, Маршалл и Хозяин подсовывают ему «магию» в соответствующем соусе и стараются сбить его с толку. Хорошо, что у Рузвельта ясная голова, но курс наших начальников меня очень тревожит. Все может кончиться плохо.

— Может кончиться плохо, — машинально повторил Уайт.

5 ноября

Посольство напоминало маленькую усадьбу, затерянную в горах и оторванную от всего мира. Жизнь в усадьбе была предельно однообразная, удручающе

скучная. Ее обитатели — несколько десятков семей — до смерти надоели друг другу. Темы для разговоров были исчерпаны, нечего было обсуждать, не о чем было спорить и сплетничать. Все знали друг о друге все — вплоть до последних мелочей.

И до смерти надоели визиты в соседние усадьбы — посольства и миссии других стран. Каждый раз одно и то же — файфоклоки с чашками липтоновского чая и сырными крекерами, коктейль-парти с бокалами, наполненными смесью крепких и мягких напитков, и рауты с одними и теми же холодными закусками, которые надо есть стоя.

Каждый раз одно и то же. Все расписано раз и навсегда. В каких случаях надевать визитку с брюками в полоску или фрак с цилиндром, до которого часа можно ходить в смокинге, когда надлежит надевать желтые перчатки, а когда — белые, когда полагается белый галстук-бабочка, когда черный и какой угол визитной карточки надо загибать и какие обозначения надо проставлять на карточке.

Рисивинг-лайн — у входа в зал, выстраивается цепочка, возглавляемая послом и его супругой, и замыкается третьим секретарем и его супругой. Этикетные поклоны и улыбки, рукопожатия и приветственные фразы, а спустя час-полтора снова рисивинг-лайн — на этот раз для прощания, — и снова этикетные поклоны и рукопожатия.

Ездить в гости в другие усадьбы и принимать гостей вменено в служебные обязанности. И это несколько раз в неделю, и каждый раз одно и то же, и так установлено раз и навсегда, во веки веков, пока на земле будут существовать дипломаты с их неизблемыми правилами дипломатического протокола.

Однообразную, убийственно скучную жизнь усадьбы нарушали приезды почтальонов. Они доставляли вести с родины и всего мира, где шла жизнь, совсем не похожая на застывшие церемонии коктейль-парти и раутов.

Каждый раз, когда прибывали дипкурьеры из Токио, посольство оживало, словно всех спрыскивали

волшебной водой, начиная с посла и кончая мальчишкой — мойщиком машин. Дипкурьеры привозили, кроме официальной почты и писем от родных, еще и то, без чего не может существовать ни один японец на чужбине: сою, зеленый чай, бобовую пасту мисо для утреннего супа и прессованные водоросли.

Но в первую очередь чинов посольства интересовали письма от друзей-сослуживцев. В этих письмах содержались всякого рода ведомственные новости и те сведения, которые не попадали в токийские газеты. Самые интересные новости в Японии теперь передавались шепотом на ухо, а если в письменном виде, то только в письмах, которые миновали военную цензуру. Вот такие письма и доставлялись дипкурьерами.

Посол Номура был очень рад приезду своего старого знакомого из Шанхая, партнера по маджонгу, полковника Маруя. В последнее время в качестве дипкурьеров стали все чаще и чаще ездить военные — под видом чиновников министерства иностранных дел. Только кадровым офицерам можно было доверить почту с секретами государственной важности.

Посол решил побеседовать с гостем наедине. Маруя — человек осведомленный, у него можно выведать многое. Они поехали на Арлингтонское военное кладбище. Оставив машину у ворот, пошли пешком по дорожке мимо изумрудно-зеленого холма с аккуратными рядами белых каменных плит.

— Очень похожи на костяшки маджонга, — заметил с улыбкой Маруя.

Номура окинул взглядом простиравшуюся впереди поляну с газоном — она была пуста.

— Боюсь, что скоро прибавится много новых костяшек, — пробормотал он. — Все идет к началу большой игры. На большой доске, именуемой Тихим океаном.

— Посол Курусу прилетит к нам через несколько дней. Решили послать его на самолете.

Номура усмехнулся.

— Он, наверное, никогда не летал. Еще окочурится со страху. — Посол остановился, снял темные очки, тщательно протер их и снова надел. — Я не по-

нимаю, о чем у нас в Токио думают. Твердят: никаких уступок, ни на вершок, и тут же: постарайтесь все-таки договориться с Хэллом, убедить его. А убедить его так же легко, как каменного будду. Нам уже не о чем говорить. Мы просто сидим, и молчим, и начинаем подковыривать, особенно он.

— А он не курит?

— Нет. Мы оба некурящие. Он завел четки, сидит и перебирает их. А я смотрю на гобелен за его спиной — там изображены в хронологическом порядке все американские президенты. Я запомнил их, проклятых, наизусть.

— Жалко, что вам нельзя играть в маджонг.

Номура вздохнул.

— Я не знаю, хотят ли наши действительно договариваться... Или, может быть, это все для маскировки?

— Мы, конечно, хотели бы договориться. — Маруя тоже вздохнул. — Наши условия предельно ясны и просты. Америка должна прекратить помощь Чунцину, признать пребывание наших войск в Китае и Индокитае и отменить запрет экспорта в Японию.

Номура сердито дернул головой.

— Неужели в Токио всерьез думают, что Америка проглотит такие условия? Мы требуем, чтобы Америка подчинилась нам во всем, ничего не получив взамен. Мы требуем от Америки капитуляции без единого выстрела. Это все равно, что потребовать от партнера по маджонгу, чтобы он, не приступая к игре, признал себя проигравшим и уплатил деньги. Какой дурак может рассчитывать на это?

Маруя хмыкнул, но ничего не сказал. Номура спросил:

— Это правда, что среди флотских идет грызня? До нас дошли такие вести.

— Часть флотских — они группируются вокруг морского министра — считает, что нам будет трудно вести длительную войну... все упирается в запасы нефти. А офицеры морского генштаба целиком поддерживают своего начальника: устроим, дескать,

американцам Цусиму посреди океана, вторую, завершающую, около Панама — и Америка поднимет руки. Адмирал Нагано и его сторонники считают, что мы сможем избежать затяжной войны.

— А как у армейцев?

— У них полное единодушие — рвутся в бой. К концу ноября все будет готово — планы операций против Малайи, Бирмы, Филиппин, Индонезии и Индии будут отработаны до конца. Сейчас отшлифываются последние детали. Поэтому надо пока...

Номура усмехнулся.

— Пока надо ходить к Хэллу и смотреть, как он крутит четки. И считать президентов на стене. И тянуть все это до нужного момента.

После недолгого молчания Маруя задал вопрос:

— А как настроен Рузвельт?

— Он, к сожалению, настроен непримиримо. И вряд ли пойдет на какие-либо уступки, пока мы не согласимся убрать войска из Китая.

Маруя покачал головой.

— Выходит, что у нас нет никаких надежд.

— Нет, почему же... Кое-какая надежда есть. Иначе я уже давно бы настоял, чтобы меня отозвали. Надежда заключается в том, что довольно солидная часть американских политиков, таких, как Трумэн, Гувер, как сенаторы Най, Тафт и другие, и слышать не хотят о вступлении Америки в войну ни в Европе, ни в Азии. Они явно симпатизируют немцам и настроены в отношении нас довольно сочувственно. Они убеждают Рузвельта взять на себя роль посредника между Токио и Чунцином.

— И вас они, наверное, тоже обрабатывают? — улыбнулся Маруя.

— Меня всячески обхаживают министр почт Уокер, банкир Барух и священник Драут. Все трое — убежденные японофилы. Они уверены в том, что как только мы договоримся с Америкой и заключим мир с Чунцином, то сразу же наши дивизии двинутся на Урал.

Оба рассмеялись. Дойдя до лестницы, ведущей к памятнику неизвестному солдату, они повернули об-

ратно к воротам и вышли к берегу реки. Заходящее солнце освещало колоннаду памятника Линкольну. За ним поблескивал обелиск Вашингтона, похожий на тесак.

— А где цветут наши вишни? — спросил Маруя.

— Вокруг обелиска. — Помолчав немного, Номура задумчиво проговорил: — В общем моя задача — водить за нос американцев, тянуть с переговорами, пока армейцы не подготовятся окончательно и не выяснится судьба России. Тяжелая роль, более подходящая для театрального актера, чем для адмирала. Но ничего не поделаешь. Надо служить государю.

Маруя молча кивнул головой. Они сели в машину и медленно поехали в город. Маруя попросил проехать мимо резиденции Рузвельта. Машина направилась на Пенсильвания-авеню и объехала Белый дом с юга. Флагшток был пуст — президент отсутствовал, очевидно, находился в загородной вилле. На большой поляне перед резиденцией школьники играли в бейсбол.

Посол доставил гостя в отель «Уордман-парк».

— Обычно мы занимаем номера для наших дипломатов в отеле «Фэйрфакс», но на этот раз я снял для вас номер в этом отеле. На третьем этаже живет сам Хэлл. Некоторых послов он принимает здесь — в приватном порядке.

— Здесь, наверное, полным-полно шпииков. — Маруя улыбнулся. — Придется быть осторожным с бумажным мусором.

Маруя вылез из машины и поблагодарил посла за прогулку. Не успел Маруя отойти на несколько шагов от машины, как к ней подошел высокий седой американец во всем черном. Он только что подъехал на такси. Увидев посла, он помахал ему перчаткой. Номура приказал шоферу открыть дверцу.

— Как поживаете, адмирал? — приветствовал он американца.

— Как поживаете, адмирал? — ответил тот.

Адмирал Пратт, старинный друг посла, сделал приглашающий жест:

— Буду очень рад, если заглянете ко мне. Я тоже остановился в этом паршивом отеле. Мои домашние уехали в Филадельфию, и я перебрался сюда. Мне надо сказать вам несколько очень важных слов, адмирал. В совершенно приватном порядке.

Пратт и Номура прошли к лифту через пустой холл. Пратт занимал маленький номер на пятом этаже в конце коридора. Окна выходили в грязный двор, забитый автофургонами.

Посол отказался и от виски и от кофе. Друзья заговорили о прошлом — вспомнили то время, когда Номура был морским атташе в Вашингтоне и играл по воскресеньям в гольф с Праттом, работавшим в штабе. Пратт подробно рассказал о своей семье, о подагре и о том, как играет в кегли с морским министром Ноксом. Закончив неделовую, интимно-дружескую часть беседы, Пратт закрыл дверь на ключ, накрыл телефон подушкой и, сев в кресло рядом с послом, похлопал его по колену.

— Плохи дела, дружище, очень плохи...

— Очень плохи, — согласился Номура. — Бóльшая часть наших армейцев занимает непримиримую позицию. Но его величество искренне хочет найти почву для соглашения. Любой компромисс лучше войны. Война между нами будет катастрофой для обеих сторон. Страшно даже подумать...

— Мы, военные, лучше всех знаем, что такое война. При современном уровне техники война — это драка, в которой погибнут обе стороны на радость другим. В войне между нами победителем окажется третий.

— Я делаю все, чтобы наметить путь к какому-нибудь компромиссу, но ничего не получается. — Номура пристально посмотрел на Пратта. — Помогите мне... Война между нами не укладывается в моем сознании. Это слишком чудовищно.

— Я говорил с Хэллом несколько раз... — задумчиво протянул Пратт. — Старик утверждает, что конгресс ни в коем случае не даст санкции на принятие условий, выдвинутых вашими армейцами. Америка потеряет лицо, если признает за Японией пра-

во держать войска в Китае. Я с вами говорю, как друг... по своей инициативе. Надо найти какую-нибудь почву...

Номура кивнул.

— Надо придумать что-то. Хотя бы что-нибудь временное. Лишь бы обе стороны сохранили лицо.

Пратт снова похлопал посла по колену.

— Надо придумать какой-нибудь модус вивенди... Приемлемую для обеих сторон формулировку. Будет величайшим идиотством, если мы сцепимся. — Пратт понизил голос. — Между прочим, у нас имеются сведения о том, что русские стали убирать войска с Дальнего Востока. Хотят остановить немцев у Москвы.

— Нам это известно, — так же тихо сказал Номура. — Мы не думаем, что немцам удастся быстро справиться с русскими. Процесс ликвидации военной мощи России будет довольно затяжным.

— Но если между нами вспыхнет война, — Пратт поднес палец к носу, — ситуация может измениться коренным образом...

— И не в пользу наших стран, — заметил Номура.

Пратт пододвинулся вместе с креслом к послу и тихо заговорил:

— Вам и нам надо сохранить свободу действий. Японии ни в коем случае нельзя лезть в войну с нами и Англией. Вы должны сохранить свой флот в целости. Это у вас главный козырь. И на будущей мирной конференции ваш голос будет звучать очень внушительно, подкрепленный новейшими линкорами и авианосцами. Мы поддержим вас в вопросе о Приморье и Сахалине.

Номура снял очки и посмотрел одним глазом на старого друга.

— А как насчет Камчатки? — мягко спросил он.

Пратт скользнул взглядом по карте Америки, висящей на стене:

— Камчатка примыкает к нашей Аляске, дорогой мой.

Номура тоже посмотрел на карту и тихо, но настойчиво произнес:

— Камчатка примыкает к нашим Курильским островам.

Пратт примирительным тоном сказал:

— Все эти вопросы будут стоять на повестке дня будущей мирной конференции. Сейчас о них рано говорить. Сейчас надо думать о том, как избежать катастрофы на Тихом океане.

— Правильно! — согласился Номура. — Нам нельзя воевать ни в коем случае. Я буду прилагать все усилия, чтобы как-нибудь выйти из тупика. Я готов отдать жизнь за то, чтобы Америка и Япония... шли рука об руку, обеспечивая мир на Тихом океане...

Пратт встал и положил ему руку на плечо.

— Надо непременно достигнуть компромисса и в такой форме, которая обеспечивала бы сохранение престижа Японии в вопросе об эвакуации японских войск из Китая. Договориться в принципе, а насчет срока эвакуации можно выработать эластичную формулировку. Давайте думать в этом направлении. Только прошу иметь в виду, что наш разговор совершенно неофициальный, приватный... все останется между нами.

Номура встал с кресла и поклонился.

— И надо еще подумать, — сказал он, — в какой форме Америка сможет отменить ограничения американо-японской торговли. Обе стороны должны взаимно наметить соответствующие компенсации, чтобы создать предпосылки для принципиального соглашения относительно почвы для компромисса.

Вместо ответа Пратт сложил большой и указательный пальцы в виде буквы «о» и дернул подбородком — это означало: о'кэй. Он спустился с полом в лифте и проводил его до машины.

6 ноября

У Уайта заметно портился характер. Он стал раздражительным, разучился сдерживать себя, по малейшему поводу набрасывался на других, особенно доставалось Пейджу. И все из-за работы.

Ее было много, и надо было провертывать все сверхсрочно — начальство не любило ждать. Начальство не принимало никаких объяснений насчет того, что японцы, и особенно японский министр иностранных дел и послы, когда заходила речь о сугубо деликатных делах, прибегали к витиеватым оборотам, употребляя многоэтажные глагольные наращения, затуманивающие смысл текста.

Адмирал Номура к тому же любил прибегать к терминологии профессиональных борцов. А многие термины нельзя было найти ни в одном японо-английском или толковом словаре, даже у Такенобу и в «Котоба но идзуми», потому что составители этих словарей — почтенные филологи — были круглыми невеждами по части борьбы.

— Ну вот опять... — Пейдж снял очки и растерянно заморгал подслеповатыми глазами. — Нодо — это «шея», а ва — это «петля», следовательно, нодова — «петля на шее». Но что-то не получается.

Уайт шумно вздохнул.

— Надо по смыслу, по контексту. — Он повысил голос: — У тебя башка на плечах или что?

Пейдж виновато повел плечами.

— Номура пишет, что его выталкивают из занятой им позиции с помощью нодова». Если на шее петля, то этого человека либо подвешивают, либо душат, но не выталкивают... Непонятно что-то.

После недолгого раздумья Уайт объяснил:

— Нодова — это такой прием, когда зажимают пальцами одной руки подбородок противника и отгибают ему голову назад, а другой рукой толкают в грудь и выставляют с арены.

Пейдж выругался и стал по очереди проклинать посла, японских борцов, Уилкинсона и Макколла, Т-бюро и тот день, когда решил изучать японский язык в Колумбийском университете, вместо того чтобы пойти на гомеопатический факультет Мичиганского университета. В заключение он проклял еще тот вечер, когда встретил Уайта на концерте и дал себя уговорить пойти в Т-бюро.

— Плавал бы себе на каком-нибудь кораблишке, дышал бы свежим морским воздухом и не видел бы этих чертовых телеграмм с проклятыми определенными предложениями длиной в несколько метров, потенциальными залогами и всякими аффиксами. — Пейдж ударил себя по голове: — Идиот!

А Уайт проклинал Федеральное бюро расследований. Недавно из Эф-Би-Ай поступили данные о том, что брат жены Шривера участвовал в испанской войне на стороне красных и сейчас работает в Коминтерне. Уилкинсон немедленно распорядился отстранить Шривера от «магии» и попросил военноморскую контрразведку провести расследование — не попали ли секреты Т-бюро к американским коммунистам.

Дело Шривера открыло глаза работникам Т-бюро. Оказывается, за ними следили агенты Эф-Би-Ай. Гейша клятвенно уверял, что частная переписка всех «магов» подвергается перлюстрации, все телефонные разговоры подслушиваются и за всеми ходят филеры.

— А скоро перейдут к другим мерам, — говорил Гейша, понижая голос до шепота, — всех нас раз в месяц будут вызывать в морской госпиталь и впрыскивать в одно место специальную сыворотку из амитала, пентотала и коньяка. После инъекции человек немедленно засыпает и начинает выбалтывать во сне все, что у него на душе. И все это будет записываться стенографистками, прочитываться Хозяином и его ближайшими помощниками — Тернером, Ингерсоллом и Уилкинсоном. Один экземпляр пойдет в личное дело, другой — в специальный отдел Эф-Би-Ай для вложения в личный формуляр, на обложке которого будет написана условная кличка каждого поднадзорного. Уайт получит кличку «Гремучая змея», Пейдж — «Тарантул», а я, наверно, «Божья коровка».

Вскоре после того как отстранили Шривера, Т-бюро лишилось и Гейши — правда, ненадолго. Макколл откомандировал его на время к армейским

дешифровщикам, которым было поручено наряду с обработкой «магии» заниматься еще изучением японских военных кодов. В качестве подсобных материалов фигурировали японские радиogramмы, перехваченные на китайском театре военных действий. Кроме того, армейским «магам» поручали еще расшифровывать материалы, получаемые от Эф-Би-Ай, — всякого рода криптографию, обнаруженную у арестованных японских агентов.

Специалисты по разгадыванию кодов нуждались в помощи людей, безупречно знающих японский язык. Японоведы должны были подсказывать, какая буква или слово может быть в том или ином месте расшифровываемого текста, — без их консультации нельзя было строить правильные догадки.

У Гейши взяли подписку о неразглашении тайны работы, выполняемой им у армейцев, но так как в подписке не было сказано, что при посещениях Т-бюро он обязан держать рот закрытым, он рассказывал Уайту и Пейджу о том, как вместе с армейскими криптоаналитиками охотится за тайнами.

Из его слов явствовало, что ему приходится выполнять примерно такую же работу, какую в свое время проделал французский ученый Шампольон. Даже, может быть, более трудную, так как египетские фараоны не занимались шпионажем против Соединенных Штатов Америки.

Особенно Гейше понравилась работа по разгадыванию различных зашифрованных записей, найденных у японских шпионов.

Однажды он явился в бюро с сияющим лицом.

— Уважаемые джентльмены, я сделал величайшее открытие, — сказал он, садясь на край стола Пейджа. — Говорю об этом без ложной скромности и без всякого преувеличения. Не надо заранее скептически усмехаться. Такие усмешки видели и Коперник, и Галилей, и Ньютон. Я нашел ключ ко всей японской шпионской криптографии. Отныне все кодированные записи японцев можно разгадывать так же просто, как открывать банки с сардинами.

Уайт процедил сквозь зубы:

— Мне некогда слушать всякую ахинею. Проваливайте.

Гейша посмотрел на Пейджа. Тот сперва замотал головой, но потом сжалился.

— Ладно, валяйте. Только уложите в две минуты, пока курю трубку.

Гейша, конечно, не уложился, но Пейдж, а затем и Уайт выслушали его с должным вниманием.

Рассказ Гейши был довольно любопытен.

Оказывается, все японские разведчики, даже самые изощренно коварные, бесхитростны, как дети. Когда им нужно сделать какую-нибудь секретную запись, они не утруждают себя придумыванием нового способа, а употребляют один из тех, что уже фигурирует в мировой детективной литературе.

Например, шпион Исидзакэ, пойманный в Сан-Диего в прошлом году, применял в своих донесениях о местонахождении зенитных батарей примерно такой же метод иносказаний, который описан в рассказе Бейли «Сад фиалок».

У капитан-лейтенанта Кавабата, арестованного в мае этого года около Фресно, нашли письмо, зашифрованное таким же способом, как в «Украденном рождественском ларчике» Лилиан де ла Тур, где буквы заменяются пятизначными величинами. Одни японцы пользуются методом, упоминаемым Конан Дойлем в «Долине ужаса», — указывают порядковые номера страниц, строк и букв, а ключом берут справочник-ежегодник; другие применяют метод подстановок, как у Антони Уина в рассказе «Двойная цифра 13»; третьи пользуются методом, о котором говорится в «Самом крупном деле Френча» Крофтса, — зашифровывают на основе таблицы акций. А у двух японских рыбаков, пойманных в начале года у Панамского канала, обнаружили записки, зашифрованные с помощью каталога цветочного магазина — точь-в-точь, как у Агаты Кристи в рассказе «Четверо подозреваемых».

— У Эдгара По в его «Золотом жуке»... — встал Уайт.

Гейша перебил его с презрительной гримасой:

— Таких примитивных способов, как в «Золотом жуке» По или в «Глории Скотт» и «Красном круге» Конан Дойля, теперь не употребляют даже дефективные младенцы.

— Значит, замечательное открытие лейтенанта Крайфа, — начал Пейдж, — заключается в том, что...

— Эйнштейну понадобилось целых полторы страницы для изложения теории относительности, — сказал Гейша, — а моя концепция требует всего три строчки и может быть сформулирована так: для разгадывания криптографии японских разведчиков надо просто перебирать в уме способы, упоминаемые в произведениях известных детективных писателей.

— Значит, надо перечитывать всю эту галиматью о сыщиках? От таких книжек становятся... — Пейдж посмотрел на Гейшу, — крестинами.

Гейша пожал плечами.

— Общеизвестно, что президент Рузвельт — поклонник этой литературы. Я не считаю его кретином.

— Вы скоро там кончите у армейцев? — спросил Уайт. — Мы тут задыхаемся от работы, а вы занимаетесь дурацкими кроссвордами и ребусами.

— Начальству виднее, — ответил Гейша. — Возможно, что мне предложат написать секретное наставление для наших криптоаналитиков. Вы получите экземпляр с автографом.

— Я предпочел бы вместо автографа иметь самого автора, — сказал Уайт. — Мы тонем в потоке «магии», японцы просто взбесились.

В самом деле работы было очень много.

В первых числах ноября прошла куча длинных телеграмм в адрес посла Номура. В них на все лады подчеркивалось исключительно важное значение переговоров по поводу вновь сформулированных японских предложений: 1) японские войска остаются в Китае и Индокитае на тот или иной срок, потом уйдут; 2) Америка должна уговорить Чунцин заключить мир с Японией.

Телеграмма из Токио от 4 ноября кончалась такими словами:

...Исход переговоров окажет исключительно серьезное влияние на судьбу империи. Мы связываем судьбу империи с этими переговорами.

Принимая от Уайта переведенные телеграммы, Донахью произнес с улыбкой:

— Надеюсь, на этот раз не будешь спорить? Видишь, как они хотят добиться соглашения с нами. По поручению президента адмирал Пратт вчера неофициально беседовал с Номура и вынюхал кое-что относительно настроений в Токио.

— Но они выставляют явно неприемлемые предложения, — сказал Уайт.

— У тебя светлая голова, но ты никак не хочешь понять. Джапы ведь хотят поторговаться, и это вполне понятно. Не могут же они сразу отказаться от всего, что получили в Китае. Все пойдет насмарку. Столько жертв, и все впустую. И потом, речь идет о престиже военных.

— Вот поэтому-то Япония и не может пойти на уступки. Ей остается одно: броситься на нас.

Донахью вложил телеграммы в папку.

— Трезвый расчет диктует им другое. Что для них выгоднее: барахтаться без конца в Китае без всяких надежд на победу или пойти на уступки в Китае и отыграться за счет России? Японские дивизии сейчас могут без труда пройти в глубь Сибири. Москва накануне падения. Россия уже фактически в состоянии агонии.

Уайт покачал головой.

— Японские генералы осмотрительнее тебя. Они знают, что японские войска могут завязнуть в России, как немецкие. Получится второй Китай, только еще более сложный. Японские военные считают: для того чтобы заставить Чунцин капитулировать, надо разгромить Америку.

К Донахью подошел Пейдж.

— Вы ко мне? — спросил Донахью.

— Нет, я могу позже... — смущенно пробормотал Пейдж и, сняв очки, стал протирать их.

— Мы уже кончили разговор. — Донахью похлопал Уайта по плечу. — Насчет нападения Японии

на нас могу сказать вот что. В случае возникновения войны между нами операции будут происходить в Индокитае, на Филиппинах и в южных морях. Но самыми удобными месяцами для операций на Юге являются октябрь и ноябрь. В декабре в Формозском проливе, на Филиппинах и в Малайе уже начинают дуть муссоны. Они делают почти невозможным проведение больших операций. Короче говоря, мы умело затянули переговоры и заставили японцев пропустить время для нападения. Если дотянем до конца ноября, то окончательно обезопасим себя. Получится совсем великолепно.

Пейдж замахал руками в знак несогласия. Уайт сказал:

— Нападать на русских им тоже нельзя. В Сибири уже морозы.

— Квантунская армия предназначена специально для зимних операций, — авторитетным тоном заявил Донахью. — Она укомплектована уроженцами Хоккайдо и северных префектур Хонсю, а они не боятся холодов, так же как канадцы. Я только что прочитал копию донесения нашего военного атташе в Токио о маневрах в Ниигата: там уже стоят холода, а пехотинцы на протяжении всех маневров щеголяли в одних кителях, словом, подготовились для Сибири. — Он повернулся к Пейджу: — У вас что, дорогой профессор?

— Я хотел только сказать... — Пейдж откашлялся, — у нас много работы и нас мало сейчас, и без Шривера... совсем тяжело стало.

— Речь идет о том, что без Шривера мы погибаем, — пояснил Уайт. — Гейши нет, а молодые офицеры, которых нам дали, это фактически стажеры. Мы были у жены Шривера. Ее брат был студентом, учился в Англии, поехал добровольцем в Испанию и убит. Что касается Коминтерна, то это плод зловещей фантазии молодчиков Гувера.

Донахью выпрямился и, подняв голову, сказал:

— Справедливость для меня важнее всего. Ваши обращения ко мне совершенно излишни.

— Ты должен...

Донахью сердито перебил Уайта:

— Прошу меня не учить. Я уже ознакомился с досье, присланным из Эф-Би-Ай, и нахожу, что все так называемое дело Шривера высосано из грязного пальца. Шривера надо вернуть в благородную касту «магов». Дорогие мальчики, не волнуйтесь. Я дойду до Нокса, а если понадобится — до секретаря президента, но добьюсь восстановления справедливости. Буду драться до победного конца!

Уайт с восхищением посмотрел на Донахью.

— Лишний раз убеждаюсь в том, что мой друг благородный и честный человек. Хотя, к сожалению, в вопросах политики...

Пейдж дернул его за рукав.

— С ума сошел! Все испортишь. Идем.

22 ноября

Они ехали по берегу у подножия Дайамонд-Хэда мимо опрокинутых вверх дном рыбачьих лодок и бамбуковых шестов.

— Где-то вот здесь, — сказал Кита, вглядываясь в темноту.

Проехали мимо полуобгорелого бунгало, окруженного каменной оградой. За песчаным холмом с тремя высокими кактусами, похожими на людей с раскинутыми руками, Нисана остановил машину.

— Этот холм называют Голгофой.

Из сарайчика позади пальм вышел человек в плаще и замахал рукой, как будто писал что-то в воздухе. Кита вышел из машины и направился за ним к моторной лодке.

— Садитесь сюда, — Баллигант показал на сиденье у руля и бросил огрызок сигары в воду.

Кита сел сзади, и лодка с тихим рокотом отчалила от берега.

— Я боялся, что опоздаю, — просипел Баллигант. — На меня взвалили это дело с убийством японца.

Кита кивнул. В газетах были опубликованы все подробности. На пляж, перед отелем «Моана», выбро-

сило волнами труп японца Сугимото, служащего ломбарда на Бесел-стрит. У него были перебиты шейные позвонки и вывернуты руки, пулевых и колотых ран не оказалось.

— Имеются подозрения, — сказал, зевая, Баллигант, — что с ним расправились воры, они сбывали ему краденое. В прошлом году к нам поступил донос одной женщины, она видела у Сугимото часы, украденные у ее подруги.

— Как здоровье вашей младшей дочери? — осведомился Кита. — Кажется, вывихнула ногу? Это очень мучительно.

— Сделали просвечивание, ничего страшного. Полежит недельку, и все. В следующий раз будет острее играть в баскетбол. — Баллигант протяжно зевнул. — Спать хочется, вторую ночь без сна...

— Может быть, вашей дочке нужны какие-нибудь дорогие лекарства? Я срочно выпишу откуда угодно. Не стесняйтесь, пожалуйста.

— Шиверс думает... — Баллигант покачулся и повернул рулевое колесо — лодка дернулась в сторону, — фу черт, прямо засыпаю... У нас думают, что убитый был связан с контрабандистами.

— Держите меня в курсе этого дела. И все, что вам известно, сообщайте сразу в один прием, а не по частям. Вы режете информацию на ломтики, как яблочный пирог, и приносите по кусочку. Паршивая привычка.

Баллигант обернулся.

— Так ведь не все выясняется сразу. Я не нарочно.

— А как там с японцами на коралловых рифах?

— Ничего интересного. — Баллигант вытащил сигару и зажигалку, похожую на револьвер, закурил.

— Потуши сейчас же! — крикнул Кита. — Сигнал подаешь, сволочь? — Он вытащил револьвер и приставил его к спине Баллиганта. Тот швырнул сигару за борт. Кита ткнул американца револьвером в спину, между лопатками. Баллигант уронил зажигалку в воду и пробормотал:

— Это не сигнал. Просто закурил, простите.

Кита отвел револьвер.

— Как с японцами, собирающими кораллы?

Баллигант бойко заговорил:

— Получено указание из Сан-Франциско попытаться завербовать кого-нибудь из рыбаков и выяснить, кто из них моряки-резервисты.

— Кого наметил Шиверс?

— Он приказал мне подумать и представить план. Я наметил Йосинака и Исимару.

— Исимару не надо. Лучше возьмите этого... как его? — Кита почесал висок рукояткой револьвера. — С татуировкой.

— Так это и есть Исимару. У него изображение тигра на спине, а ниже пупа — два дракона. Тот самый, который проиграл свое судно в карты и хотел убить банкомета.

— Исимару пока не трогайте, я сперва поговорю с ним. А как с корейцем, о котором вы говорили? Владелец аптеки, кажется.

— Очень любопытный субъект. Выяснилась масса интересных вещей. В январе этого года он получил письмо из России, с Сахалина. Сейчас проверяем местные связи Ан Гван Су. У него большая клиентура среди местных корейцев и китайцев — он покупает у матросов торговых судов женьшень, панты и прочие медикаменты, в том числе и наркотики.

— Среди этих матросов могут быть связные.

— Вполне вероятно. Но выследить их очень трудно.

— А кто из японцев поддерживает с ним связь?

— В загородный домик в Куурау к нему несколько раз приходила одна японка, сейчас устанавливаем ее личность. Возможно, что это просто интимная связь, а может быть, она приходит за бельем. По некоторым данным, она уходила от него рано утром с большими узлами.

— Может быть и то и другое, — сказал Кита.

— Затем зафиксировано: его аптеку посещает одна молодая японка, студентка местного университета.

— Как ее зовут?

— Фамилия — Хаями, имя — Марико.

— Красивая?

Баллигант сплюнул в воду.

— Очень хорошенькая. Но вряд ли она любовница аптекаря. Заходит за лекарственными травами для своей бабушки-корейки. Некоторые данные о ней заслуживают внимания. Ее дядя был известным адвокатом в Японии, выступал на процессах левых. Недавно, после того как побывал в жандармерии, умер. Ему отбили легкие. Наверное, был связан с японскими и корейскими красными. Вот почему связь этой студентки с Ан Гван Су весьма подозрительна. Можно полагать, что кореец связан с советской разведкой и проводит работу по ее заданиям. В Вашингтоне очень заинтересовались этим делом. Гувер приказал не спускать глаз с корейца.

— Следите за ним и за студенткой и предварительно докладывайте мне. Никаких мер без моей санкции не принимайте.

— Но если прикажут в срочном порядке?..

Кита стукнул рукояткой револьвера о борт лодки:

— Сперва мне. Понятно?

— Понятно, — тихо сказал Баллигант.

— Прежде всего вы работаете у меня и только потом у Шиверса. Это надо помнить всегда. — Кита посмотрел на ручные часы со светящимся циферблатом. — Поворачивайте к берегу, к тому месту, где бассейн для ватерполо.

Лодка мягко врезалась в песок. Кита спрятал револьвер в задний карман брюк, надел перчатки, вынул из пиджака белый пакет, осторожно извлек из него лакированный портсигар и передал Баллиганту:

— Вытаскивайте из портсигара деньги. Здесь двести. И отдельно на подарок дочке — пятьдесят.

Баллигант поклонился, вынул деньги и вернул портсигар Кита. Тот вложил портсигар в пакет и засунул в карман.

— Надо будет у нас тоже ввести это... — Баллигант усмехнулся. — На портсигаре остаются отпечатки пальцев вместо расписки. И можно проставить потом любую сумму.

— Любую? — Кита вытащил пакет из кармана

и развернул его. На портсигаре было написано красной тушью: «250 долларов». — Сумма проставлена.

— Я не вас имел в виду, простите. — Баллигант приложил обе руки к груди. — Я просто так... в шутку. Не сердитесь.

— Не надо так шутить. — Кита тяжело дышал. — Если бы мы не были связаны работой, я прикончил бы вас как собаку за оскорбление. Я никогда не стану пачкаться, наживаться на таком дерьме, как вы... В следующую среду утром вам позвонят, будут говорить по коду «Февраль». — Сделав паузу, он смягчил голос: — Берегите себя, желаю скорейшего выздоровления вашей дочке. Я пришлю ей часики, а вы скажете, что выиграли пари.

— Мне хотелось бы выиграть еще зажигалку... — протянул с жалобной интонацией Баллигант. — Пришлось выбросить в воду, а я так привык к ней.

— Я подарю вам другую. Только не в виде револьвера. Эта действовала мне на нервы.

Кита кивнул головой и быстро пошел в сторону двухэтажного дома за трибунами бассейна. Обойдя ограду, он вынул из кармана пальто электрический фонарик и направил свет на землю. За деревьями вспыхнул свет фар, бесшумно подкатила машина. За рулем был Абэ.

— Домой, — скомандовал Кита и сел рядом с шофером.

— Идэ приказал мне прибыть к нему в четыре утра, — доложил Абэ. — Наверное, поедет в поселок около аэродрома Белоуз.

— Уже завел там агентов? А как у него дела в городе?

— Я возил его два раза на Ривер-стрит, затем к аэродрому Хикэм. А на прошлой неделе он ездил в Канеохэ, там у него тоже есть кто-то.

— Значит, в первую очередь расставляет людей около аэродромов. Готовится к наземным мероприятиям.

— А Сугимото должен был действовать около аэродрома Эва.

— Какой Сугимото?

Абэ сделал удивленное лицо.

— Не читали? Его нашли мертвым.

— Этот Сугимото? Значит, он был связан с Идэ?

— Да. На прошлой неделе Идэ сказал мне, что Сугимото не надежен, и предупредил через меня хозяина китайского ресторана напротив таможни. Затем он приказал мне заехать за Сугимото и привезти его ночью к воротам парка Капиолани. И больше я его не видел.

— Шанхайские приемы. Не может отвыкнуть. А с Хаями Марико встречается?

— Он уже был у нее дома, познакомился с мамашей. Я возил какие-то книги, которые Идэ достал для нее. А самой Марико он поднес целый мешок японских целебных растений. Она, кажется, хочет писать научный труд о старинной восточной медицине. Наверно, ее тоже прикончит.

— А может быть, и нет. Обо мне спрашивает?

— О вас нет, а о Моримуре несколько раз спрашивал.

— Смотри ничего не говори. Ни слова о том, что видишься со мной. И насчет моих дел с Баллигантом. Если проболтаешься... выдам со всеми потрохами Баллиганту. Я ему сообщу, почему умер тот полицейский, и представлю доказательства.

Абэ замотал головой.

— Ничего не скажу.

Он вдруг круто затормозил. Кита чуть не ударился лицом о ветровое стекло. Машина уперлась в кусты папоротника.

— Болван!

Кита ударил Абэ кулаком по голове, Абэ поклонился:

— Простите. Не хотел давить кошку... она черная.

— Ну и что?

— Черные кошки после смерти мстят. Это точно.

Они поехали дальше.

— В тот раз, когда везли того китайца, помни-те? — продолжал Абэ. — Мы раздавили черную кошку, и через два дня китаец утонул. Кошка отомстила.

Кита погладил нос и усмехнулся.

— Чуть не расплющил. — Немного погодя он спросил: — А сейчас раздавил?

— Нет, выскочила из-под колес. Еще бы секунда, и...

— Насчет сегодняшней поездки Идэ сообщи мне завтра. Достал билет на воскресный бейсбольный матч?

— Не успел.

— Хочешь пойти?

— Конечно.

— Я дам тебе свой билет.

Абэ поклонился, приложив лоб к рулевому колесу. Кита приказал остановить машину недалеко от памятника королю Камехакеха и пошел пешком в генконсульство.

28 ноября

Письмо Марико встревожило Уайта. Она сообщила, что Акино встретил ее на улице и сказал, что тот женишень, который она недавно дала одной знакомой японке, оказался ядовитым — японка умерла по возвращении на родину. Если японская полиция известит об этом американскую, могут возникнуть большие неприятности. Марико купила женишень в аптеке корейца, но к ответственности могут привлечь не только аптекаря, но и ее. Акино прозрачно намекнул, что это дело он может уладить. Зато она, в свою очередь, должна помочь ему, когда это понадобится. Поведение Акино кажется ей странным.

Марико просила дать совет. Уайт показал письмо Донахью. Тот заявил:

— Явный шантаж, готовит вербовку. Твоя красота в опасности. Если только не врет.

— Что же ей посоветовать? Только не шути, дело серьезное.

Подумав немного, Донахью ответил:

— Я хорошо знаю начальника морской контрразведки в Пёрл-Харборе капитана второго ранга Уолша. Могу радиотелефонировать ему, чтобы он попросил Эф-Би-Ай взять этого японца под наблюдение.

— Но тогда и за ней начнут следить. Нельзя ли сделать так, чтобы она осталась в стороне?

— Я попрошу Уолша действовать самым деликатным образом. Так, чтобы твоя косоглазенькая наяд ничего не заметила. — Донахью пристально посмотрел на Уайта. — А ты не думаешь, что это начало комбинации против тебя?

— Против меня?

— Может быть, она хочет вгнать тебя в эту историю?

— Какая чепуха! Я за нее ручаюсь.

— Никогда нельзя ручаться за женщин, а тем более за азиаток. Я боюсь, что она японская Мата Хари.

Уайт рассердился.

— Я жалею, что показал тебе письмо. Обратился к тебе как к другу, а ты...

— Ну ладно, не кипятись. — Донахью погладил Уайта по спине. — Будем считать, что она чиста, как белая лилия, и не имеет пока отношения к японской разведке. Я сейчас позвоню Уолшу и попрошу взять ее под защиту. Как ее зовут? Я плохо запоминаю их дурацкие имена.

— Хаями Марико.

Донахью пошевелил губами и кивнул головой.

— Постараюсь запомнить.

Вечером того же дня через Т-бюро прошла телеграмма из Токио, адресованная генеральному консулу в Гонконге.

№ 111

Ввиду крайнего обострения японо-американских отношений просим присылать без определенной периодичности донесения о военных кораблях, стоящих на рейде Пёрл-Харбора, но не реже двух раз в неделю. Как вы уже, наверное, поняли, необходимо обращать особое внимание на сохранение секретности нашей переписки.

Телеграмму перевел Пейдж. Проверив ее и поставив в углу свои инициалы, Уайт сказал Пейджу:

— Донахью нет, его куда-то вызвали вместе

с Макколла. Иди с этой «магией» прямо к Уилкинсону. Пусть включит ее в экстренную сводку.

Пейдж сел за свой стол и стал перекладывать словари и справочники. Потом снял очки и смущенно буркнул:

— Иди сам, Ник. Не люблю ходить к нашему боссу. Чувствую себя кроликом перед гремучей змеей.

Уайт укоризненно покачал головой.

— Мне рассказывали, как ты провел одно дело в Кантоне под видом контрабандиста. Японцы тогда могли преспокойно пристрелить тебя, но ты не струсил. А тут боишься?

Пейдж молча пожал плечами. В это время явился Гейша. Он принес самую свежую «магию» из дешифровального сектора. Макколл приказал перевести ее вне очереди.

— А почему Макколл считает, что она такая экстренная? — сердито спросил Пейдж. — Он же не знает японский.

— Я перевел ему несколько последних слов, — признался Гейша. — В конце сказано: «сверхэкстренное извещение».

— Наверное, опять напутал, — процедил сквозь зубы Пейдж.

Гейша провел пальцем по животу сперва горизонтально, потом по вертикали.

— Клянусь самурайской честью: не напутал.

Уайт перевел телеграмму сам. Он провозился с ней долго, потому что в тексте были искажения — надо было переводить очень осторожно. Закончив перевод, Уайт приоткрыл окно и с наслаждением вдохнул прохладный воздух. Шел дождь, уже начало темнеть. Пока Пейдж перепечатывал начисто перевод телеграммы, Уайт стоял у окна и смотрел на белую стену морского госпиталя на той стороне улицы. Из-за стены торчали голые деревья.

— Безобразие, — прошипел Пейдж. — Телеграмма от восемнадцатого ноября, а ребята Сэффорда расшифровали ее только сегодня.

— У армейцев еще хуже, — сказал Гейша. —

Полковник Сатлер совсем растерялся. У них столько накопилось... Возьмется еще с октябрьскими.

— Потому что расшифровывают все подряд, — заметил Пейдж. — Надо же делать отбор — пропускать в первую очередь наиболее важные, а сводки о китайских фронтах, присылаемые из Токио, и отчеты о банкетных расходах можно откладывать пока в сторону.

Гейша развел руками.

— Тогда я должен сидеть там с утра до вечера и заниматься сортировкой «магии».

Он взял у Пейджа перепечатанный текст, пробежал его глазами и зачмокал губами.

— Потрясающая штука! Наверху обалдеют от восторга.

Текст телеграммы был таким.

Из Токио, от министра иностранных дел
Послу в Вашингтоне
18 ноября
№ 2353

Относительно передачи по радио специального сообщения в случае чрезвычайного положения.

В случае возникновения чрезвычайной ситуации (угрозы разрыва дипломатических отношений с нами) или прекращения международной связи в коротковолновую радиопередачу последних известий на японском языке будут вставлены следующие фразы: если речь будет идти об отношениях между Японией и Америкой — «восточный ветер, дождь», между Японией и Советским Союзом — «северный ветер, облачно», между Японией и Англией — «западный ветер, ясно».

Этот сигнал будет дан в середине и в конце прогноза погоды, передаваемого по коротковолновому радио. Фраза будет повторена дважды. Услышав эту радиопередачу, вы должны немедленно уничтожить шифры и прочие документы. Сообщение держать в строжайшем секрете. Передаем в порядке сверхэкстренного извещения.

— Под «возникновением чрезвычайной ситуации», — сказал Уайт, — надо понимать внезапное нападение Японии на одну из трех стран — Америку, Россию или Англию. В этом случае у японцев не будет времени зашифровывать радиограмму. Из Токио просто дадут сигнал под видом сводки погоды.

Такой сигнал можно будет принять по радиоприемнику.

— Теперь нас заставят следить за всеми японскими коротковолновыми передачами. Совсем погибнем, — вздохнул Пейдж.

— Нет, это не наше дело. Этим займется наша радиоразведка. — Уайт кивнул Гейше. — Возьмите у Пейджа «магию», посланную в Гонолулу, и эту и бегите к Уилкинсону. Обе «магии» ему понравятся, особенно насчет сигнала.

— Пахнет войной... Густо пахнет. — Гейша шмыгнул носом и выбежал из комнаты.

Как и следовало ожидать, «магия» о сигнале нападения произвела большой эффект. Вскоре пришел Донахью, он широко улыбался.

— Спасибо, дорогие профессора, за великолепную штучку. Наверху поднялся тарарам. Гейша носится с таким видом, как будто он выкрал «магию» из кармана японского премьер-министра. Ну как, Никки? Твое мнение?

— Я думаю, — медленно произнес Уайт, — что обе «магии» связаны друг с другом и что скоро последует сигнал.

— Правильно, — согласился Донахью. — Будет сигнал «северный ветер». Нападут на русских, чтобы добить их.

— Немцы застряли под Москвой, — сказал Уайт. — Выдохлись. Неизвестно, что будет дальше.

Донахью уверенным тоном произнес:

— Немцы сейчас проводят перегруппировку своих сил, подтягивают резервы и на днях начнут генеральный штурм большевистской столицы. И над Кремлем поднимется флаг со свастикой.

— Ты, как попугай, повторяешь нацистские религии, — сказал Уайт.

Донахью протянул руку.

— Давай пари. Я ставлю на «северный ветер», ты — на «восточный». Проиграешь наверняка.

Уайт покачал головой.

— Нет, не проиграю. Мы неуклонно идем к войне

с Японией. Ты же знаешь последнее японское предложение. Оно прошло на той неделе в «магии».

— Я был занят эти дни другими делами. Что же они предложили?

— Они представили окончательный вариант соглашения. Америка и Япония взаимно обязуются не увеличивать вооруженные силы на Юге; Япония уберет войска из Индокитая после заключения мира с Китаем; Америка не должна мешать японо-китайскому замирению; Япония получает нефть и прочее с Юга.

— Это так называемое предложение «оцу», — пояснил Пейдж. — Явно рассчитано на то, что мы не примем его.

Донахью удивленно поднял брови:

— Но ведь сюда прилетел второй посол, и он вместе с Номура будет вести переговоры. Значит, Токио хочет продолжать переговоры. Если бы там не хотели этого, то не присылали бы Курусу.

— Его прислали для того, чтобы они вдвоем втирали очки Хэллу, — сказал Уайт.

Пейдж протянул Уайту «Чикаго трибюн» от 27 октября. Красным карандашом было отчеркнуто следующее место в редакционной статье: «Каким жизненным интересам США может угрожать Япония? Она не может напасть на нас. Это невозможно с военной точки зрения. Даже наша база на Гавайских островах находится вне досягаемости японского флота».

— Вот так думают они, — Уайт кивнул в сторону Донахью. — Но то, что позволительно газетному писаке, непозволительно штабному офицеру.

Донахью взял у Уайта газету и, просмотрев ее, дернул уголком рта. В комнату с шумом влетел Гейша. Он вытер платком лоб и шею.

— Все меры приняты, — доложил он. — Всем радиостанциям морского ведомства приказано отныне контролировать японские заграничные радиопередачи, включая объявления и тексты песенок. Я уже попросил записывать для меня японские танго и слоуфоксы. Такие же директивы даны армейским радиостанциям и станциям радиоперехвата федераль-

ной комиссии связи. Теперь будем ждать сводку погоды. — Он взглянул с улыбкой на Донахью. — Я уже заключил пари на несколько дюжин бутылок олд парра. А вы?

Донахью пошел к дверям. У порога он обернулся и кивнул в сторону Уайта.

— Мы заключили пари. Вы все будете свидетелями. Он проиграет и уступит мне свою желтую... лилию.

28 ноября

Оба посла сидели в угловом кабинете с большим электрическим камином. Они недавно вернулись от Хэлла. Номура успел облачиться в халат. Курусу был еще в визитке и серых брюках в черную полоску — строгий и чинный. Он держал в руках тетрадку.

Адмирал диктовал секретарю-драгоману:

— Таким образом, ответ американской стороны сводится к контртребованию, чтобы Япония признала четыре принципа. Признание этих принципов будет означать, что Япония принимает все американские требования: эвакуировать войска из Китая и Индокитая, упразднить все правительства на территории Китая, с тем чтобы чунцинское правительство стало единственным...

Перелистав тетрадку, Курусу швырнул ее на столик.

— Все равно не запомнить. Буду говорить и заглядывать в нее. Правда, придется искать слова.

Номура показал на драгомана.

— Исида знает наизусть всю тетрадку. Он будет сидеть около вас и подсказывать. — Сделав несколько глотков из чашки с чаем, адмирал продолжал диктовать: — Новым является предложение относительно заключения коллективного договора о ненападении, причем в числе участников договора фигурирует Чунцин. Таким образом, принятие этого предложения обяжет Японию заключить мир с Чунцином и вообще поставит ее в унижительное положение... К этому

прибавь то, что я продиктовал раньше, и перепиши все начисто.

Драгоман вышел из кабинета. Но тут же вернулся и сообщил, что Токио вызывает посла Курусу — у аппарата начальник американского отдела министерства иностранных дел Ямамото. Курусу взял трубку. Слышимость была неважная, но помогло то, что у Ямамото была отличная дикция. Номура взял отводную трубку.

Ямамото. Как дела со свадьбой? Повторяю: со свадьбой.

Драгоман шепотом пояснил Курусу значение слова «свадьба».

Курусу. Говорили примерно о том же, о чем вчера говорила Умэко. Как и до сих пор, большое влияние оказывает южный вопрос.

Ямамото. Южный?

Курусу. Да, южный. Одно время казалось, что свадьба — дело решенное. Как вы считаете... ребенок родится?

Ямамото. Очевидно, родится, и очень скоро.

Курусу посмотрел на Номура. Тот покачал головой.

Курусу. Значит, вы считаете, что ребенок может родиться?

Ямамото. Я думаю, что родится крепкий ребенок. Вы сделали заявление по поводу сегодняшнего выступления, Кимико-сан?

Курусу. Нет, не сделали.

Ямамото. Насчет свадьбы все-таки не прекращайте разговоров.

Курусу. Продолжать? Попытаемся.

После паузы Ямамото сказал:

— Так или иначе, но мы не можем продать гору.

Разговор кончился. Положив трубку, Курусу вздохнул, поднес руку ко лбу и стал медленно массировать надбровье.

— В Токио не хотят уступать, — пробормотал он. — Сугияма и Нагано взяли верх.

— Надежд на свадьбу нет, — сказал Номура. — И по-видимому, родится ребенок. Это неизбежно.

Оба посла погрузились в молчание. На улице заиграл оркестр. Адмирал подошел к окну и отодвинул гардину. На той стороне улицы, перед закусочной, вокруг музыкантов собрались люди. Но как только оркестр смолк и негритянка в форме офицера Армии спасения, отчаянно размахивая руками, начала проповедь, публика стала быстро расходиться.

29 ноября

Стенные часы в коридоре уже пробили четыре. Уайта клонило ко сну. Он налил из термоса черный кофе и выпил две чашки подряд. Потом пошел в туалетную и смочил лицо и волосы холодной водой. Пейдж тоже устал: он громко зевал, потягивался и яростно тер затылок.

Уже третью ночь подряд Уайт и Пейдж сидели до утра. Из дешифровального сектора «магия» поступала в течение всего вечера — надо было готовить материал для утренней сводки. Хозяин теперь требовал, чтобы первую сводку клали ему на стол не позже девяти утра.

Кофе и холодная вода отогнали сон. Уайт закончил редактирование всех телеграмм. Самыми важными были две — обе из Токио от министра иностранных дел.

Первая — от 22 ноября — гласила:

Если можно будет разрешить все вопросы к 29 ноября, мы решили ждать. Но на этот раз, подчеркиваем, это — крайний срок, изменен не будет. После этого дня события начнут развиваться автоматически.

А во второй — от 28 ноября — говорилось:

Через несколько дней вам будет послано сообщение о точке зрения правительства, и на этом фактически переговоры будут закончены. Но вы не создавайте у американцев впечатление, что переговоры закончены.

Сообщите им, что ждете директивы правительства.

Уайт ударил ладонью по столу.

— Утренняя сводка ошеломит нашего Хозяина и

его вассалов. Японцы готовятся к прыжку. Как у тебя? Дай кодированный текст.

Пейдж возился с расшифровкой телефонного разговора между Курусу и Ямамото.

— Все в порядке. Спасибо Шриверу, это он достал в Токио код «РИ» для телефонных разговоров. — Он передал Уайту японский текст. — Из этого разговора видно, что со свадьбой ничего не получится. «Свадьба» — это соглашение. «Родится ребенок» — это разрыв. Токио не хочет «продавать горю», то есть идти на уступки.

— А кто такая Кимико-сан?

— Это президент Рузвельт, а Умэко-сан — Хэлл. Уайт усмехнулся.

— Наша утренняя сводка разочарует начальство. Они с нетерпением ждут сигнала насчет «северного ветра», а дело идет к «восточному».

Пейдж потянулся и громко зевнул. Уайт предложил немножко прогуляться.

Они прошли мимо гаража Белого дома. Около статуи Боливара стояли полицейские в высоких резиновых сапогах. У здания Торговой палаты выстроились разноцветные туристские и школьные автобусы. Их окатывали водой из шлангов негры-мойщики.

Уайт и Пейдж медленно прошли по Пенсильвания-авеню до здания Национальных архивов и вернулись в бюро. Сейчас же явился дежурный солдат-негр и начал убирать помещение. Окончив уборку, он принес большой брезентовый мешок и стал сыпать в него бумажный мусор из корзин «магов».

Загудел телефон на столе Уайта. Звонил начальник японского направления Макколл.

— Опять просидели всю ночь, Уайт? Бедняжка. На рождество я вам устрою недельный отпуск, походите на лыжах.

— Боюсь, что на рождество нам будет не до лыж. Утренняя сводка будет весьма зловещей. Свадьбы не будет, родится большущий ребенок.

Макколл свистнул — он знал код «РИ».

— Я приеду только к двенадцати. Передайте все

Донахью, пусть скорей доложит Уилкинсону. Запись разговора Курусу с Токио включите в сводку.

Вскоре явился Донахью — прямо с теннисного корта, с ракеткой в чехле. Он бегло прочитал сводку и почесал подбородок.

— Как видишь, разрыв близок, — сказал Уайт.

— Судя по телефонному разговору Курусу — Ямамото, они не хотят прекращать переговоров, — сказал Донахью. — Тут же написано черным по белому: «Насчет свадьбы не прекращайте разговоров».

— Но в «магии» от двадцать восьмого говорится, что «фактически переговоры будут закончены».

Донахью поморщился:

— Почему ты истолковываешь текст так предвзято? Здесь сказано, что через несколько дней из Токио будет прислана телеграмма с изложением позиции Японии, и на этом данная стадия переговоров будет закончена. Мы дадим ответ, и снова начнутся переговоры, но уже на другой основе. Токио лихорадочно ищет почву для компромисса. Вчера ночью Номура беседовал с патером Другом, потом с министром почт Уокером. И тому и другому он заявил, что будет продолжать встречи с Хэллом.

— И кончится это тем, что они бабахнут нас по башке, — сказал Уайт.

— По базе тихоокеанского флота, — уточнил Пейдж.

Донахью взмахнул ракеткой.

— У вас какие-то чугунные головы. Мне надоело твердить вам одно и то же. Японцы не смогут напасть на Пёрл-Харбор, потому что там только тридцать футов глубины. Следовательно, торпедная атака исключается, а без торпед нет смысла нападать на линкоры.

Пейдж возразил:

— Англичане сбрасывали торпеды на полигоне глубиной в сорок футов, а это почти столько же, сколько в Пёрл-Харборе.

— Сообщение об этих испытаниях мы получили только от агентов, — сказал Донахью, — подтверждений не было. На наш официальный запрос англий-

ское командование не дало вразумительного ответа.

Донахью взял папку с телеграммами для сводки. Уайт показал на «магию», лежащую на столе:

— А эту возьмешь? Адресована генконсулу в Гонолулу.

— Она не войдет в сводку.

— Почему? Очень интересная.

Донахью махнул рукой и ушел. Уайт взял телеграмму со стола и пошел за ним. Он открыл дверь кабинета Уилкинсона. Тот сидел в кресле и читал газеты.

— Что у вас? — спросил Уилкинсон, подняв очки на лоб.

— Донахью не пожелал взять для сводки эту «магию». Она представляет первостепенный интерес.

Уайт положил перед начальником телеграмму.

Из Токио.
Генконсулу в Гонолулу
№ 113

Сообщите о кораблях, стоящих в следующих зонах: зона Пёрл-Харбора, залив Мамала в бухте Гонолулу и прилегающая акватория. Просим собрать данные в совершенно секретном порядке.

Уилкинсон прочитал телеграмму и положил ее на стол.

— Ничего экстраординарного. Такие задания посылаются многим японским консулам, находящимся около военных гаваней.

Уайт подошел вплотную к столу Уилкинсона и наклонился вперед.

— Эта «магия» говорит о том, что японцы готовятся к нападению на Гавайи. Надо немедленно известить адмирала Киммела и генерала Шорта, чтобы были наготове.

— Мы послали позавчера им телеграмму о том, что японцы могут начать военные действия против Филиппин, Таиланда, Борнео и на перешейке Кра. Можете не волноваться. — На благообразном лице

Уилкинсона появилась улыбка. — Мы не спим. А вам надо пойти поспать. У вас очень утомленный вид, Уайт.

Уайт повысил голос:

— При чем тут Борнео и Кра? Речь идет о Пёрл-Харборе!

Уилкинсон слегка поднял брови и откинулся в кресле. Потом спустил со лба очки и с любопытством уставился на подчиненного.

— Мне кажется, я сам знаю, что надо делать, — произнес он подчеркнуто спокойно. — И знаю, кому нужно посылать телеграммы.

Уайт крикнул:

— Нет, не знаете! Вы ничего не видите! Или видите, но ничего не делаете...

В кабинет вошел Донахью. Он схватил Уайта под руку и зашептал в ухо:

— Успокойся, Никки, считай до двадцати. Успокойся, ради бога!

Уилкинсон снова поднял очки на лоб и сложил руки на животе.

— Уайт, вы переутомились, я понимаю вас, — он сочувственно кивнул головой, — сдали нервы. Держите себя в руках и не устраивайте припадков в служебное время. Сходите к невропатологу. Мы следим за японским флотом. Наша радиоразведка уже заметила, что возрастает концентрация сил японского флота, они всюду ведут ложный радиообмен, чтобы сбить нас с толку. Мы также обнаружили скопление самолетов на Формозе и перемещение авиации к югу от Японии. Мы вполне допускаем возможность нападения Японии на Филиппины и на английские или голландские владения. Но... японцы могут наброситься и на других. И вы знаете на кого. И эту альтернативу, весьма вероятную, мы, разведчики, не вправе сбрасывать со счетов.

Донахью погладил Уайта по плечу.

— Ты совсем издергался, Никки, и выбился из сил. Ходи со мной по утрам в манеж. — Он повернулся к Уилкинсону. — Получены сведения о том, что японцы уже утвердили план военной администра-

ции в Сибири и сейчас в Токио идет тайная мобилизация всех переводчиков-россиеведов.

Уайт с трудом произнес:

— Простите... Я позволил себе...

Уилкинсон молча пожал плечами и обратился к Донахью:

— Вчера Дайана потащила меня в Национальную галерею. Я собирался туда уже несколько лет, но никак не удавалось. Я не знал, что там есть Утрилло, две замечательные вещи... парижские переулки. Видел?

— Мне недавно сказали об этом, — ответил Донахью. — Непременно схожу. Любопытная судьба у этого замечательного мастера. Пока был пьяницей и бродягой...

— Это был Верлен от живописи, — заметил Уилкинсон.

— Вот именно, он был форменным пропойцей, в пьяном виде делал потрясающие шедевры и прославился на весь мир. А с тех пор как его прибрала к рукам богатая вдова и поселила в шикарном доме, он перестал писать. Говорят, теперь он только молится и пьет лимонад. Утрилло, увы, кончился.

Уилкинсон покачал головой.

— Жаль. Я очень люблю одну его картину. Написана, кажется, в тринадцатом году. Это деревенская церковка с часами на башне. Изумительная серо-зеленая гамма.

Уайт вышел из кабинета и столкнулся у входа в бюро с Шривером.

— Энди! — воскликнул Уайт. — Как дела?

Шривер заметно осунулся, виски у него стали совсем белыми.

— Уилкинсон не хочет пускать меня обратно в бюро. Спасибо Донахью, устроил в контрразведку в Пёрл-Харборе. Буду помогать Уолшу. Контр-адмирал Тернер сказал мне: «Вы едете в самое безопасное место в мире».

За его спиной показалась голова Пейджа.

— А вы, Энди, тоже считаете Пёрл-Харбор безопасным местом?

Шривер засмеялся:

— Нет, не считаю. Я знаю, что японские адмиралы умеют выбирать места для ударов.

— А у нас наверху не понимают этого, — сказал Пейдж.

Уайт протяжно вздохнул.

— Такое впечатление, — произнес он глухим голосом, — как будто японцы изобрели страшное оружие. Направляют из Токио через весь океан невидимые лучи на наших начальников и усыпляют их мозги.

29 ноября

Кита получил условную телеграмму, означавшую, что 29 ноября прибудет тайный дипкурьер, с которым надо встретиться на пароходе.

По расписанию пароход «Акаси-мару» должен был прибыть в Гонолулу в девять часов утра — он шел из Кобе в Мексику с заходом на Гавайи. Но пароход опоздал из-за шторма на три с лишним часа.

Кита поднялся по трапу. Его встретил помощник капитана с черной повязкой на глазу. Он провел генконсула к себе в каюту и ушел. Спустя минуту явился дипкурьер.

Кита видел его впервые. Дипкурьер назвался Огасавара. Сразу было видно — он не чиновник ведомства иностранных дел, а офицер. И не ниже капитана второго ранга. Судя по раскрасневшемуся лицу, он выпил с утра.

— Какие у вас новости? — спросил Огасавара.

Кита ответил:

— Авианосец «Энтерпрайз» вышел из Пёрл-Харбора и направился на Уэйк.

— Когда вышел?

— Три дня тому назад.

— Это прекрасная новость. За нее надо выпить. — Дипкурьер достал из шкафа бутылку саке и наполнил чайные чашечки. — Я, очевидно, останусь в Мексике. Обратно все равно не успею.

Кита отпил полчашки.

— Значит, наши вышли с Курил?

— Да. Вы получите директиву о сожжении документов, и сейчас же после этого последует сигнал.

— Знаю. Мои люди уже дежурят круглосуточно у радиоприемника.

— Сигнал может быть передан и в виде телеграммы о назначении секретарей Касиваги и Минами — это будет означать, что мы начинаем. — Дипкурьер осушил чашку и громко икнул. — А может быть, не получите никакого сигнала, не до этого будет.

— Пожалуй, можно будет приступить к ликвидации документов, не дожидаясь телеграммы.

Дипкурьер кивнул и согнал с лица улыбку. Вытащив из кармана листок, он сказал:

— Давайте проверим пункты, откуда будут даваться сигналы подлодкам. У вас все готово?

— Когда начать подачу сигналов?

— С завтрашнего вечера. Значит, так... — дипкурьер поднес листок близко к лицу и зажмурил один глаз: — С чердаков домов в бухте Раникай и в деревне Калама.

— Это на Оаху, а на Мауи — с пункта между Ровакула и Балеакала.

Дипкурьер спрятал листок в карман и спросил:

— Как дела у Идэ?

— Он мне не говорит, но, по-видимому, все хорошо.

— Передайте ему, что накануне событий ему сообщат через связного, что надо делать. Назовите мое имя, он знает.

— А он не будет сердиться, что я не устроил ему встречу с вами? У него тяжелый характер.

Огасавара рассмеялся.

— Не советую с ним ссориться. Очень решительный человек. Не постесняется даже вас... Будьте осторожны. Время такое, нервы у всех на пределе. — Он улыбнулся и поклонился. — Извините меня, я немножко выпил.

— Ну что вы, — Кита тоже поклонился. — Я тоже выпил. Только не надо путать: у трапа меня встре-

тил человек с черной повязкой вместо белой. Значит, ударим?

— Да. — Огасавара сделал жест фехтовальщика, опускающего меч на голову противника. — Наверное, через неделю.

— Тренировку закончили?

— Да. Несколько месяцев упражнялись в Кагосиме, сделали из бухты макет Пёрл-Харбора. Летали бреющим полетом над бухтой и тренировались в сбрасывании торпед и бомб. А Сакурадзима исполняла роль острова Форд.

— Технику сбрасывания на мелководье отработали?

— Научились сбрасывать на глубинах менее тридцати футов. К торпедам приделываем специальные стабилизаторы «Кай-два».

— Молодцы. Меньше тридцати! — с восхищением произнес Кита. Он рассмеялся: — Вот будет сюрприз для американцев — этого они никак не ожидают.

На прощание Огасавара сказал:

— Итак, ждите со дня на день. Все будет зависеть от погоды.

Сойдя с парохода, Кита поехал на Ривер-стрит; вышел из машины, покружил по переулкам и, убедившись, что за ним никто не следит, направился в китайский ресторанчик.

В маленьком зале на первом этаже сидели торговые моряки — европейцы и негры. Пройдя зал, Кита поднялся по крутой лесенке наверх. В крохотной, прокопченной камерке, устланной красными одеялами, сидел Баллигант. Столик перед ним был уставлен блюдами и пустыми жестянками из-под пива.

Кита бросил взгляд на Баллиганта и усмехнулся.

— Сегодня все пьют. И вы тоже, вижу, накачались.

Баллигант махнул рукой, задев бутылку. Она упала со столика.

— Пришлось утром выпить с одним человеком... по делу. — Он тяжело дышал и с трудом ворочал

языком. — Но я... сколько бы ни выпил, не теряю сознания. Наследственная черта.

Кита похлопал себя по карману и строго насутился.

— Я принес деньги, но сегодня не дам. Не люблю пьяных.

— Я звонил вам потому, что у меня интересная новость, — прохрипел Баллигант. — Очень важная, но это исключительно секретно...

— Ну?

Вместо ответа Баллигант отвел глаза от Кита и стал барабанить пальцами по столу. Кита привстал и взмахнул рукой, чтобы ударить Баллиганта по голове, но тот успел нагнуться. Тогда Кита двинул ногой по стулу, на котором сидел американец, и тот упал на бок вместе со стулом.

— Я вас слушаю, — сказал Кита. — Не забывайте, что я вспыльчивый. Наследственная черта.

Баллигант с крихтением поднялся с пола, поставил стул и сел. Затем как ни в чем не бывало заговорил:

— Значит так. Имею одно сообщение без подписи о том, что готовятся диверсии на аэродромах Уилер и Хикэм. Задания насчет этих диверсий получил один человек в Вашингтоне от женщины, которая уехала на машине. В сообщении приводится номер.

— Какой номер?

— Номер машины. В результате проверки выяснилось, что это номер машины учительницы одного чиновника советского посольства...

— Советского?

Баллигант так энергично кивнул головой, что пошатнулся.

— Затем отправитель анонимки пишет, что ему приказали направиться в Гонолулу и явиться в аптеку...

— Какую?

— На Маунакеа-стрит, к корейцу Ан Гван Су. — Баллигант подмигнул и, показав большой палец, лизнул его. — Все карты сходятся. Начальство в Вашингтоне в восторге от этого дела.

Он крикнул и взялся за рюмку, но, взглянув на Кита, отдернул руку.

— Пейте, — разрешил Кита. — Очень любопытное сообщение, но к нам никакого отношения не имеет. А что по нашей части?

— Есть интересный факт... — Баллигант вылил остатки виски в рюмку и выпил. — Студентка Хаями Марико встречается с японцем, приехавшим несколько месяцев тому назад из Мексики. Его зовут Доминго Акино. Они встретились около той же аптеки корейца. Этот Акино...

Кита прервал его:

— В отношении Акино ничего не предпринимайте без меня. Сообщили начальству?

— Насчет того, что студентка связана с Ан Гван Су, сообщил. А насчет ее знакомства с Акино — нет.

— Об Акино своему начальству пока ничего не сообщайте. Все материалы о нем сперва показывайте мне. Я буду проверять сам. Может быть, Акино работает для китайской разведки или для той, в которой работает Ан Гван Су.

— Встречу зафиксировал мой агент.

— Слушайте внимательно. — Кита поднял палец. — Сообщение этого филера уничтожьте. Еще раз повторяю: за студенткой и Акино наблюдайте, но ничего не делайте. Дело корейца, кажется, очень интересное. Очевидно, советская разведка что-то готовит против аэродромов. — Кита встал. — Деньги дам в следующий раз, когда будете трезвы. А сегодня... — Кита вынул из кармана маленькую коробочку и передал Баллиганту. — Вот часики для вашей дочки. Только не забудьте сказать, что выиграли пари.

Баллигант пробормотал слова благодарности и низко поклонился по-японски. Когда он поднял голову, Кита в комнате уже не было.

3 декабря

После концерта Уайт, как условились, позвонил в бюро. К телефону подошел старший лейтенант Камберленд, только что переведенный из Манилы.

— Приезжайте. Надо, чтобы вы посмотрели.

В бюро Уайт застал Пейджа и Камберленда — рослого блондина, с добрыми воловьими глазами и большим подбородком. На столе Уайта лежала переведенная телеграмма:

Из Токио, от министра иностранных дел
В Вашингтон послу
№ 2444

Нашим представительствам в Лондоне, Гонконге, Сингапуре и Маниле даны директивы прекратить пользование шифровальными машинками и уничтожить их. Шифровальная машинка, находившаяся в Батавии, уже прислана обратно. Несмотря на директиву, содержащуюся в телеграмме № 2447, посольство в Америке должно по-прежнему пользоваться шифровальной машинкой с шифром.

Уайт сверил перевод с японским текстом — все было правильно.

— Макколла доложили?

— Да. Он совсем не удивился. Говорит, что теперь надо ждать нападения с минуты на минуту.

— Это ясно каждому нормальному человеку, — медленно проговорил Камберленд.

— Но не нашему высокому начальству, — сказал Уайт. — Хотя... на этот раз и они поймут.

— Что поймут? — спросил Камберленд.

— Что Япония нападет на нас.

Камберленд пошевелил подбородком, как будто перемалывал что-то.

— Я только что прочитал у адъютанта Уилкинсона разведывательную сводку, подписанную генералом Майлсом и утвержденную генералом Маршаллом. Хотите знать ее содержание?

Пейдж спросил:

— От какого числа?

— Сводка выпущена двадцать девятого — четыре дня назад. — Камберленд сделал паузу и опять пошевелил подбородком. — Знаете, что там написано?

— Говорите, не тяните, — рассердился Уайт. —

У вас невозможная манера разговаривать. Вам надо работать в морге: там можно не спешить.

— Не остроумно. — Камберленд хмыкнул. — Сводка гласит, что в ближайшие три месяца Япония может напасть только на Советский Союз и что Япония искренне стремится к соглашению с Америкой.

— Так и написано? — вскрикнул Пейдж.

— Да. Нападет на Советский Союз, а с нами хочет договориться.

— Какое идиотство! — простонал Уайт и потер затылок. — А я считал Маршалла умным человеком. И он сейчас возглавляет нашу армию!

Камберленд продолжал:

— Я говорил с полковником Сатлером и адъютантом генерала Майелса, — Камберленд любил точно указывать чины, — майором Кейзом. Все армейцы в унисон заявляют, что оперативный план американской армии, утвержденный еще летом, в июле, остается без изменений. Они исходят из того, что Япония непременно нападет на Советский Союз.

— Все помешались на этом, — сказал Уайт. — Маршалл думает так же, как «Чикаго трибюн» и финансист Барух. Этот Барух предложил на днях Японии заем в один миллиард долларов. Нашел время.

— А чему удивляться? — Пейдж фыркнул. — Барух за то, чтобы задобрить Японию. Для Маршалла, Баруха и для таких, как Трумэн и Тафт, важнее всего, чтобы разгромили Советский Союз. Для них это враг номер один. Ведь Тафт об этом прямо сказал уже спустя неделю после нападения на русских. Он заявил, что для Америки победа коммунистов опаснее победы Гитлера.

— Донахью, может быть, заедет после театра. — Пейдж передал телеграмму Камберленду. — Покажите ему.

— Вряд ли Донахью приедет ночью, — сказал Уайт.

Пейдж усмехнулся.

— Он теперь заезжает и по ночам — ждет с нетерпением сигнала, чтобы выиграть у тебя пари.

И попросил Сэффорда, чтобы дешифровальщики пропускали «магию» как можно быстрее.

— Наверное, в течение ночи еще придет какая-нибудь телеграмма насчет сожжения шифров, — сказал Уайт. — Ее надо будет сразу же перевести.

Пейдж встал, потянулся и предложил Уайту пойти выпить что-нибудь. Они вышли на улицу и направились к стоянке машин. Пейдж сел за руль. Проехались по городу и остановились недалеко от почтамта, перед закуской «Вайкики».

В небольшом полутемном зале было пусто. За стойкой сидел толстый гаваец, похожий на старуху. Как только Уайт и Пейдж сели за столик, к ним подошел японец в черном костюме с увядшей хризантемой в петлице. Он низко поклонился и показал в улыбку золотые зубы.

— Простите, я секретарь морского атташе при японском посольстве капитан-лейтенант Игасэ. Я видел вас один раз на приеме, — он поклонился Уайту. — Мне сказали, что вы были в Японии и хорошо знаете японский.

— Да, я путешествовал по вашей стране, но японского языка не знаю. — Уайт показал на свободный стул. — Может быть, подсядете к нам?

Пейдж с видом знатока спросил Ивасэ:

— Какой вам коктейль? Олд фашн или том коллинз — из джина, лимона и содовой?

— Здесь делают коктейль «землетрясение», — сказал Ивасэ. — Рекомендую. Смесь из пяти ликеров.

Пейдж кивнул головой и заказал молоденькому гавайцу-кельнеру «землетрясение». Гаваец принес три маленьких бокала с красновато-зеленой жидкостью. Ивасэ сделал маленький глоток и скривил лицо. Потом тихо произнес:

— Очень неприятные новости. Ваш ответ ставит наше правительство в исключительно тяжелое положение, почти безвыходное... Хотя мы надеемся..

Пейдж вытянул губы и произнес тоном опытного, изощренного дипломата:

— Я думаю, что мы все-таки договоримся... модус

вивенди... приемлемая альтернатива... — Он пошевелил пальцем. — Статус-кво анте...

Уайт поспешно закрыл рот рукой и отвернулся. Ивасэ покрутил головой.

— Я тоже надеюсь. Японское правительство не имеет ни малейшего желания затевать войну. Весь наш флот по-прежнему находится в порту Сазги. Вчера из Йокогамы вышел наш лучший океанский пароход «Тацута-мару». Он прибудет в Сан-Франциско двенадцатого декабря, а в Лос-Анжелос — пятнадцатого. Мы твердо надеемся на мирный исход переговоров.

— Судя по всему, вы... — Уайт улыбнулся и поднял бокальчик, — решительный противник войны.

Ивасэ кивнул головой.

— Нас разделяет огромный океан, и если начнет война — она завяжется в основном на море. Это будет очень длительная, дорогостоящая война, и она ни к чему не приведет. Бессмысленная война. — Японец сделал несколько маленьких глотков и, поставив бокальчик на стол, быстро заговорил: — В ближайшие дни немцы ворвутся в Москву: их танки примерно в тридцати километрах от ворот Кремля. Уже началось повальное бегство жителей из Москвы.

Пейдж спросил:

— Если падет Москва, вы, наверное, ударите с Востока?

— В Сибири удобнее воевать, там суша, а не океан, — сказал Ивасэ и хихикнул.

Бармен включил электрическую пианолу — джаз исполнял танго, пела японка. Ивасэ закрыл глаза и стал покачиваться на стуле в такт музыке. Потом вынул платок и вытер уголки глаз. Уайт сделал Пейджу знак глазами и показал пальцем на ручные часы. Пейдж подозвал кельнера и расплатился с ним, решительно отводя руку японца.

— Вы наш гость, — сказал Пейдж, — а когда мы будем в Токио, вы нас угостите коктейлем из ваших саке.

Они попрощались с японцем и вышли на улицу. Моросил холодный дождь, смешанный со снегом.

Они вернулись в бюро вовремя. Из отдела Сэффорда принесли самую последнюю «магию». Уайт перевел ее.

Из Токио, от министра иностранных дел
В Вашингтон послу
№ 867

1. Все шифры, имеющиеся в Вашем посольстве, подлежат сожжению, за исключением того, который используется для шифровальной машинки, шифра «О» (ОЙТЕ) и списка условных сокращений «Эл». Все остальные шифры подлежат уничтожению.

2. Немедленно прекратить пользование одной из шифровальных машинок и уничтожить ее.

3. По осуществлении указанных выше мер надлежит при-слать условную телеграмму «Харуна».

4. Уничтожить все копии входящих и исходящих телеграмм и все прочие секретные документы в момент, который вы найдете подходящим, и способом, избранным по Вашему усмотрению.

5. Уничтожить все шифры, которые привез секретарь-шифровальщик Косака. Поэтому отныне отпадает необходимость в под-держании связи с Мехико, о чем говорилось в директиве № 860.

— Донахью приезжал? — спросил Уайт у Камберленда.

Камберленд открыл глаза и ответил сонным го-лосом:

— Капитан-лейтенант Донахью звонил и просил позвонить ему домой, когда будет перевод... Я ему стал передавать содержание, но он положил трубку...

Пейдж беззвучно рассмеялся.

— Не положил трубку, а выронил. Он не привык к темпу вашей речи и заснул.

Уайт позвонил Донахью.

— Это я, Уолт. Имеется интересная штучка.

— Насчет ветра? — быстро спросил Донахью.

— Связана с ветром, но только не с тем, кото-рого ты ждешь. Приедешь?

Донахью явился спустя минут сорок. От него пах-ло вином и женскими духами. Прочитав телеграмму, он зевнул и пожал плечами.

— Очевидно, одна из машинок испортилась и пришлют новую. Посмотрим, что будет дальше.

— По-твоему, снова ничего особенного? — спро-

сил Уайт. — Директива о сожжении шифров и прочих секретных документов тебя не волнует?

— Речь идет об уничтожении старых шифров и бумаг. Такие аутодафе устраиваются время от времени в любом учреждении. А шифровальная машинка остается, и «магия» будет поступать по-прежнему. И шифры «О» и «Эл» остаются в силе. Поэтому я не волнуюсь. — Увидев, что Уайт хочет что-то сказать, Донахью поднял руку. — К твоему сведению, наша радиоразведка на Гуаме перехватила сегодня японскую радиограмму, из которой явствует, что весь объединенный флот Японии находится во Внутреннем море и в порту Саэги. А от нашего морского атташе в Токио получено сообщение о том, что командующий военно-морской базой в Йокосука разрешил увольнение на берег матросам и офицерам кораблей и они толпами шляются по улицам Токио и Йокогамы. Затем самый большой лайнер Японии «Тацута-мару» направился сегодня в Америку. Все это говорит о том, что рано поднимать панику. — Он повернулся к Пейджу и Камберленду. — Не волнуйтесь, мальчики, наверху все видят и все знают. Начальству с капитанского мостика виднее, чем вам из трюма. Спокойной ночи.

Он сделал знак Уайту. Они вышли из комнаты. Донахью спросил:

— Есть что-нибудь от твоей нимфы? Письмо или телеграмма?

— Нет. А что?

— Молчит?

— Да. А что?

— Очевидно, Уолш выполнил мою просьбу и установил с ней контакт.

— Какой контакт? Я ведь просил тебя оградить ее от Акино, а не о том, чтобы Уолш...

— Он должен был встретиться с ней и расспросить обо всем. Но коль скоро он установит с ней деловую связь, ей уже никому нельзя будет писать без его санкции.

— Значит, и мои письма будут проходить через негласную военную цензуру?

— Конечно.

— Это безобразия! Я же тебя просил...

Донахью взял Уайта под руку.

— Не волнуйся. Она пришлет тебе письмо, но будет писать только о своих нежных чувствах к тебе. Для тебя это важнее. Дело в том, что я вчера получил радиogramму от Уолша. Очевидно, он заинтересовался твоей Чио-Чио-сан, и все будет великолепно, если только ее не подставила к нам токийская разведка. Уолш сообщает, что этот японец Акино в высшей степени подозрителен. И знаешь, о чем еще говорится в радиogramме? О том, что Эф-Би-Ай в Гонолулу, кажется, нащупало советскую агентуру. Вот это будет великолепно!

— А к этому делу не пристегнут Марико?

— Вряд ли.

— Я ей напишу сегодня.

Донахью приложил палец к губам.

— О том, что я тебе сказал как друг, ни слова. То, что мне сообщил Уолш, служебная тайна. Не подводи меня. Пиши ей только о любви.

Уайт повернулся и пошел в бюро. Донахью окликнул его:

— Можешь намекнуть ей, что скоро проиграешь пари и передашь ее мне. И что все будет великолепно!

3 декабря

Кита заканчивал обед — доедал ломтики соленых овощей, запивая их чаем, — когда к нему вошел Нисина. Он был сильно взволнован, у него часто дергалась щека.

— У меня срочная новость, — сказал он. — Окончательно подтверждается — «Лексингтон» выйдет послезавтра, в пятницу. Кюн говорит, что это совершенно точно.

— А куда направится?

— На Мидуэй. Он сопровождает транспорты, которые доставят самолеты на остров.

— Значит, наши августовские сведения подтвер-

дились. — Кита взял зубочистку в рот. — Очень хорошие новости, спасибо.

Дверь открылась. Показалась голова Моримуры. Он передал Кита запечатанный конверт.

— Абэ привез записку от Баллиганта. Очень срочно.

— А где Абэ?

— В саду.

— Пусть ждет.

Моримура и Нисина ушли. Кита извлек из конверта записку, написанную карандашом.

Начальник контрразведки Уолш сообщил нам, что «накол» японца Акино и следит за ним через японку-студентку Хаями. Мне теперь стало ясно: а) студентка с самого начала действовала по заданиям Уолша; б) Акино с самого начала был вашим человеком, но вы нарочно не говорили мне, чтобы проверить его работу через меня.

Я боюсь: а) студентка может вытянуть у Акино сведения насчет вашей работы и наших отношений. Акино, наверное, что-нибудь знает; б) студентка ходит в аптеку Ан Гван Су, наверное, тоже по заданиям Уолша. Значит, он нацелился и на корейца и может выхватить это дело из-под моего носа.

Студентку надо немедленно вывести из игры, но сделать это чисто. Она опасна для всех нас. Если Акино провалится, он выдаст и вас, а потом и мне какую. Надо предупредить катастрофу.
ЕЕЕ

Прочитав записку, Кита сжег ее и пошел в сад. Абэ стоял у беседки за кустами магнолий.

— Идэ встречается с Хаями Марико? — спросил Кита.

— Да, позавчера днем заходил к ней. А вчера я опять возил к ней домой японские лекарства и книги.

— А он следит за ней? Не подозревает?

— Не знаю, мне ничего не говорил.

— Он не заметил слежки за собой?

— Кажется, нет. А то сказал бы мне.

— Как у него дела вообще?

— Собирается завести знакомства с японками на телефонной станции. Затем уже ездил два раза в сторону Кахуку. — Абэ усмехнулся. — Видно, топчется, хочет поскорее начать.

Кита плюнул на цветы.

— Начнет раньше времени и напортит. — Подумавай немного, он приказал Абэ: — Передай ему сегодня же, чтобы связался со мной. Как можно скорей.

— Он собирался сегодня поехать на моторке на Мауи.

— На Мауи? — испуганно переспросил Кита. — Постарайся захватить его до отъезда. И сообщай мне все о нем и о Хаями Марико. Действуй.

Абэ поклонился, повернулся по-военному и побегал по дорожке к задней калитке сада.

4 декабря

После ужина в закусочной отеля Уайт поднялся в холл первого этажа и направился к портье, чтобы взять ключ от номера. Старичок портье подошел к полке с письмами.

— Мистер Уайт, только что одна дама оставила вам письмо, — сказал он. — Судя по всему, она приехала откуда-то.

Уайт прочитал на конверте надпись: «Марико просила доставить Вам в отель это письмо. Я выполняю ее поручение. К.».

Письмо Марико было очень короткое — она, очевидно, торопилась.

Дорогой Ник!

Пересылаю с приятельницей мамы письмо, она жена военного, летит в Вашингтон.

Мне запрещено писать Вам. Меня вызывал к себе капитан Уолш. Он стал меня довольно грубо расспрашивать о характере моего знакомства с Акино, сделал циничный намек, я рассердилась. Тогда он заявил, что я, вероятно, работаю в пользу других стран. Я ему надерзила и ушла. Акино тоже подозревает меня. За мной начали следить — только не знаю кто: Уолш или Акино. Вчера ночью, когда я подъезжала домой на велосипеде, вдруг из-за поворота выскочила машина с потушенными фарами, чуть не сбила меня. Мне страшно. Может быть, меня хотят убить. Посоветуйте, Ник, как быть.

Ваша М.

Уайт поднялся в номер и позвонил Донахью домой. Но там ответили, что его только что вызвали

куда-то. Уайт нашел Донахью на работе. Выслушав Уайта, Донахью сказал:

— Я читал телеграмму Уолша. Там очень любопытное дело — нащупали гнездо русских агентов, и твоя девица, кажется, связана с главарем.

— Это дикая чушь! Уолш набитый дурак!

— Не ори. Я ответил Уолшу, чтобы он хорошенько проверил. Но я все-таки думаю...

— Я полечу туда сегодня же ночью.

— Не сходи с ума. Тебе не разрешат. Приезжай ко мне. От армейцев поступила интересная штука. Хлопнешься в обморок. Начинается новая глава истории!

— А что такое?

— По телефону нельзя. Лети сюда.

В кабинете Донахью, несмотря на поздний час, собрались почти все работники Т-бюро и дешифровального отдела Сэффорда. Все были очень возбуждены. Пейдж, Камберленд и Гейша сидели на диване в углу и спорили. Пейдж вскакивал и размахивал руками. Около них толпились дешифровщики.

— Получается великолепно! — Донахью ударил обеими руками по столу. — Час тому назад армейцы поймали японский сигнал, тот самый, о котором говорилось в «магии» от восемнадцатого. После передачи последних известий на японском языке для заграницы был дан вот этот сигнал. Он протянул Уайту листок со штампом в верхнем углу: «Совершенно секретно. Чрезвычайно срочно».

Уайт прочитал:

4.12.41. 22.00 по Гринвичу
Токио, станция ГУЗВ
Сводка погоды

В районе Токио сегодня ветер северный, постепенно будет усиливаться, возможна облачность. В районе префектуры Канагава сегодня ветер северный, облачно. В районе префектуры Тиба ветер северный, ясно, ожидается появление облаков, на море спокойно *.

* Этот текст японской радиопередачи фигурирует в материалах Объединенной комиссии палаты представителей и сената США по расследованию событий в Пёрл-Харборе, работавшей с 15 ноября 1945 г. по 31 мая 1946 г.

— Ну, как? — спросил Донахью, играя золотым карандашиком. — Нокаутирован? Ты проиграл пари.

К Уайту подошел Пейдж и стал рассказывать. Как только радиоразведка армейцев перехватила эту сводку погоды, полковник Сатлер сейчас же сообщил Крамеру, а тот известил Донахью и Макколла, и все, кроме Макколла, помчались к Уилкинсону. Тот потащил всех к Тернеру — дальше пошло по цепочке вверх. Генерал Маршалл и адмирал Старк прибыли в Белый дом почти одновременно для доклада президенту и, узнав, что он за городом, поехали в Уорм-Спрингс. Еще не вернулись.

— А почему Макколл не побежал к начальству? — спросил Уайт.

Гейша скорчил гримасу.

— Он считает, что надо еще подождать, проверить как следует. В общем сомневается. Он из породы тех, кто до сих пор сомневается в том, что Земля круглая.

Уайт нахмурился и стал кусать губы. Гейша посмотрел в сторону Пейджа и Камберленда и усмехнулся.

— Эти тоже не верят.

— Никки, у тебя очень кислая физиономия. — Донахью рассмеялся. — Жалеешь, что проиграл свою наяду? Придется проститься с ней.

— Я считаю, что все это ерунда, — громко произнес Уайт. Голос его слегка дрожал. В кабинете вдруг стало тихо. Уайт продолжал: — Просто сводка погоды в обычной токийской радиопередаче, а не условный сигнал.

Офицер из отдела Сэффорда прыснул и махнул рукой. Кое-кто засмеялся. Донахью покачал головой.

— Увы, Никки, на этот раз ты просто упрямисься. Не ставь себя в смешное положение. И боже упаси, не говори об этом начальникам. Я-то знаю тебя и твои чудачества, а они решат, что ты... что у тебя...

Он постучал согнутым пальцем по лбу, встал из-за стола и, высоко подняв голову, вышел из комна-

ты. Следом за ним поднялся Гейша. Пейдж и Камберленд подошли к Уайту.

— Капитан третьего ранга Макколл сегодня утром, — начал Камберленд, — предложил послать командующему тихоокеанским флотом адмиралу Киммелу предупреждение. — Потерев подбородок, Камберленд продолжал: — Предупреждение насчет возможности нападения японцев. Но... знаете, что получилось?

— Ну?

— Представьте себе...

— Что? — Уайт топнул ногой. — Я вас когда-нибудь убью!

Камберленд потер подбородок и улыбнулся.

— Уилкинсон вежливо выслушал Макколл и отверг его предложение. Тогда Макколл пошел к контр-адмиралу Тернеру, но тот тоже сказал, что для тревоги нет оснований.

— Наши начальники будут всю ночь ждать сообщений о начале войны между Японией и Россией, — сказал сквозь зубы Пейдж. — Теперь они думают только об этом.

Они вышли в коридор. У лифтов толпились флотские и армейские офицеры, вызванные в неурочное время.

За дверью одной из комнат послышались звуки, похожие на револьверные выстрелы. Дверь открылась, на пороге показался раскрасневшийся Гейша. Он махнул рукой Уайту.

— Идите сюда и проходите прямо в кабинет контр-адмирала Ингерсола. Там выставлено шампанское из банкетного фонда. С разрешения Хозяина. Там все собрались — Тернер, Уилкинсон, Сэффорд... Идите!

Кто-то втолкнул Гейшу в комнату и закрыл дверь.

— Уже начали праздновать, — усмехнулся Уайт. — По-моему, рановато.

Пейдж посмотрел на Уайта.

— Пойти выпить, что ли? — Он чмокнул губами. — Даровое шампанское. Хочу выпить за то, что-

бы наши начальники поумнели и перестали бы дурачить самих себя.

Хлопанье пробок за дверью продолжалось.

5 декабря

Кита назначил Идэ встречу на втором этаже китайского рестораника на Ривер-стрит. Идэ явился точно в двенадцать.

Он чинно поклонился, принес извинение за совершенную в прошлый раз бесцеремонность и поблагодарил за все заботы — был безукоризненно учтив.

Но, закончив этикетную часть, резким тоном произнес:

— Вы передали мне Абэ, но все время вызываете его и даете разные поручения. Прошу больше не отвлекать его. Он должен находиться у меня под рукой.

— Он мне тоже нужен, — сухо сказал Кита. — Я в порядке любезности предоставил вам возможность пользоваться иногда услугами Абэ. Но он мой человек, и я могу распоряжаться им...

— Он уже посвящен в мои дела, следовательно, стал моим работником, — тихо произнес Идэ. — Я ему запретил являться к вам и предупредил: если ослушается, будет уничтожен.

— Как вы смеете! — крикнул Кита. — Я решительно...

— Тише, — прошипел Идэ, — услышат внизу. Держите себя в руках. Абэ больше к вам не придет. С этим вопросом покончено. — Он вежливо поклонился. — Большое спасибо, я получил через Абэ японские консервы, очень тронут. Что вы хотели мне сообщить?

Кита взял себя в руки.

— А я благодарю за коралловое ожерелье для моей жены, большое спасибо. Должен вам сообщить неприятную новость. Эта студентка, Хаями Марико, с которой вы встречаетесь, связана с начальником контрразведки Уолшем.

— Она ходит в отель «Хавайян 'кинг», — сказал Идэ, скривив рот.

— Вы знаете?

— Я не такой уж разиня. Я приказал Абэ следить за ней, и он выследил. Значит, там явка контрразведки?

— Да. Девяносто девятый номер на втором этаже.

Идэ наклонил голову, как будто к чему-то прислушивался. Потом спокойно сказал:

— Придется ее немедленно зачеркнуть.

— Боюсь, что она уже сказала о вас и за вами установлено наблюдение.

— Я ее еще не вербовал и никаких секретных разговоров с ней не вел. Вряд ли простое знакомство холостого мужчины с девицей может показаться американской контрразведке подозрительным. Но все равно ее надо убрать. — Идэ пристально посмотрел на Кита. — Выходит, что вы подсунули мне американскую шпионку?

— Я не подсовывал ее. Вы сами просили.

— Вы должны были проверить ее.

— Ее завербовали после того, как она стала встречаться с вами. Это вы должны были проверить ее и раскусить. А вы с непростительной...

Идэ перебил его:

— Во всяком случае, я благодарен вам за предупреждение, приму меры.

— И как можно скорее. Проверяйте, нет ли слежки за вами. Берегите себя.

— Спасибо. И вы берегите себя.

Идэ откланялся и быстро ушел. Кита вызвал хозяина ресторанчика — японца и стал расспрашивать о том, что ему сказал Кюн при последней встрече. Разговор их прервал Моримура. Взглянув на него, Кита торопливо буркнул хозяину ресторанчика:

— Мы поговорим после. Идите.

Как только хозяин вышел из каморки, Кита спросил Моримуру:

— Началось? У вас такой вид...

— Я торопился. Идэ скоро придет?

Узнав о том, что Идэ уже был, Моримура с досады махнул рукой. Он только что с пристани, где виделся со связным — капитан-лейтенантом Томии, который заезжал в Гонолулу на пароходе, идущем в Чили. Связной поделился самыми свежими новостями, просил передать их генконсулу Кита и Идэ.

Главные силы флота во Внутреннем море и части базовой авиации в районе Кюсю проводят с середины ноября ложный обмен радиogramмами, чтобы создать у американцев и англичан впечатление, будто авианосное оперативное соединение вице-адмирала Нагумо находится в японских водах, а соединение тем временем на всех парах идет к Гавайям. Второго декабря из Йокогамы вышел пароход «Тацута-мару». Объявлено, что он направился в Сан-Франциско с заходом в Гонолулу. Но капитану парохода вручили пакет, в котором содержался приказ: выйти в океан и начать делать петли с таким расчетом, чтобы к восьмому декабря оказаться у берегов Японии. В Токио и Йокогаме в последние дни появилось много матросов, якобы получивших увольнительные из военно-морской базы Йокосука. Матросы — переодетые солдаты гвардейской дивизии. Все эти мероприятия должны дезориентировать американцев.

— Судя по местному командованию, — усмехнулся Кита, — они не ждут гостей.

Моримура сказал:

— Связной просил сегодня и завтра ночью давать предельно точную информацию о гавани с помощью береговой сигнализации. И затем просил вручить Идэ вот эту зашифрованную записку — он знает шифр. Но записку нужно передать только после того, как вы получите приказ о сожжении шифров.

Кита взял записку. Текст ее состоял из цифр и кончался тремя латинскими буквами — QQQ.

6 декабря

Незадолго до полудня армейские дешифровщики перехватили телеграмму из Токио за № 901 на имя посла Номура. Копия перевода «магии» была переслана для сведения в Т-бюро.

«Магия» гласила:

1. Правительство тщательно рассмотрело предложения Америки от 26 ноября и в результате рассмотрения составило меморандум, являющийся нашим ответом Америке. Он будет послан телеграммой на английском языке.

2. Текст меморандума весьма большой. Будет разбит на 14 частей. В полном виде текст вы будете иметь завтра, но пока сказать нельзя. Ситуация сейчас крайне деликатная. Прошу по получении текста меморандума не оглашать его сразу.

3. Относительно времени вручения меморандума Америке вы будете извещены отдельной телеграммой. За это время просим переписать текст начисто и подготовиться к тому, чтобы передать меморандум американской стороне сразу же после получения от нас указания.

Затем стали поступать телеграммы с текстом меморандума — в нем подводились итоги японо-американских переговоров. Текст меморандума был на английском языке, перевода не требовалось. Поэтому армейские и флотские дешифровщики закончили обработку всех тринадцати частей довольно быстро — к девяти часам вечера.

Но четырнадцатой части с окончанием меморандума еще не было. Эта часть могла поступить в любой момент. Поэтому всем работникам бюро было приказано от имени Уилкинсона сидеть на месте, никуда не уходить. Субботний вечер был испорчен.

Приказание Уилкинсона передал всем Гейша. Он добавил:

— Придется, вероятно, сидеть до утра. Всем рекомендуется позвонить, куда надо, и отложить любовные свидания, назначенные на сегодняшний вечер.

Уайт дважды перечитал текст телеграммы № 901 и сказал Пейджу:

— Все ясно. Завтра из Токио пришлют телеграмму с точным указанием часа, когда следует вручить этот меморандум Хэллу. И в момент вручения будет объявлено о начале войны.

Камберленд что-то промышал. Пейдж смотрел на него и ждал. Наконец Камберленд изрек:

— Они сперва нападут, а потом провозгласят состояние войны.

— Это вошло у них в традицию, — согласился Пейдж.

Гейша наклонился к Уайту.

— А я сейчас был в секретариате Нокса. Ходят слухи, что японский объединенный флот под командованием адмирала Ямамото идет к Владивостоку. Уже прошел пролив Цугару.

Уайт покачал головой.

— Наверху ждут не дождутся... *Sit pro ratione voluntas.*

— А что это значит? — спросил Гейша.

— Из Ювенала, — объяснил Пейдж. — «Да будет воля моя вместо всяких резонов».

— Позвольте, сигнал же был, — сказал Гейша. — Мы перехватили его четвертого и вчера. И оба раза была сводка погоды насчет «северного ветра».

Вошел с папкой лейтенант из отдела Сэффорда.

— Какие новости? — спросил у него Пейдж.

— Из Лондона получено сообщение: крупное соединение японских крейсеров и транспортов направляется к Малайе, — сказал лейтенант и вышел из комнаты.

— Эти сведения более правдоподобны, — Камберленд кивнул в сторону Гейши, — чем его.

Гейша пожал плечами.

— Но разведывательная сводка, выпущенная штабом сухопутных войск неделю назад, остается в силе. Официальную установку армейцев разделяет и наше командование. И это теперь подтверждено перехваченными сигналами. Японцы нападут на русских.

Пейдж потянулся и громко зевнул.

— Неужели придется вот так сидеть всю ночь и ждать окончания меморандума? А что делает начальство? Тоже сидит и ждет?

Гейша сказал, что все начальники: капитан первого ранга Уилкинсон, контр-адмирал Ингерсол и

контр-адмирал Тернер — разъехались по домам. Первым уехал адмирал Старк; он сегодня пойдет с супругой в театр «Националь».

— А меморандум, над которым ребята Крамера корпели целый день, кто-нибудь из начальников читал? — спросил Уайт.

— Нет, — ответил Гейша, — Крамер отнес его Уилкинсону, но на нем все застопорилось. У армейцев тоже дальше начальника дальневосточного отдела полковника Банди не пошло. Ни Маршалл, ни Стимсон не читали. Все ждут новостей по другой линии.

— А где Донахью? — удивился Пейдж. — Сегодня ни разу не заходил к нам.

Камберленд фыркнул.

— Ему не до нас. Все время торчит в отделе дешифровки у капитана второго ранга Сэффорда. Оба ждут сообщений... о Владивостоке или Чите. Хотят узнать первыми.

— Час назад мне звонил корреспондент «Чикаго трибюн», — сказал Гейша. — Он узнал, что началось восстание в Сибири, повстанцы захватили Тюмень. В Москве идут уличные бои, город горит...

Раздался телефонный звонок. Уайт взял трубку. Звонили от Сэффорда — расшифрована новая «магия». Уайт попросил Гейшу сходить за ней. В телеграмме, датированной пятым декабря и отправленной генконсулом из Гонолулу министру иностранных дел в Токио, говорилось:

1. 5-го прибыли три линкора, о которых сообщалось в вашей телеграмме за № 239, посланной в пятницу утром. Предполагается, что эти линкоры 8-го выйдут из гавани.

2. 5-го «Лексингтон» и пять тяжелых крейсеров вышли из гавани.

3. 5-го пополудни в гавани находилось: 8 линкоров, 3 легких крейсера и 16 эсминцев.

Пейдж свистнул:

— «Лексингтон» вышел из Пёрл-Харбора! А до этого ушел «Энтерпрайз». Там не осталось ни одного авианосца.

— И ни одного тяжелого крейсера нового типа, — сказал Камберленд.

Уайт захлопнул японскую книжку с яркой матерчатой обложкой и возмущенно произнес:

— Все начальники разъехались по домам и театрам, а нас держат. — Он кивнул головой Гейше. — Пойдите на рекогносцировку, узнайте, как дела.

Гейша вскоре вернулся с видом победителя. Он доложил, что флагманский адъютант Хозяина Уэллборн сперва вообще не хотел разговаривать. Но Гейша показал ему фокус с канцелярскими скрепками, очень смешной и не совсем приличный, специально для дам. Потом рассказал сносшибательный анекдот насчет римского папы и Греты Гарбо. Уэллборн совершенно размяк от смеха и разрешил всем идти домой. А те, кто будет ночевать вне дома, должны оставить номера телефонов своих возлюбленных.

Уайт и Пейдж поехали в отель. Уайт прошел к себе и, приняв ванну, завалился спать. Его разбудил телефонный звонок. Снизу звонил портье: на имя Уайта пришла телеграмма.

— Откуда? — спросил сердито Уайт.

— Из Гонолулу.

— Скорей принесите. Большое спасибо!

Негр-лифтер доставил телеграмму и получил два доллара. Отправитель — Айун Хаями. Уайт не сразу сообразил, что это мать Марико. Она сообщала, что вчера за Марико пришел молодой японец, она отправилась с ним провести подругу и с тех пор не возвращалась. Мать просила выяснить, не арестована ли Марико. А может быть, стряслось более страшное. Необходимо принять срочные меры.

Уайт позвонил Донахью на квартиру. Тот еще не спал. Узнав, что это звонит Уайт, Донахью быстро спросил:

— Есть что-нибудь? Напали?

— Кто напал?

— Начали против русских?

— Нет, не об этом. Марико исчезла. Получил телеграмму от ее матери.

— А я думал, что звонишь из бюро... Насчет твоей девицы говорил с Уолшем, он прилетел сегодня докладывать очень интересное дело. Обнаружена русская агентура во главе с хорошо замаскированным корейцем. А с твоей пассией Уолш порвал связь: подозревает ее.

— Он безмозглый идиот. Ее не могли арестовать? Может быть, Эф-Би-Ай? Надо срочно выяснить.

— Знаешь что?.. Там сейчас Шривер, он замещает Уолша. Вот это идея! Я позвоню ему и попрошу от твоего имени разыскать ее. И скажу ему, что она твоя...

— Скажи, что она моя невеста! — крикнул Уайт.

Помолчав немного, Донахью сказал серьезным тоном:

— Не думал, что дело пойдет так далеко... Ну что же, поздравляю, очень рад. Сейчас же закажу радиотелефонную связь и вызову Шривера. Можешь положиться на меня.

— Большое спасибо, Уолт. Ты настоящий друг.

— Не волнуйся, Ник. Твою наяду найдем живой или ме... то есть найдем непременно. Спокойной ночи.

— А сегодняшнюю «магию» читал? Она означает, что разговоры закончены, дальше — «восточный ветер», «ураган».

— Не торопись с выводами. Сегодняшняя штука — изложение их позиции, подведение итогов перед новым этапом переговоров. Не пугай, себя, Никки. Прими бром.

7 декабря

Начинался рассвет. Небо над океаном постепенно розовело и синело. Кита вытер лицо рукавом. Он был в фуфайке и холщовых штанах. Все остальные чины генконсульства тоже в грязных рубашках и штанах, испачканных землей и копотью, напоминали дорожных рабочих или рыбаков, ремонтирующих шлюпки.

Жгли бумаги, папки, тетради и использованные

копирки на кострах, разложенных вокруг маленького пруда недалеко от задней веранды главного здания. Работу начали после полуночи — как только получили из Вашингтона телеграмму с открытым текстом: «Сообщите, на какие торговые и географические журналы подписаться на будущий год, список пришлите в трех экземплярах». Это означало: «Жгите все шифры и документы, переходим на коротковолновую связь».

Пятилетний сынишка старшего шофера схватил папку-скоросшиватель с красной кожаной обложкой и побежал к гаражу. Его догнал сын делопроизводителя — одноленок — и стал отнимать папку. Мальчишки упали на траву, завизжали. К ним подбежала машинистка, отняла папку и бросила ее в костер. На папке было выведено тушью: «Секретные расходы за третий квартал».

На веранду вышел вице-консул Моримура и спросил у Кита:

— А как быть с портретом государя?

— Подождем. Все соберемся и совершим церемонию поклонения. — Кита показал на себя и на других. — В таком виде нельзя. Портрет будем предавать огню вместе с флагом.

Кита приказал всем чинам проверить личные архивы — письма от родных и знакомых из Японии и записные книжки. Если там содержатся какие-либо сведения о положении в Японии — все уничтожить. Ничто не должно достаться противнику.

Нисина, сев на корточки, тщательно размешивал пепел потухшего костра. Он сказал подошедшей машинистке:

— Я думал, что американцам покажутся подозрительными наши костры. А они совсем не обращают внимания.

— Полицейский, гаваец, спрашивал у привратника, а тот сказал, что жжет мусор и хворост. Полицейскому дали коробку сигар и альбом с эротическими гравюрами, и он ушел.

К Кита подошел Моримура.

— Там, у задней калитки, человек от Идэ. Гово-

рит: Идэ не может прийти — просит передать, что надо.

— Кто этот посланец? Абэ?

— Нет, молодой японец. Сделал все три парольных жеста.

Кита вытер руки о штаны и передал Моримуре связку ключей.

— Возьмите из стенного сейфа в моем кабинете маленькую зеленую папку, там зашифрованная записка на имя Идэ, которую привез позавчера связной. Дайте посланцу, пусть немедленно вручит Идэ.

— Что еще сказать Идэ?

— Пусть уничтожит все записи и бумаги. За каждый ключок, который попадется в руки врага, он отвечает головой.

7 декабря

Уайт заснул только под утро, но вскоре его разбудил Пейдж. Он звонил из бюро:

— Я не хотел тебя будить и поехал сначала на работу. Пришло окончание вчерашнего. Я уже вызвал всех, кроме Гейши — он не ночевал дома и оставил телефон своей бабушки. Заеду за тобой через полчаса.

Уайт принял холодный душ и, наскоро позавтракав, вышел на улицу. Его ждал Пейдж в машине.

Они поехали по совершенно пустынным улицам. У кафетерия около католической церкви выстроилась очередь желающих получить бесплатный воскресный завтрак. На лужайке сквера Лафайета резвились коричневые белки. Негры-расклейщики, вооруженные щетками на длинных шестах, мазали клеем стены домов и вывешивали новые объявления.

На столе Уайта лежали две переведенные телеграммы. Обе из Токио.

Первая — окончание меморандума, 14-я часть. В ней говорилось, что императорское правительство, убедившись в том, что дальнейшие переговоры бесполезны из-за позиции, занятой Америкой, прекращает

таковые, о чем с сожалением извещает правительство Америки.

Вторая телеграмма гласила:

Послу в Вашингтоне
№ 907

Чрезвычайно важная директива. Обоим послам надлежит передать наш ответ американскому правительству (желательно государственному секретарю) седьмого декабря в час дня по вашингтонскому времени.

Все столпились вокруг Уайта. Вошел Гейша с застывшим лицом и длинными узкими полосками пластыря на щеке. Уайт проверил переведенные телеграммы и поставил на них свой гриф.

— В час дня будет объявлена война, — хриплым от волнения голосом произнес Пейдж и вытер платком голову. — Они вручат Хэллу длиннущий меморандум и скажут: почитайте, сэр, эту писанину на досуге и разрешите объявить вам войну.

Камберленд покачал головой и хотел что-то сказать, но Гейша опередил его:

— Позвольте, в этой директиве сказано только: передать в час дня меморандум. А насчет объявления войны ничего нет. Пейдж явно фантазирует.

— Точное указание часа вручения меморандума, — заговорил Камберленд, — означает... знаете что? Что в этот момент японцы начнут военные действия.

— Войны всегда начинаются в воскресные утра, — торжественно проговорил Пейдж.

— Как же они начнут военные действия здесь? — развел руками Гейша. — Адмирал Номура и его подчиненные выедут на лодках в Тайдл-бассейн и, гаркнув «банзай», дадут залп по Белому дому? Так?

Уайт хлопнул ладонью по телеграммам.

— Все ясно. В тот момент, когда в Вашингтоне будет ровно час дня, они нападут где-нибудь. Но где?

Пейдж открыл атлас и нашел карту поясного времени.

— Линия перемены дат... а это линия Гринвича...

— Нападение будет совершено там, — сказал Камберленд, — где в момент вручения меморандума в Вашингтоне будет раннее утро.

— Где будет уже достаточно светло, — заметил Пейдж, — чтобы было удобнее провести бомбежку.

— Когда у нас час дня, на Филиппинах час ночи, — сказал Камберленд. — Значит, не подходит. На Уэйке и Мидузе тоже слишком рано, еще темно.

Уайт ткнул пальцем в карту.

— Вот тут будет семь тридцать утра — на Гавайях. Как раз подходит.

Пейдж кивнул.

— Правильно! В момент вручения меморандума они трахнут по Пёрл-Харбору.

— Если японцы и начнут военные действия против нас, — сказал Гейша, — то сперва разорвут дипломатические отношения и лишь после этого объявят войну.

Пейдж показал на Гейшу.

— На него будут падать бомбы, а он будет твердить: не беспокойтесь, нам никто еще не объявлял войну.

Уайт взял обе «магии» и пошел к Донахью, но тот еще не явился на работу. Макколл был у себя — он не уезжал домой, ночевал в кабинете.

Прочитав обе телеграммы, Макколл сдавленным голосом произнес:

— Все ясно: война.

Уайт посмотрел на стенные часы.

— В час дня по местному времени, а в Пёрл-Харборе будет семь тридцать.

— Я тоже об этом подумал, — сказал Макколл и стал тереть виски.

Потом медленно встал, положил обе телеграммы в папку и взял под руку Уайта.

— Пойду искать кого-нибудь из командования. Надо скорей дать знать на Гавайи.

Уайт вернулся в бюро. Спустя некоторое время Гейша сходил к адъютантам Старка и сообщил, что никого из начальства еще нет. Уилкинсон и Ингерсол поехали в Маунт-Вернон играть в гольф, Тернер в церкви, а Хозяин ответил Макколлу, что приедет в 9.30, после прогулки. Он, оказывается, еще совсем не читал вчерашние сводки и не знал ничего о меморан-

думе. Макколл побегал к армейцам. Там застал такую же картину — Майлс, Джероу и Банди в церкви, оттуда все поедут на стадион «Грифис», где будет интересный футбольный матч. А генерал Маршалл поехал кататься на лошади. Приедет на работу не раньше одиннадцати. Он тоже не читал вчерашних телеграмм.

— Как будто сговорились, — простонал Пейдж. — Через несколько часов начнется война, а начальство прохлаждается. Чудовищно!

— Их интересует одно: подтверждение той самой сводки погоды, — сказал Уайт. — Массовое помешательство.

Из дешифровального сектора поступили еще три новые «магии». Уайт спросил:

— Насчет часа вручения меморандума была девятьсот седьмая?

— Да, — ответил Пейдж. — Есть продолжение?

— Девятьсот восьмая, девятая и десятая.

— Может быть, новые директивы?

Гейша вскочил и всплеснул руками.

— А вдруг насчет...

— Наверное, японцы захватили с воздуха Омск, — громко сказал Камберленд.

Все засмеялись. Телеграммы были короткие: их переправили быстро.

В телеграммах № 908 и № 909 министр иностранных дел Того благодарил послов Номура и Курусу и всех чинов посольства за их усердную и самоотверженную работу.

А в телеграмме № 910 говорилось:

После дешифровки наших телеграмм № 902, часть 14-я, 907, 908, 909 и № 910 немедленно уничтожьте остающуюся у вас шифровальную машинку и все шифры. Ликвидируйте также все без исключения секретные документы.

Уайт передал телеграмму Пейджу.

— Отнеси это Макколлу. Надо сейчас же сообщить адмиралу Киммелу и генералу Шорту. Еще есть время. Сейчас десять, а на Гавайях половина пятого утра.

Пейдж выбежал из комнаты, за ним Гейша.

Уайт стал звонить Донахью домой. Донахью только что вернулся — после церкви был на теннисном корте.

— Уолт, скорей приезжай. «Восточный ветер». Совершенно точно.

— Сейчас приеду. Только не паникуй.

— Звонил в Гонолулу Шриверу?

— Да. Поднял его с постели. Он обещал принять срочные меры и просил позвонить ему позже.

— Когда?

— В восемь утра. Здесь будет половина второго дня. Сейчас приеду.

Уайт положил трубку. Вошел Пейдж, сел за свой стол и протяжно вздохнул.

— Послали предупреждение? — спросил Уайт.

Пейдж подпер голову руками и стал докладывать. Хозяин наконец-то прибыл на работу. Сейчас же к нему явился Макколла и предложил послать предупреждение на Гавайи. Но Старк сказал, что если и будет нападение, то только на Манилу или Гуам, а там уже предупреждены. В общем Макколла ничего не добился. Уилкинсон и Ингерсол еще не приехали в штаб. У армейцев тоже царит спокойствие. Генерал Маршалл еще не закончил прогулку, он придет не раньше половины двенадцатого. Ближайших помощников Маршалла тоже нет. Военный министр Стимсон и морской министр Нокс — дома, собираются к Хэллу, затем направятся вместе на стадион.

Уайт ударил кулаком по столу.

— Опоздаем! Не успеем предупредить Киммела и Шорта!

— Время идет... — Пейдж посмотрел на стенные часы, потом на настольные. — Схожу еще раз к Макколла. У меня сейчас лопнет сердце.

Он вышел из комнаты. Уайт позвонил Донахью домой. Женский голос ответил, что капитан третьего ранга Донахью — Уайт не знал, что Донахью произведен в следующий чин, — поехал с визитом в бразильское посольство.

Уайт швырнул трубку и крикнул:

— Сволочи! Все сволочи!

Дверь открылась, показалась голова Гейши.

— Только что прибыл контр-адмирал Тернер, проследовал к себе. Сейчас пришвартуется к столу. Попробуйте сунуться к нему.

Уайт пошел в управление морских операций к адъютанту Тернера и попросил доложить заместителю начальника управления, что у него очень срочное дело чрезвычайной важности.

Спустя несколько минут дверь бесшумно открылась. Вышел адъютант, за ним показалась изящная фигура Тернера. Он остановился в дверях, держа платок у виска.

— Мне сказали, что вы хотите сообщить что-то очень срочное и важное, — проговорил он с трудом и страдальчески поморщился. — О чем же?

— О предстоящем нападении японцев.

Тернер отнял платок от виска и громко спросил:

— Значит, сигнал был правильный?

Уайт махнул рукой.

— Речь идет не о том сигнале, о котором вы думаете, а совсем о другом. С минуты на минуту японцы нападут на нас... получен меморандум...

На лице Тернера появилась кислая гримаса.

— Ваши сводки я читаю и насчет меморандума знаю. Если у вас дело, идите к своему начальнику, Уилкинсону. У меня мигрень, а вы лезете...

Тернер сделал шаг назад и захлопнул дверь. Уайт посмотрел на адъютанта, прищурившего глаза, потом на дверь и громко сказал:

— Получился не тот ветер, а «восточный». Потому что вы все... — Он четко произнес непечатное слово и вышел в коридор.

Пёрл-Харбор

1

Стрелка часов неумолимо приближалась к цифре 1. Посол Номура ходил взад и вперед по кабинету. Он был одет для официальной встречи с Хэллом —

в визитке и брюках в полоску, но на ногах оставались домашние туфли. Посол Курусу терпеливо сидел на диване и курил, но вскоре тоже не выдержал и стал кружить по комнате.

Телеграммы с текстом меморандума были доставлены в посольство с большим опозданием. Их получали в Вашингтоне в течение всего вчерашнего дня, но вместо того чтобы посылать телеграммы адресату по мере получения, администрация телеграфа накапливала их и доставила в посольство кипу депеш только к вечеру.

Расшифровка телеграмм заняла всю ночь. Затем надо было отпечатать текст меморандума начисто на английском языке для вручения американскому правительству. Однако прибегать к помощи машинисток было категорически запрещено. Токио специально предупредил об этом. Машинистки — особы женского пола, а этот пол не предназначен для хранения государственных секретов. Поэтому на рассвете воскресного дня — 7 декабря — чины японского посольства в Вашингтоне, разделив между собой текст, засели за «ундервуды» и «ремингтоны» и стали печатать. Одни — указательными, другие — средними пальцами обеих рук.

Но в программу экзаменов на звание дипломатического чиновника не включено искусство машинописи. Поэтому печатание шло крайне медленно, и никакие поторапливания со стороны обоих послов не помогали. Наоборот, понукания нервировали и смущали переписчиков, пальцы их попадали не на те клавиши. А делать помарки было нельзя — в историческом документе, предъявляемом правительству другой страны, неудобно стирать резинкой буквы, а тем более забивать их. Приходилось вынимать испорченную страницу и закладывать новую.

Через каждые пять минут в комнату машинисток вбегали советник и первый секретарь, умоляющим шепотом повторяли: «Скорей, послы ждут!» — и сообщали, сколько минут осталось до часу дня: на этот час назначена встреча послов с государственным секретарем для вручения документа.

Готовые страницы по одной передавались в кабинет, где находились Номура и Курусу. Там в последний раз проверяли, нет ли опечаток, и некоторые страницы отсылали обратно для перепечатки.

К часу дня закончить печатание документа не удалось. Послу Номура пришлось попросить Хэлла отложить встречу до 1 часа 45 минут. Последняя страница меморандума была отпечатана ровно в 1 час 55 минут. К этому времени все посольство уже знало содержание трех последних телеграмм, полученных утром, — о том, что правительство благодарит всех за труды и приказывает уничтожить то, что до сих пор береглось как бесценное сокровище — шифровальную машинку и шифры.

Советник посольства, проверяя на ходу последнюю страницу, вбежал к послам. Номура схватил страницу, запихнул ее в папку и, вкладывая папку в портфель, заковылял к лестнице. Советник накинул на плечи адмирала пальто, кто-то из чиновников подскочил к послу со шляпой, но тот отмахнулся. Когда Номура усаживался в машину рядом с Курусу, подбежали с перепуганными лицами секретарь-драгоман и старшая горничная. В руках у горничной были ботинки — Номура чуть было не поехал к Хэллу в шлепанцах. С помощью горничной адмирал надел и зашнуровал ботинки. Курусу вдруг стал хлопать себя по карманам — обнаружил, что нет платка. Номура сердито крикнул и приказал шоферу ехать.

Послы прибыли в государственный департамент в начале третьего. Их заставили ждать 20 минут. За это время государственный секретарь закончил чтение последней сводки с полным текстом документа, который ему должны были вручить японские послы.

Войдя в кабинет Хэлла, послы молча поклонились и подошли к столу. Хэлл молча показал им на кресла, и они сели. Номура открыл портфель, извлек папку и протянул ее Хэллу. Тот раскрыл папку, сделал вид, что читает текст, небрежно перелистал страницы меморандума и, захлопнув папку, слегка дрожащим голосом произнес:

— За полвека моей государственной деятельности

я не видел еще подобного документа, наполненного таким количеством... — он вдохнул воздух и посмотрел в упор на адмирала, — гнусной лжи и грубых искажений.

Хэлл слегка привстал и дернул подбородком. Послы поднялись, оправили фалды сзади, молча поклонились и пошли к дверям. Выйдя в коридор, они увидели, что их ждет лифт — старичок лифтер держал дверцу открытой. Он, очевидно, знал, что на этот раз послы не задержатся.

Номура и Курусу спустились вниз, в холл, и взяли у гардеробщика пальто. Никто из чиновников азиатского отдела не провожал их.

Вернувшись в посольство, послы поднялись по главной лестнице и прошли в гостиную. Номура швырнул пальто на рояль, а Курусу прямо в пальто плюхнулся в кресло, засунул руку в карман и нашел там платок.

В гостиную вошел морской атташе и оставил дверь открытой. В соседней комнате гремел радиоприемник: передавали сообщение о налете японских бомбардировщиков на базу тихоокеанского флота США.

Жена советника с поклоном вошла в комнату, поставила на столик чайник и чашечки и, поклонившись, вышла. Номура налил чай себе и Курусу. Оба стали пить с громким прихлебыванием, послав к черту западный этикет.

Со стороны коридора доносилось гудение электрической бумагорезки. В ней перемалывались шифранты и дешифранты. Номура посмотрел на портрет императора над роялем, встал и поправил сзади фалды. Курусу снял пальто и тоже встал навтыжку. Оба посла одновременно отвесили поясной поклон изображению императора в парадном мундире — и в каскетке с белым султаном.

2

Донахью посмотрел на часы.

— Сейчас без четверти два. По гавайскому времени — восемь пятнадцать утра.

Уайт с нетерпением ждал. Сержант-телефонист отнял трубку от уха и доложил:

— Готово. У аппарата капитан-лейтенант Шривер. Слышимость неважная.

Донахью взял трубку:

— Это вы, Шривер? Говорит Донахью. Слышите меня? Передаю трубку Уайту, он сходит с ума.

Уайт схватил трубку, взглянув с благодарностью на своего друга. Тот сделал для Уайта все — добился в конце концов разрешения у контр-адмирала Нойза использовать его личный телефон особого назначения.

— Энди, доброе утро! Это я, Уайт. Как дела насчет... Алло, алло!

Уайт подул в трубку, но ничего не было слышно. Затем раздался какой-то свист, потом треск, опять свист, и, наконец, сквозь шум донесся голос Шривера:

— Алло, это Ник? Разговор прекращаю, у нас ад...

— Что?

— Ад, ад! Японские самолеты... минут десять тому назад начали. Все горит, все к черту!

Снова затрещало в трубке — все громче и громче. Уайт повернулся к Донахью и крикнул:

— Японцы бомбят Пёрл-Харбор! Недавно начали.

— Бомбят? — Донахью приоткрыл рот и поднес руку ко лбу. Потом потряс головой. — Н-не понимаю... Ведь был же сигнал... тот самый. Мы не могли спутать.

— Нет; спутали! — заорал Уайт. — Спутали!

— Надо сообщить, — пробормотал Донахью. — Идем.

Донахью побежал к Уилкинсону, а Уайт — в бюро. Дверь бюро была закрыта на ключ, все куда-то ушли. Вероятно, уже узнали обо всем и помчались в управление связи или в адъютантскую Хозяина.

Уайт направился в дешифровочный сектор. У лестницы его окликнул Донахью:

— Никки, мне приказано лететь на Гавайи. У Уолша гнойный аппендицит, его отвезли в госпи-

таль. Я оказал насчет тебя. Будешь допрашивать пленных японцев.

— А ты?

— У меня будет другое дело.

— Какое?

— После скажу.

— Когда летим?

— Через несколько часов. Приказано взять еще одного знающего японский. Кого возьмем?

— Пейджа.

— Великолепно. Разущи его и лети ко мне.

Уайт протянул ему руку.

— Уолт, спасибо тебе за все, ты настоящий друг. Донахью скорчил гримасу.

— Соберись поскорей.

8

Уже светало, когда они прилетели на аэродром в юго-западной части острова Оаху. Этот маленький учебный аэродром пострадал не так сильно, как другие. Их встретил Шривер. Он был без фуражки, в рубашке морского пехотинца и в брюках, изодранных и испачканных кровью и копотью. У остальных чинов флотской контрразведки был такой же вид.

— Ранены? — вскрикнул Донахью, спрыгнув с трапа на траву.

Шривер устало улыбнулся.

— Нет, помогал перетаскивать убитых и раненых.

— Арестовали того корейца?

— Какого?

— Как какого? Главаря красной агентуры.

Шривер дернул плечом:

— Ах, вы вот о чем! Это дело ведет Эф-Би-Ай. Не знаю.

Донахью хлопнул себя по бокам.

— Как не знаете? Это же очень важное дело!

— Сейчас надо заниматься не этим.

— Везите меня прямо в Эф-Би-Ай.

Шривер показал на машину.

— Хорошо. Мы поедem не в Пёрл-Харбор, там сей-

час орудуют санитары, саперы и пожарники, а в Гонолулу. Моя оперативная группа обосновалась в здании японской школы. Я держу связь с армейской контрразведкой и местным отделом Эф-Би-Ай.

По дороге в Гонолулу Шривер рассказал о том, как все произошло вчера, седьмого декабря.

Утро выдалось замечательное — ни одного облачка, никакого ветра. Гавань напоминала озеро в парке. Как положено в воскресенье, сигнал побудки на кораблях дали позже — в семь. После утренней поверки большинство офицеров и матросов собирались сойти на берег. На набережной и на всех улицах, ведущих к причалам, столпились легковые машины, автобусы и грузовики. Во многих машинах сидели женщины и дети. Они приехали встречать мужей и отцов.

Сигнал подъема флага был подан без пяти восемь. Прозвучали горны. И как только они замолкли, над островом Форд послышалось жужжание. Через несколько секунд со всех сторон показалось множество самолетов. Все они летели прямо к гавани, плотно забитой кораблями. Гавань напоминала раковину кухонной мойки, заставленной посудой после званого ужина.

Только успели подумать, что это за самолеты, как вдруг некоторые из них стремительно снизились. На их крыльях отчетливо виднелись красные круги — японские опознавательные знаки. И в тот же момент посыпались бомбы и торпеды на линкоры, пришвартованные друг к другу у причалов острова Форд. Затем — на остальные корабли, стоящие на рейде и в доках. Через несколько минут взорвался линкор «Аризона». Его артиллерийский погреб взлетел на воздух. Нефть, выброшенная во все стороны из цистерн, воспламенилась. Четыре торпеды попали в «Оклахому» — там перед проверкой открыли все двери и люки. Их не успели задраить. Линкор перевернулся на глазах у всех килем вверх, почти никто из экипажа не спасся. Гавань, где несколько минут назад царило безмятежное спокойствие воскресного утра, мгновенно превратилась в бурлящий, полыхающий кратер гигантского вулкана.

Одновременно с налетом на корабли были атакованы аэродромы армейской и флотской авиации. В последние дни в Гонолулу распространились слухи о том, что на всех островах готовится нападение японской «пятой колонны» на военные объекты. Поэтому на всех аэродромах самолеты были установлены аккуратными плотными рядами, чтобы их легче можно было охранять от диверсантов.

Но вместо земных диверсантов нагрянули небесные. Они расстреливали в упор и сжигали на земле самолеты, расставленные так, чтобы служить идеальными мишенями. Аэродромы Хикэм, Эва, Уилер, Канеохэ, Бэлоуз и Халеова превратились в огромные костры, роль хвороста в которых выполняли несколько сот американских самолетов.

Атаки с воздуха продолжались до 9.20. Сделав все, что можно было сделать, японские самолеты улетели. Базы тихоокеанского флота Америки как не бывало. Теперь это бухта, забитая железным ломом и трупами.

Потери еще подсчитываются. Уже известно, что убито и ранено около четырех тысяч моряков и армейцев; потоплено четыре линкора и четыре основательно потрепаны; несколько крейсеров и эсминцев тоже пострадали. Японцы потеряли два десятка самолетов и несколько подлодок. В общем американский флот получил удар в челюсть в первые же секунды схватки. Какое счастье, что двух авианосцев и пяти тяжелых крейсеров нового типа в это утро не оказалось в гавани!

Рассказ Шривера потряс всех. Донахью спросил:

— Сколько взято в плен?

— Кого? — спросил Шривер.

— Японских офицеров и солдат.

— Ни одного. Но по приказу из Вашингтона взяли в плен почти всех местных японских жителей. На них отыгрываются.

— У меня вопрос, Энди, — сказал Уайт. — Здешнее командование было предупреждено о возможности нападения?

Шривер ответил:

— Адмирал Киммел получил двадцать седьмого ноября телеграмму от Старка о том, что переговоры зашли в тупик и что японцы могут предпринять агрессию в отношении Филиппин или владений Англии и Голландии в южных морях.

— А против Пёрл-Харбора? — спросил Пейдж.

— Нападение на базу тихоокеанского флота совсем не предусматривалось.

— У нас считалось... — начал Донахью, но Уайт перебил его:

— И больше не было никаких предупреждений?

Шривер невесело усмехнулся:

— Было. Двадцать девятого ноября генерал Маршалл прислал нам для сведения разведывательную сводку Штаба сухопутных войск. В ней говорилось, что в течение ближайших месяцев Япония нападет на Россию.

— Гениальная сводка, — процедил сквозь зубы

Пейдж. — За одну эту сводку надо Маршалла, Джероу, Майлса и прочих генералов отдать под суд.

— Значит, никаких предупреждений насчет возможности нападения на Пёрл-Харбор не было? — продолжал допытываться Уайт.

— Были еще два. — Шривер кивнул в сторону Донахью. — Вы, наверное, знаете.

— Знаю, — сказал Донахью. — Как только мы перехватили «магию» о том, что в час дня японцы предъявят нам ультиматум и что из Токио предложили уничтожить шифровальную машинку, генерал Маршалл приказал командующему Гавайским военным округом генерал-майору Шорту принять меры предосторожности. Адмирал Старк, тот вообще не считал нужным предупредить адмирала Киммела...

— Шифровка Маршалла пришла сюда вполне своевременно, — сказал Шривер. — Спустя шесть часов после налета японцев...

— Сволочи! — крикнул тонким голосом Пейдж. — Четыре тысячи убитых и раненых и погибший флот на их совести! Их надо...

— Только без истерики, — остановил его Донахью. — Надо разобраться как следует.

— Да, надо разобраться как следует, — сказал Уайт. — Виновата в первую очередь верхушка нашего армейского и флотского командования.

— Какие-то идиоты вбили себе в голову, что малая глубина Пёрл-Харбора исключает возможность торпедных атак, — сказал Шривер. — Но японцы доказали обратное. Наши линкоры пострадали больше всего от торпед.

— Одни идиоты успокаивали себя, — подхватил Пейдж, — а другие идиоты повторяли это.

— Слушайте вы, Пейдж! — вспыхнул Донахью. Уайт крикнул:

— Молчи, Уолт! Шривер и Пейдж правы, абсолютно правы! Наши начальники проявили стратегическое недомыслие..,

— Политическую и стратегическую слепоту! — крикнул Пейдж.

— Правильно! — сказал Уайт. — Материалов у нас было больше чем достаточно. Подумать только! Ведь мы изо дня в день читали архисекретные японские телеграммы, из которых было видно, что Япония готовится к нападению на нас. Даже самый беспросветный кретин мог понять, что готовится атака, и именно на базу тихоокеанского флота.

— А этого Старк и компания не понимали, — сказал Шривер. — У них был затуманен рассудок. И у вас тоже, Донахью. Не отмахивайтесь. А рассудок у наших шефов был затуманен потому, что они страстно хотели нападения Японии на некую страну. И эта страсть ослепляла их.

Донахью усмехнулся.

— А я распинался перед начальством за вас, Шривер, доказывал, что у вас стопроцентный американский образ мыслей. И добился того, что вас назначили сюда. Но с такими убеждениями, как у вас, неудобно быть в контрразведке.

Шривер отвесил поклон.

— Могу вас успокоить. Я уже подал рапорт, чтобы меня послали на театр военных действий. Сидеть здесь и с храбрым видом допрашивать японских парикмахеров и прачек я не намерен.

Матрос-шофер круто затормозил машину. На дороге стояли офицеры и солдаты в шлемах. Шривер предъявил служебное удостоверение, а Донахью, Уайт и Пейдж — специальные пропуска на Гавайи, выданные им в Вашингтоне. Машина поехала дальше.

Уайт сказал:

— Наши шефы сами сбили себя с толку — ждали другого ветра.

— Но ведь были же сигналы, черт возьми! — крикнул Донахью. — Четвертого и пятого, два дня подряд. Бесспорные сигналы.

— Мы не знаем, в чем дело, — сказал Пейдж. — Надо будет разобраться в этом. Или мы перепутали, или японцы перепутали, или они подсунули нам дезу*.

* Деза — дезинформация.

— Чушь, — возразил Донахью. — Тогда надо признать, что вся «магия» была дезой.

Шривер мотнул головой.

— Нет, «магия», конечно, не была дезой. Такой вывод абсурден.

— В общем неизвестно, в чем дело, — сказал Уайт. — Но ясно одно: наши стратеги смотрели в другую сторону и подставили Пёрл-Харбор под удар. И все это получилось потому, что они, так же как Трумэн, Тафт, Най и другие, ненавидят Россию и готовы терпеть нацистов.

— Это верно, — подтвердил Шривер. — Они напрягали зрение, чтобы разглядеть во мраке ночи очертания японских бомбардировщиков и авианосцев, подкрадывающихся к Владивостоку, и старались не думать о том, что японцы могут подкрасться в другом направлении...

— Ключ вопроса заключается в отношении к нацистам, — сказал Пейдж. — Наши шефы считают, что гитлеровский рейх им ближе, чем красная Россия.

Донахью пожал плечами.

— Ну и в компанию я попал! Не флотские офицеры, а свихнувшиеся комнатные демагоги с Гриниджвиллидж.

— Не мы свихнулись, а такие, как вы, — отпарировал Шривер. — Мы рассуждаем как нормальные, честные люди, для которых борьба с коричневой чумой — священная обязанность.

— Фюрер и дуче через несколько дней объявят нам войну, это неизбежно. Короче говоря, — Пейдж взмахнул рукой, — я сегодня же подам рапорт. Буду проситься в азиатский флот.

— Я тоже, — сказал Уайт. — «Магия» кончилась. Теперь надо воевать. Поедем на Гуам или Филиппины.

Он наклонился к Шриверу и тихо спросил:

— Что-нибудь выяснили насчет Хаями Марико?

Шривер ответил шепотом:

— Я разговаривал с ее мамашей. Оказывается, за Марико приходил какой-то японец, кажется, студент.

И больше она не возвращалась. Откровенно говоря, боюсь за нее. Не расправился ли с ней Акино.

Уайт схватил Шривера за руку.

— Надо скорей взять Акино!

— Ищем его. Вчера днем взяли генконсула Кита и его помощников. Они говорят, что не знают, кто такой Акино. Не понимаю Уолша. Он поверил этой истории с корейцем-аптекарем и решил, что действительно раскрыл советскую шпионскую организацию. И думал только об этом. Не замечал, что у него под носом орудуют настоящие шпионы. Спасибо Макколла, мы получили от него копию «магии» от третьего декабря — копию телеграммы здешнего генконсула об условных сигналах для подлодок.

— Условные сигналы насчет состояния гавани? — спросил Пейдж.

— Да. Я сразу же установил наблюдение за домами и яхтами в Раникай и Калама и обнаружил подозрительного немца — члена нацистской партии Кюна. При аресте у него нашли кодированные записки, и он признался во всем. И дочка его — хозяйка косметического салона — тоже японский агент. У Эф-Би-Ай, оказывается, уже давно имелись сведения о Кюне, но на него смотрели сквозь пальцы. Гувера интересуют не нацистские шпионы, а другие...

— Он тоже порядочная... — Пейдж не договорил.

Из домика у развилки дорог показались люди в штатском и приказали остановиться. Это были сотрудники Эф-Би-Ай и полицейские. Они проверяли очень тщательно — даже обыскали машину. Заявление Шривера о том, что он исполняет обязанности начальника флотской контрразведки на острове Оаху, не произвело никакого впечатления на подчиненных Гувера. Зато записочка с подписью Эдварда Тама, заместителя начальника Эф-Би-Ай, которую предъявил Донахью, возымела действие. Ему немедленно дали машину, и он умчался в город, сказав Уайту, что остановится в отеле «Сарфрайдер».

Полицейский инспектор позвонил куда-то и сообщил номер удостоверения Шривера и его приметы. Спустя полчаса прибыл уполномоченный отдела Эф-

Би-Ай в Гонолулу — коренастый брюнет с хриплым голосом; от него разило виски. Он представился: специальный агент Федерального бюро расследований на Оаху Сидней Баллигант.

Подойдя к Шриверу, он сказал:

— Мы как раз ищем вас, капитан. К вам в школу привезли Кита и прочих. И Кюна с дочкой. — Он сипло захохотал. — Надо всех заставить сделать ха-ракири.

— А Акино? — спросил Уайт.

Баллигант покосился на Уайта и буркнул:

— Не все сразу. Еще не поймали.

— А Хаями Марико, студентку?

— Нет.

Шривер скомандовал:

— Поехали!

Все сели в маленький грузовик и направились в город. Пейдж сказал:

— Донахью, наверное, будет допрашивать здешних начальников. Чтобы свалить на них всю вину.

— Расследование надо начать в Вашингтоне, — сказал Уайт. — И первыми надо допросить Маршалла и Старка. У них было достаточно времени, чтобы предупредить местное командование.

Шривер вытащил из заднего кармана брюк заму-соленную записную книжечку.

— Нападение японцев вовсе не было неожиданным. Мы могли в значительной степени смягчить бедствие, если бы приняли нужные меры. У меня тут кое-что записано.

4

Шривер стал пояснять свои записи.

Первый факт.

Седьмого декабря около четырех утра — за четыре часа до нападения — тральщик «Кондор» обнаружил в двух милях от Пёрл-Харбора японскую подлодку. Началась охота, в ней приняли участие эсминец «Уорд» и патрульный бомбардировщик. В 6.53 командир эсминца известил о потоплении японской под-

лодки дежурного по району. Тот доложил об этом оперативному дежурному штаба флота. Но почему-то адмирал Киммел узнал о потоплении японской подлодки только за несколько минут до начала воздушной атаки.

Второй факт.

Седьмого декабря в 6.50 с авианосца «Энтерпрайз», находившегося в двухстах милях от Пёрл-Харбора, было замечено большое соединение самолетов, летевших в сторону Гавайев. Командир авианосца контр-адмирал Гонзалес не считал нужным проверить, что это за самолеты. Потому что Гонзалес — близкий друг Ингерсола и Тернера, — вероятно, знал от них о сигнале в виде сводки погоды и ждал нападения японцев, но только не на Америку. Он никак не мог допустить, что эти самолеты — японские. Пошли Гонзалес свои самолеты на перехват японских, и утро седьмого декабря в Пёрл-Харборе было бы совсем иным.

Третий факт. Самый вопиющий.

Накануне японского налета штаб противовоздушной обороны распорядился, чтобы все радарные установки к 7.00 прекратили работу, так как наблюдение за воздушной обстановкой в это воскресенье было поручено радарному пункту около аэродрома Моклеове.

Радиометристы были точны. Ровно в семь, и не минутой позже, они выключили свои станции, собрали планшеты, заперли в сейфы бумаги и отправились на воскресный отдых.

Кроме установки возле аэродрома Моклеове, работать продолжал лишь один пункт — радар на горе Опана, самой северной точке острова Оаху. Здесь специалист третьего класса Джозеф Локкард обучал работе на станции рядового Джорджа Эллиота.

Они уже собирались выключить радар и последовать примеру товарищей, когда в 7.02 Эллиот заметил на экране движущиеся точки. Их было очень много, и они быстро приближались с северо-востока. Более опытный Локкард тут же заменил стажера и сам сел за радар. Эллиот перешел к планшету.

Они посовещались немного, после чего телефони-
ровали в информационный центр в форт Шафтер. На
вызовы по боевой линии никто не отвечал — приш-
лось переключиться на общий телефон.

Трубку снял капрал Макдональд. Зевая на каждом
слове, он спросил, какого дьявола им надо, обозвал
их болванами и посоветовал не портить утренний сон
начальству в день отдыха.

Локкард и Эллиот не выпускали из поля зрения
таинственные цели. Это могли быть только самолеты.
Они находились уже примерно в 130 милях от Оаху и
летели со скоростью 150 миль. Забыв о завтраке, ра-
диометристы с ужасом наблюдали за экраном.

В 7.15 Эллиот схватил телефонную трубку и сно-
ва позвонил в информационный центр. После дол-
гих препирательств Макдональд, наконец, смилости-
вился:

— Ладно, соединяю с дежурным. Только потом на
себя пеняйте, болваны вы эдакие!

Эллиоту ответил лейтенант Кермит Тайлер, толь-
ко что принявший дежурство. Спокойно выслушав
Эллиота, сказал: «О'кэй!» — и положил трубку. Пе-
ред дежурством Тайлер от кого-то слышал, что из Ка-
лифорнии должны прилететь бомбардировщики
Б-17, направляющиеся на Филиппины, и самолеты с
авианосца «Энтерпрайз», идущего к Гавайям.

Это произошло в 7.29.

Эллиот и Локкард следили за самолетами до тех
пор, пока они не приблизились на 22 мили к Пёрл-
Харбору. После этого вместо изображений на экране
замелькали какие-то полосы, пунктиры и пятна —
цель исчезла.

В течение целого часа радар Локкарда и Эллио-
та показывал японские самолеты, летевшие на Пёрл-
Харбор. Но никаких мер не было принято, абсолютно
никаких.

— Надо всех судить, — сказал Пейдж, — и ва-
шингтонских и местных командиров. За преступную
беспечность.

— И вынести беспощадный приговор, — сказал
Шривер, запихивая записную книжку в карман.

Во дворе школы сидели на скамейках и прямо на земле арестованные японцы. Среди них были дети, подростки и старухи. Всюду чемоданы, узлы, ящики — имущество, которое им разрешили взять с собой.

В углу двора соорудили отхожее место для арестованных — бамбуковые шесты с прибитыми к перекладине соломенными циновками. Оттуда шла нестерпимая вонь.

Возле большой бочки с водой посередине двора лежали вповалку на одеялах молоденькие девицы в одинаковых серых платьях.

— Телефонистки, — сказал Шривер. — У нас в Гонолулу большинство телефонисток японки; они знают и английский и восточные языки. Многие из них уроженки Гавайев, никогда не были в Японии, американские подданные со дня рождения. Я сомневаюсь, что эти юные создания — шпионки и диверсантки, но местное Эф-Би-Ай уверено в том, что они состояли в «пятой колонне». У сотрудников Эф-Би-Ай так много работы сейчас, что им пришлось передать часть девочек мне.

— Надо заниматься настоящими врагами, — сказал Пейдж, — а не этими соплячками. Отпустите их домой.

Шривер развел руками.

— Из Вашингтона приказали интернировать всех японцев поголовно. Их родителей тоже схватили и отвезли в лагерь. Надо сделать так: для проформы допросить девочек, снять с них обвинение и перевести на положение обычных интернированных.

У входа в школу Шривера встретил лейтенант морской пехоты и бойко доложил:

— Чинов консульства поместили в классах на втором этаже, а Кита — в физическом кабинете. Он требует, чтобы ему дали японские консервы и чай. Грозится объявить голодовку.

— Дайте ему все, что он просит, кроме цианистого калия. Пусть лопают осьминогов и морских ежей

сколько влезет. Мне надо установить с ним перед допросом хорошие отношения.

— А мне давайте Кюнов — папу и дочку, — сказал Пейдж. — Я им выложу свое мнение о Гитлере и Геббельсе.

— Прощу вас, сперва займитесь девочками. — Шривер улыбнулся. — Допросите их всех вместе, пусть отвечают хором, нараспев, составьте подобие протокола, накормите сосисками и мармеладом, и мы отправим их в парк Моаналуа. Там лагерь для интернированных. Оттуда через справочное бюро они разыщут своих мамаш.

Уайт вызвался допросить Локкарда и Эллиота и записать их показания.

— Ладно, но сперва займитесь поисками Акино и студентки. — Шривер подозвал сержанта морской пехоты. — Зигмунд, поедете со старшим лейтенантом Уайтом, выполняйте его приказания, как мои. Проверьте личное оружие.

— А как мы будем искать Акино? — спросил Уайт. — С чего начать?

— Сержант Зигмунд Астемборский в курсе дела. Садитесь в машину, побывайте во всех местах, где собраны японцы, и проверьте списки. — Шривер положил руку Уайту на плечо. — Я искал Марику во всех списках и не нашел. А мы ведь взяли под стражу почти всех японцев. Очень боюсь за ее судьбу. Надо быть готовым к худшему.

Красивый сероглазый сержант сказал:

— В первую очередь поедем в японский клуб на Нууану-авеню, потом в ресторан «Кантьоро». Там находятся те, кого взяли сейчас же после налета. Начнем с них. А потом заедем в аптеку Ан Гван Су, может быть, он что-нибудь знает.

6

В японском клубе и ресторане «Кантьоро» Акино и Марики не оказалось. Заехали и в аптеку на Маунакеа-стрит. Выяснилось, что корейца — владельца аптеки — арестовали три дня назад и что Хаями

Марико в последнее время совсем не показывалась. Весь день Уайт и сержант Астемборский ездили по всем пунктам, где были собраны японцы, и проверяли списки.

К вечеру они вернулись в школу. Во дворе еще сидели японцы, женщин и детей уже не было — Пейдж успел рассортировать большую часть задержанных. Уайт прошел в учительскую на третьем этаже и нашел там Шривера. Он брился.

— Ну как? — спросил Шривер и, не дожидаясь ответа, добавил: — Сейчас поехали за Акино.

— Нашли его? — вскрикнул Уайт.

— Я припугнул Кита, и он сказал, где прячется Акино.

— А где Марико? — с трудом выговорил Уайт.

— Узнаем от Акино. Идите подкрепиться, может быть, придется провести еще одну бессонную ночь. Между прочим, я проверил по всем линиям и выяснил, что Марико никакого отношения к секретной работе ни у нас, ни у японцев не имела. Но Уолш почему-то считал ее японским агентом, а Кита и Акино — нашим.

Уайт пошел в подвальный этаж, где была устроена столовая, выпил две чашки густого черного кофе и сейчас же вернулся наверх. Он спросил у Шривера:

— Как вы ухитрились откупорить Кита?

— Я предъявил ему копии его шпионских телеграмм о состоянии гавани и сказал, что общественное мнение Америки крайне возбуждено предательским нападением на Пёрл-Харбор и гибелью многих тысяч мирных жителей в результате взрыва складов с боеприпасами...

— А сколько погибло?

— Насчет взрыва складов и гибели жителей я симпровизировал. Я сказал еще, что американцы требуют предельно сурового наказания тем, кто, прикрываясь дипломатической неприкосновенностью, проводил шпионскую работу и обеспечил успех бандитского нападения. Поэтому придется вас, уважаемый генеральный консул, отправить на электрический стул. Это почти неизбежно. Он тогда спросил, почему я употребил слово «почти». Я пояснил: если он ответит

на некоторые наши вопросы и окажет тем самым содействие в выяснении некоторых фактов, то сможет рассчитывать на нашу признательность, которая выразится в том, что мы приложим все старания к тому, чтобы... и так далее. Словом, наша беседа пошла в нужном направлении. Затем мы пообедали вместе, нам привезли обед из китайского ресторана. Потом я опять стал говорить о том, что общественность требует его смерти и какие мнения высказывают конгрессмены. В конце концов к вечернему чаю Кита спустил флаг — стал понемногу выдавливать из себя показания. Сказал, что надо искать Акино. Мы послали людей. Недавно мне позвонили — Акино арестован.

Уайт стал рассказывать о своих безуспешных поисках. Его рассказ был прерван шумом машины, въехавшей во двор, криками и звоном разбитого стекла. Шривер торжественно объявил:

— Акино-сан, собственной персоной!

7

Уайт подскочил к окну. У входа происходила свалка — несколько солдат пытались утихомирить японца. Несмотря на отчаянное сопротивление, его втащили в здание.

Спустя несколько минут японца приволокли в учительскую. Двое солдат крепко держали его за руки, третий — за шиворот. За ними вошел, тяжело ступая, Баллигант. Во рту у него торчала огромная сигара.

— Этот самурай здорово дерется, — прошамкал Баллигант и вынул руку из кармана — она была обвязана платком.

— Вы ранены? — спросил Шривер.

— Чуть не откусил палец. — Баллигант вынул сигару изо рта и облизал ее. — Мы стали обыскивать его в машине...

Уайт пристально вглядывался в арестованного и вдруг громко вскрикнул:

— Вот так встреча! Старый знакомый!

— То есть как? — удивился Шривер.

— Это не Акино, а капитан-лейтенант Идэ. Мы с ним ехали однажды...

— В Японии? — спросил Шривер.

— Нет, на пароходе. Помните тридцать девятую каюту, капитан-лейтенант Идэ?

Идэ вытянул шею и пристально посмотрел на Уайта. Тот продолжал:

— С вами еще ехал капитан-лейтенант Терано. И вы везли сокровище в чемодане...

Идэ вздрогнул и скрипнул зубами. Уайт понизил голос до шепота:

— Вы клали ниточку около чемодана... и наклеивали бумажку. Она была в нижнем ящике ночного столика.

Идэ дернулся и громко застонал сквозь стиснутые зубы. По его щекам покатились слезы.

— Держите крепче, — сказал Баллигант солдатам и, вытащив из кармана клочок бумажки, протянул ее Шриверу. — При обыске нашли у него. Не хотел отдавать — орал, будто его режут...

Издав отчаянный вопль, Идэ лягнул изо всех сил стоящего сзади солдата, выдернул правую руку и бросился на Шривера. Тот отшатнулся и, повалив стул, упал на пол. Идэ подмял его, выхватил бумажку и запихнул в рот, но Уайт успел вырвать половину листочка. Баллигант и солдаты навалились на Идэ и оттащили его в сторону. Японец вдруг перестал сопротивляться, весь обмяк, будто из него выпустили воздух. Его подняли, держа за руки и ворот пиджака, и бросили на стул. Баллигант размахнулся и ударил Идэ по щеке.

— Не смейте! — крикнул Шривер. — Отойдите в сторону.

Уайт передал Шриверу клочок. На нем были написаны пятизначные цифры и три буквы — QQQ.

— По-видимому, очень важный документ, — сказал Шривер. — Жалко, что половина пропала. Скажите, Идэ, что тут написано?

Идэ пошевелил губами, сплюнул кровавую слюну и произнес, не разжимая зубов:

— Такие вопросы японским офицерам задают только идиоты.

— Не скажете?

— Нет.

— Будете отвечать на вопросы?

— Прикажите, чтобы освободили руки. Я офицер, а не бандит.

— Не будете буйствовать?

— Нет. Обещаю.

Шривер приказал Баллиганту и солдатам отойти на шаг от Идэ.

— Где Хаями Марико? — спросил Шривер.

— Наверное, мертва, — спокойно ответил Идэ.

— Вы убили ее?

— Я поручил это японцу Абэ.

— Где он?

— Не знаю. Он должен был отвезти ее на Вайанаэ и потом закопать в чаще.

— Зверь! Убийца! — крикнул Уайт и замахнулся, но Шривер схватил его за руку.

Идэ не шевельнулся. Сидел с закрытыми глазами.

— Я сейчас спрошу у Кита, — сказал Шривер. — Он, наверное, знал, что Идэ собирается убить Марико.

— А он скажет? — спросил Уайт.

— Скажет. — Шривер повернулся к Баллиганту: — Уведите его в комнату напротив. Не спускайте с него глаз. На вашу ответственность. — Он кивнул солдатам: — А вы встаньте в коридоре перед дверью.

— Не убежит, — буркнул Баллигант. — А если побежит, пристрелю.

Он увел Идэ из комнаты. Тот двигался, как кукла, не сгибая ног.

— Я поговорю с Кита, — сказал Шривер, — постараюсь еще что-нибудь узнать. Потом вы с Зигмундом снова поедете искать.

Он вышел в соседнюю комнату. Уайт стал ходить из угла в угол. Где-то включили радио — играли на гавайской гитаре. Громко запел мужчина. Затем стали передавать последние известия. Вдруг за дверью

послышались громкий топот, грохот опрокидываемых стульев, крики, хлопанье дверей. Уайт подбежал к окну — во дворе никого не было, стояли пустые машины и грузовики.

Дверь распахнулась, на пороге показался Баллигант. Он держал руку, обвязанную платком, у лба. Из соседней комнаты выбежал Шривер. Баллигант махнул рукой и прохрипел:

— Выбросился... на скалу...

Шривер схватился за голову.

— Жив?

Баллигант покачал головой и что-то пробормотал. Шривер оттолкнул его и выскочил из комнаты. Баллигант бросил взгляд на Уайта, потом на дверь, ведущую в комнату, где находился Кита, и вышел в коридор.

Шривер вскоре вернулся и бессильно опустился на стул.

Идэ выбросился из окна, стукнулся головой о выступ скалы, скатился по каменистому склону к берегу и умер, не приходя в сознание. Непонятно, как он мог так быстро подбежать к окну, перед которым были нагромождены столики и табуреты, вскочить на подоконник, поднять тростниковый полог и открыть окно.

— А где Баллигант? — спросил Уайт.

— Я приказал найти его и привести сюда. — Шривер пошарил в кармане и вытащил клочок бумажки. — Надо будет расшифровать эти цифры. И эти три буквы в конце.

— Может быть, насчет Марико?

— Нет, наверное, о более секретных вещах. Поезжайте немедленно в сторону Вайанаэ, там бамбуковые заросли. С вами поедут сержант Астемборский и три солдата морской пехоты. Постарайтесь разыскать убийцу.

— Надо найти Марико! — Уайт побежал вниз.

В машине его ждал сержант Астемборский. В другой машине сидели солдаты с автоматами и лопатами.

— Дуй прямо к старым казармам третьей роты! — приказал шоферу Астемборский. — Потом поверни налево после лужайки, помнишь, где весной сенатора укусила обезьяна. Только не свались в темноту куда-нибудь. — Посмотрев на Уайта, он энергично тряхнул головой. — Найдем обязательно, старший лейтенант, все будет хорошо. Богоматерь поможет, вот увидите.

Он щелкнул пальцем по кобуре и стал подробно рассказывать об одном из своих предков — Збигневе Астемборском, который прибыл в Америку вместе с Костюшко и сражался в войсках Вашингтона. У Збигнева тоже украли невесту, но он догнал разбойников, спас девушку и женился на ней.

Свое повествование, немного смахивавшее на сюжет ковбойского фильма, сержант закончил фразой:

— И вашу невесту тоже найдем и всех бандитов, — он ударил кулаком по кольту, — перебьем, как фазанов. Вот увидите.

Проехав мимо виллы бывшей киноактрисы, машина свернула на нижнюю дорогу и спустя минут двадцать оказалась в японском поселке.

Сержант и солдаты выскочили из машин и побежали, освещая дорогу электрическими фонариками. Большинство домиков лишилось хозяев — японцев уже увезли, — всюду валялись обломки мебели, старые чемоданы, осколки посуды. В поселке остались только корейцы, служившие у японцев. Их подняли с постели и стали расспрашивать. Один из них вспомнил, что позаванной ночью в лесу около анамной плантации стреляли.

Уайт решил проехать на плантацию. Она находилась близко. Пришлось разбудить хозяина плантации, толстого китайца, и его служащих. Все они заявили в один голос, что никаких выстрелов не слышали и никаких подозрительных людей не видели.

— Давайте поищем в бамбуковом лесу за плантацией, — предложил сержант.

Уайт упавшим голосом ответил:

— Боюсь, Идэ сказал правду... Ее закопали где-нибудь.

Сержант махнул рукой.

— Она жива и ждет вас!

Уайт взял у сержанта записку с номерами телефонов и позвонил из конторы плантации Шриверу. Тот сообщил: Кита знает лишь то, что Идэ в последние дни следил за Марико. Что же касается записки, найденной у Идэ, то расшифровать ее здесь некому — придется послать в Вашингтон.

Уайт вышел из конторы на поляну, сел на камень и обхватил голову руками. Сержант взял у китайцев большие бумажные фонари и факелы и пошел с солдатами в лес. Спустя часа полтора они вернулись ни с чем.

— Есть еще бамбуковая роща за обсерваторией, — сказал бодрым голосом сержант. — Там надо непременно посмотреть. Скоро начнет светать. Поехали туда.

— Может быть, проверим вон тот старый колодец, — предложил один из солдат, показав в сторону высоких кокосовых пальм. — Могли бросить туда.

Сержант поспешно прервал его:

— Она жива! Садитесь в машины. Хорошенько обыщем чашу.

Уайт молча влез в машину. Когда проезжали мимо казарм около зенитной батареи, сержант сказал Уайту:

— Это казармы моего батальона. Разрешите забежать на минутку.

Уайт с безучастным видом кивнул. Сержант побежал к воротам и скрылся за бамбуковым забором. Со стороны моря слышалось гудение самолетов. Они быстро приближались. Солдаты соскочили с машин и стали у обочины дороги. Уайт, не меняя позы, сидел в машине. Самолеты с воем пролетели над казармами и исчезли за горой.

Услышав, что его зовут, Уайт поднял голову. У машины стоял сержант.

— Узнал... Вчера вечером... — задыхаясь, проговорил сержант, — офицер из контрольно-наблюдатель-

ного... На днях поймали... молодого японца, сидит под стражей у них... у него нашли веревку...

Уайт крикнул:

— Скорей туда!

9

Контрольно-наблюдательный пункт «М» находился в пятнадцати минутах езды, Уайт и сержант прыгнули с машины и побежали к бунгалу, возле которого стоял матрос-часовой. В комнате дежурного сидел негр-капрал. Он сказал Уайту, что шпион содержится в палатке около столовой. Уайт спросил, где начальник. Капрал ответил, что командир пункта лейтенант Мэлиган, разумеется, спит, потому что сейчас четверть четвертого ночи. Уайт позвонил лейтенанту, Пришлось звонить дважды. Наконец он услышал в трубке сонный голос:

— Что там?

Уайт назвал себя, объяснил, в чем дело, и попросил разрешения поговорить с задержанным.

— Пожалуйста, — сказал, зевая, лейтенант. — Я бы давно сдал его куда надо, да нам сейчас не до него. Мы еще не допрашивали как следует... Он дурака валяет, и девица тоже.

— Девица?

— Да, она выгораживает его, болтает всякую ерунду — будто бы они заблудились. Она его сообщница.

Уайт покачал головой.

— Значит, это не то, что я ищу...

— Может быть, возьмете их? Отдам даром.

— Нет, я должен ехать искать дальше. Простите за беспокойство.

Уайт передал трубку дежурному и пошел к выходу. Сержант потянул его за рукав и шепнул:

— Все-таки взглянем на него, поговорим. Может быть, он видел кого-нибудь?

Капрал встал, взял с полки большой электрический фонарик и широко улыбнулся:

— Возьмите этого шпиона, на кой он нам дьявол

нужен. Приходится охранять его, кормить — возня с ним.

— Ну-ка покажи, — сказал сержант. — Понравится — заберем.

Капрал вышел из бунгало, Уайт и сержант последовали за ним. Палатка находилась рядом с гаражом. Ее охраняли два солдата. Капрал вошел в палатку и осветил фонариком японца, совсем молодого, с синяком под глазом, в изодранной рубашке.

— А шпионка в той половине, — капрал осветил полог, деливший палатку на две части.

Сержант откинул полог. Луч фонарика пополз по походной кровати, на которой лежала, накрывшись дождевиком, женщина. На земле валялась соломенная сумочка.

— Встать! — гаркнул капрал и ударил ногой по кровати.

Женщина повернулась, скинула с себя дождевик и поднялась, прикрывая глаза рукой от света фонарика.

— Встать! — снова крикнул капрал. — Живо!

Женщина встала с кровати и пошатнулась, не отнимая руки от глаз.

Направив на нее луч, капрал скомандовал:

— Открыть морду! Живо!

Она опустила руку. Глаза были закрыты. Уайт ахнул и дрожащим голосом произнес:

— Марико-сан, это я, Ник...

Она тихо вскрикнула, сделала шаг вперед, упала прямо на руки Уайту и заплакала, уткнувшись лицом в его рукав. Уайт повернул голову в сторону сержанта. Тот поднял кулак с отставленным большим пальцем, подмигнул и выскользнул из палатки.

— Уберите фонарь, — строгим голосом сказал Уайт капралу. — Это моя родственница, а не шпионка. А того арестованного я тоже возьму и сдам в контрразведку.

10

Уайт и Марико прошли в учительскую к Шриверу. Тот встал из-за стола и подошел к ним, протянув вперед руки:

— Итак, счастливый конец! Поздравляю!

Марико поклонилась по-японски.

— Простите, столько хлопот из-за меня... Большое спасибо.

Шривер оглядел ее с нескрываемым восхищением, потом перевел взгляд на Уайта.

— Теперь ясно, почему вы так усердно искали. Я бы на вашем месте тоже...

Уайт перебил:

— Как дела у Пейджа?

— Допрашивает Кюна! Тот признался во всем.

— А Донахью?

Шривер рассмеялся.

— Увы, у него горькое разочарование. Он ведь приехал снимать пенки с сенсационного дела о советской шпионской сети на Гавайях. А все оказалось мыльным пузырем. Он выклянчил у меня зашифрованную записку, взятую у Идэ, и улетел в Вашингтон. Не возвращаться же с пустыми руками.

— А что с Кита?

— В общем закончил свою исповедь. Под конец, собака, признался, что был в курсе всего... Знал, что Абэ должен был убить Марико-сан.

— Меня? — Марико удивленно вскинула брови и повернулась к Уайту. — Не может быть... Я давно знаю Абэ, он такой смирный...

Она рассказала, как все произошло. Абэ пришел к ней поздно вечером и со слезами на глазах сообщил, что его сестра, с которой она училась в школе, пыталась повеситься. Ее вынули из петли и отвезли в больницу. Она хочет увидеть Марико и что-то сказать ей. Очевидно, объяснить, почему она хотела покончить с собой.

Абэ и Марико поехали на попутной машине, слезли около полигона и стали искать дорогу через бамбуковый лес, чтобы пройти поскорее в больницу, но сбились с пути и, наткнувшись на проволочные заграждения, повернули обратно, решив пойти по старому шоссе мимо военной радиостанции. Вскоре их нагнали солдаты, набросились на Абэ и потащили обоих в штаб батальона, а потом бросили в палатку.

— Благодарите Кита и генерал-майора Шорта, — сказал, улыбаясь, Шривер. — Это они спасли вас.

Он рассказал, что незадолго до нападения на Пёрл-Харбор Кита пустил через своих агентов слух о готовящемся нападении японской «пятой колонны» на аэродромы, военные склады и радиостанции. Слух облетел Гонолулу, Пёрл-сити и другие населенные пункты, и генерал-майор Шорт приказал частям, расквартированным на островах, принять чрезвычайные меры предосторожности и задерживать всех мало-мальски подозрительных японцев в случае появления их около военных объектов.

— Вот почему вас и схватили, — сказал Шривер. — Если б не Кита и Шорт, этот Абэ завел бы вас в лес и спокойноенько прикончил.

Марико чуть заметно вздрогнула и закусил губу. Уайт взял ее руку и вздохнул.

— Наверное, Кита не все сказал, — заметил он. — Надо его еще потрясти.

— Возможно, что у него еще кое-что осталось, — согласился Шривер. — Но главное он уже сказал. Я дал ему бутылку бренди — гонорар за ценные показания.

— Действительно ценные?

— Могу рассказать вам обоим. Марико-сан тоже будет интересно послушать, речь идет и о ней. Но сперва идите вниз и подкрепитесь.

— Закажем кофе и омлет с крабами, — предложил Уайт. — Вы, наверно, голодны. И возьмем еще пирог, потом шоколад...

Марико покосилась на Уайта и сказала с улыбкой:

— Сперва интересный рассказ, потом омлет с крабами.

11

Шривер рассказал следующее.

Работник 3-го отдела морского генерального штаба Японии капитан-лейтенант Идэ прибыл в Гонолулу из Мексики под фамилией Акино с заданием создать на Гавайских островах специальную агентуру для проведения диверсий в нужный момент.

Идэ связался с Кита — руководителем агентурной сети, основной задачей которой было непрерывное наблюдение за Пёрл-Харбором.

Кита дал Идэ сведения о Марико и уступил своего агента — шофера Абэ. С помощью последнего Идэ познакомился с Марико, имея в виду использовать ее в своей работе.

Кита, встречаясь с Абэ, получил от него сведения о работе Идэ. В то же время он был и в курсе мероприятий местного отдела Эф-Би-Ай — поддерживал тайную деловую связь с начальником японского сектора гонолулского отдела Эф-Би-Ай Баллигантом.

Чтобы обеспечить успех в работе своей агентуры, Кита решил пустить Эф-Би-Ай по ложному следу. Ничего не сказав Баллиганту, он подбросил ему анонимку, навлекшую подозрения на старика корейца, владельца аптеки.

Расчет Кита оправдался полностью. Эф-Би-Ай клюнуло на приманку, потому что Гувер и его подчиненные только и мечтали о раскрытии «резидентуры красной разведки».

В ответ на донесение гонолульского отдела Вашингтон приказал не спускать глаз с корейца-аптекаря.

Когда начинаешь подозревать кого-нибудь в чем-нибудь и страстно желаешь, чтобы твои подозрения подтвердились, активно начинает работать «творческое воображение», не нуждающееся в фактических данных: оно само создает факты — «творит» их.

Материальным результатом «творческого воображения» работников Эф-Би-Ай явилось пухлое досье, где концентрировались все бумаги, касающиеся «филиала Гепеу» в Гонолулу.

Затем Кита подбросил тому же Баллиганту анонимку относительно человека, которому какая-то женщина, якобы имеющая отношение к советским дипломатам, передала задание провести диверсии на Гаваях и явиться на конспиративную квартиру в Гонолулу — в аптеку корейца. Эта анонимка вызвала фурор в Вашингтоне.

Направляя подозрение Баллиганта на аптекаря, Кита рассчитывал на следующее: во-первых, наблюдая за аптекой, Баллигант узнает, что туда приходит за лекарствами Марико; во-вторых, начав наблюдение за Марико, он установит, что она встречается с Акино, то есть с Идэ, и в-третьих, Баллигант начнет следить за Акино-Идэ.

Кита вовсе не имел в виду проваливать работу Идэ. Поэтому он приказал Баллиганту все, что тот будет узнавать об Идэ, докладывать не своему начальству, а ему — Кита. Таким образом он хотел контролировать деятельность Идэ через Баллиганта.

Все шло хорошо до того дня, когда вдруг выяснилось, что назревает катастрофа и что источником беды, как это бывает часто, является женщина, в данном случае студентка Хаями Марико.

Баллигант узнал от начальника пёрл-харборской контрразведки Уолша о том, что тот решил использо-

вать Марико для агентурной работы и что Акино-Идэ взял на мушку. Баллигант немедленно известил обо всем Кита, тот предупредил Идэ — и шоферу Абэ было приказано завести студентку в лес, задушить и закопать. Первую часть задания — выманить жертву из дому — Абэ выполнил успешно, умело изобразив горе. Но по причинам, не зависящим от него, ему не удалось довести дело до конца.

12

В середине рассказа Шривера в комнату бесшумно вошел Пейдж. Прижав руку к сердцу, он молча поклонился Уайту и Марико и сел у дверей. Как только Шривер кончил говорить, Пейдж погрозил пальцем Марико:

— В следующий раз, когда за вами придет молодой человек, вы будете более осторожны.

Марико покраснела и, посмотрев на Уайта, сказала:

— Из этой истории я сделала вывод: не верить мужским слезам.

— Все-таки, Энди, не совсем понятно... — Уайт покрутил головой. — Вы говорите, что Кита все рассчитал и предусмотрел, но ведь, направив внимание Баллиганта на аптеку корейца, он должен был знать, что Марико неминуемо попадет в поле зрения Эф-Би-Ай и что наблюдение за ней наведет Баллиганта на Идэ. А Кита не имел в виду проваливать Идэ и поэтому запретил Баллиганту докладывать своему начальству о нем. Но начальство Баллиганта могло узнать о встречах Идэ с Марико из других источников, и тогда вся комбинация с анонимками могла обернуться против самого Кита. И вообще она очень запутанная и рискованная... слишком много накручено.

— Это верно, — согласился Шривер. — Но разведывательные комбинации часто бывают запутанными и, как правило, связаны с риском. Риск ведь присущ любому более или менее серьезному делу. Жизнь без риска — это шампанское без пены.

— А как с Баллигантом? — поинтересовался Пейдж.

— Ищут. — Шривер почесал голову. — Я допустил ошибку... При нем сказал Нику, что пойду и спрошу у Кита. Баллигант сразу смекнул, что Кита стал давать показания и может выдать его. А что, если и Идэ знает о нем? И Баллигант решил не мешать Идэ — позволил ему вскочить на подоконник, открыть окно и выброситься. И после этого сам исчез. Я думаю, он удрал на служебном самолете в Вашингтон.

— В Вашингтон? — удивился Уайт.

— Да. Он на очень хорошем счету у руководства Эф-Би-Ай. Постарается доказать начальству, что установил связь с Кита для проведения комбинации и еще не успел доложить об этом. Его, наверное, просят — такие «опытные» работники нужны Гуверу.

— Почему Идэ покончил с собой? — спросил Пейдж. — Ведь он же не дал никаких показаний. Совесть его была чиста.

— Это я виноват, — сказал Уайт. — Не надо было этого делать... Из моих слов он понял, что мы стянули у них тогда машинку «девяносто семь». Самурайская честь не могла примириться с этим.

— И вдобавок сегодня взяли у него зашифрованную записку, — сказал Шривер. — Он обязан был уничтожить ее, а не таскать с собой, как носовой платок. Он не мог простить себе этого.

— Итак, все выяснилось, все тайны получили разгадку. — Уайт повернулся к Марико. — И даже ваша...

— Какая? — спросил Пейдж.

Марико рассмеялась.

— Почему я пошла ночью с молодым человеком.

Шривер поднял руку.

— Не торопитесь, леди и джентльмены, не все тайны разгаданы. При прощании со мной Донахью сказал, что надо непременно, ценой любых усилий, раскрыть две тайны. Первая: что же написано в зашифрованной записке, найденной у Идэ? Наверное, три буквы «кью» в конце шифровки имеют чрезвычайно важный смысл. И вторая тайна: почему четвертого и пя-

того декабря был подан тот сигнал в виде сводки погоды, а на деле — ударили в другую сторону? Вот две тайны, которые надо непременно разгадать. И он не успокоится, пока...

— Эти две тайны можно будет разгадать только после войны, — сказал Пейдж. — И только после нашей победы.

— Пёрл-Харбор... — тихо произнес Уайт. — Это название станет теперь нарицательным, так же как Ватерлоо, Седан и Цусима. Для меня Пёрл-Харбор отныне будет ассоциироваться с преступной беспечностью.

— А для меня с чудовищным просчетом, — сказал Пейдж.

— Пёрл-Харбор еще раз напомнил всем, — Шривер поднял палец, — что хорошая разведка — половина победы. Японцы действовали наверняка, потому что знали о состоянии гавани ничуть не меньше адмирала Киммела.

После недолгого молчания Пейдж деловито сказал Уайту:

— Ты должен немедленно подать рапорт и добиться разрешения жениться на Марико, иначе ее интернируют. — Он поправил очки и провел рукой по лысине. — Если ты боишься... я согласен.

— Можешь не приносить себя в жертву, — засмеялся Уайт. — Скоро получишь приглашение на свадьбу. Какой коктейль тебе приготовить?

Пейдж ответил тоном знатока:

— «Соленую собаку».

Через год после войны

Уайт был тяжело ранен в самом конце войны — на Окинаве. Его отправили на Гуам, оттуда — на Гавайи. Выходила его Марико — дала ему два литра своей крови.

— В моих жилах теперь течет кровь англосаксонская, японская, корейская и, наверное, еще какая-ни-

будь, — говорил Уайт. — Получился настоящий коктейль.

Он вышел в отставку в чине капитан-лейтенанта и спустя год после окончания войны приехал в Японию. Марико настояла на том, чтобы поселиться недалеко от Токио в маленьком одноэтажном домике европейского типа, рядом со старинным буддийским храмом.

Однажды раздался телефонный звонок. Уайт снял трубку. Сперва он не узнал, кто с ним говорит по телефону. Оказалось, что это контр-адмирал Донахью, только что прибывший в Японию с комиссией по обобщению опыта стратегических бомбардировок. Он должен опросить нескольких японских генералов и адмиралов, имевших отношение к противоздушной обороне. Донахью случайно узнал, что Уайт в Японии, и решил навестить друга.

Донахью приехал через два часа.

— Ай как жалко, — сокрушался Уайт. — Марико на весь день уехала в Токио по моему поручению — делать выписки из старых газет в библиотеке.

Донахью мало изменился — остался таким же изящным, юношески стройным. Правда, в волосах появилась седина, но она очень шла ему. Он обнял Уайта за плечи.

— Я сейчас проезжал около речки, мимо маленькой гостиницы на холме, и вспомнил... Это, кажется, та самая гостиница, где к нам в ванную ввалились дамы. Помнишь?

Уайт кивнул.

— Та самая. Теперь там веселое заведение для наших солдат.

Донахью похлопал Уайта по спине.

— А ты, старина, в этих очках прямо великолепен, похож на маститого ученого. Очень рад за тебя. Мне говорили, что ты будешь преподавать в Гонолулском университете. Стал историком?

— Да, собираю материалы по истории тихоокеанской войны.

Донахью поинтересовался, в каких операциях участвовал Уайт, потом стал рассказывать о себе —

сначала служил в Вашингтоне, потом был назначен в КОССАК — объединенный англо-американский главный штаб в Лондоне, долгое время состоял при Эйзенхауэре, а незадолго до конца войны вернулся в Вашингтон — получил назначение в плановый отдел управления морских операций.

— Мне показывали стенограмму твоей речи на банкете в честь адмирала Ингерсола, — сказал Уайт. — Решительно не согласен с тобой, Уолт. Я считаю выводы объединенной комиссии конгресса правильными. А обвинения, которые выдвигаются теперь против Рузвельта, совершенно абсурдны. И как только язык поворачивается говорить такое!

— Видишь ли, Никки, — мягко заговорил Донахью, наливая виски в бокал с ананасным соком. — Комиссия старалась всячески замять дело, боялась шума. А должна была вести себя иначе. Ведь она была создана не для того, чтобы почтить память павших в Пёрл-Харборе, а для того, чтобы выяснить и сказать Америке всю правду, голую, неприкрытую правду. А она, эта правда, в том, что Пёрл-Харбор — дело рук Рузвельта. Дай договорить, не мешай. Рузвельт знал, что большинство конгресса против того, чтобы Америка влезала в войну вообще. А он хотел во что бы то ни стало выступить на стороне Англии и России — в Европе и на стороне Китая — в Азии. Это он приказал Хэллу идти на обострение отношений с Японией, вести дело к разрыву. Читая ежедневно «магию», Рузвельт знал, что японские военные тоже настроены решительно. Он действовал наверняка — требовал от Японии, по существу, полной капитуляции, отлично зная, что Япония не пойдет на политическое харакири. Он убрал из Пёрл-Харбора авианосцы «Энтерпрайз», «Лексингтон», «Саратогу» и пять тяжелых крейсеров нового типа и как бы пригласил японцев: «Господа, пожалуйста, ударьте по базе тихоокеанского флота, успех обеспечен». И добился того, что Япония нанесла удар по Пёрл-Харбору. Эффект получился именно такой, на какой он рассчитывал. Америка была потрясена и возмущена коварным нападением, конгресс — то-

же. Рузвельт сразу же обеспечил себе всеобщую поддержку и ринулся в войну против Германии и ее союзницы Японии. Без Пёрл-Харбора он не смог бы ничего этого сделать. Это был великолепный ход. Недаром Рузвельт был крупнейшим политиком нашего времени.

— Ты хочешь сказать, что он сознательно подставил под удар наш тихоокеанский флот?! — воскликнул Уайт. — Это же несусветная чепуха!

Донахью сделал маленький глоток из бокала.

— Ты рассуждаешь как профан. Что мы потеряли в то утро? Под японские бомбы и торпеды попали восемь старых линкоров, из них шесть через некоторое время вернулись в строй. Все крейсеры уцелели. Затонули два эсминца и совсем старая га-лоша «Юта», которую можно было бы поднять, но решили не возиться с ней. Вот и все наши потери...

— А четыре с половиной тысячи убитых и раненых? — закричал Уайт и стукнул кулаком по столу. Пепельница упала на пол. — Это ерунда? Выходит, Рузвельт хладнокровно принес их в жертву ради своей политики!

Донахью поднял пепельницу с пола и ответил ровным голосом:

— История требует жертв. Большие политики, такие, как Рузвельт, никогда не были мягкотелыми слизняками. Я воздаю должное Рузвельту. Подсунув японцам Пёрл-Харбор, он выбил почву из-под ног всех наших изоляционистов. Это у него великолепно получилось — удар в стиле короля тенниса Тильдена.

Уайт осторожно погладил ушибленный кулак и усмехнулся.

— Все понятно. Рузвельта надо скомпрометировать посмертно. Оплевать его имя, смешать с грязью. И все потому, что Рузвельт проводил политику сотрудничества с Москвой в борьбе против нацистов. Я помню его слова, могу точно процитировать: «Американский народ рад и гордится тем, что находится в союзе с храбрым народом России». Так заявил он — один из самых выдающихся президентов в истории Америки. И он

смотрел далеко вперед, как подобает великому человеку. Он считал, что без полного искоренения германского милитаризма нельзя будет обезопасить человечество от новой войны. Помнишь его выражение «незавершенный мир»? Под этим он подразумевал сохранение остатков войны. Он неоднократно предупреждал, что надо обезвредить нацистов до конца, не оставлять у них ни одной частицы военной мощи, иначе они опять поднимутся, накопят силы и обязательно снова нападут на миролюбивые народы. Он нам завещал продолжать дружбу с Россией, чтобы не допустить возрождения германского милитаризма. Но тот, кто поселился в Белом доме после Рузвельта, хочет полностью зачеркнуть его политику. Вот почему благословляющие нынешний курс решили опорочить память Рузвельта, а заодно замазать и свалить на него свои непростительные ошибки и просчеты. Вот почему создается гнуснейшая легенда о том, что Рузвельт сознательно и хладнокровно организовал Пёрл-Харбор. Какая невероятная клевета!

Донахью осушил бокал и, откинувшись на спинку кресла, улыбнулся. Но глаза его оставались серьезными.

— Узнаю тебя, Никки. Такой же, каким был и прежде... совсем не повзрослел. Эмоциональный, сентиментальный, сумбурный, наивный. И судя по всему, стремительно катишься влево. Придется поговорить с твоей женой, чтобы удержала тебя. — Донахью похлопал Уайта по руке. — Но наши идейные разногласия не должны отражаться на нашей старой дружбе.

Уайт кивнул головой.

— Хочу надеяться...

— Все-таки смешно, — продолжал с застывшей улыбкой Донахью, — смешно, что ты защищаешь Рузвельта. Уж кому-кому, но не тебе...

— Почему?

— Потому что ты работал по «магии» и великолепно знаешь — Рузвельт ежедневно читал наши сводки и был в курсе того, что японский генконсул в Гонолулу регулярно осведомляет Токио о состоянии гавани. Рузвельт знал, что готовится нападение на Гавайи.

Но он не счел нужным предупредить как следует Киммела и Шорта. Сделал это умышленно.

— Чушь! — крикнул Уайт. — Предупреждение о предстоящем нападении должны были своевременно сделать Маршалл и Старк, стоявшие во главе армии и флота, это входило в их прямые обязанности. А они этого не сделали. Виновны они.

Донахью посмотрел на ручные часы.

— Мне надо ехать... Знаешь к кому? Помнишь Терано, у которого мы тогда... коренастого, с мордой жуира?

— Помню.

— Он работает сейчас в демобилизационном департаменте, разбирает архивы. Передает нам документы бывшего морского генерального штаба. Я поеду к нему выяснять тайны.

Уайт улыбнулся.

— Тайну сигнала о нападении...

— Да, и тайну зашифрованной записки с тремя «кью» в конце. Терано может помочь, если только захочет. — Донахью встал. — Передай привет очаровательной миссис Уайт. Жаль, что так и не повидался с ней. Рад был тебя увидеть, дорогой Ник! Надеюсь, встретимся в Америке.

2

— Так что вот, дорогой мой, — Донахью вынул трубку изо рта и пустил струю дыма в потолок, — вы в моих руках. Могу удавить вас, как котенка, в любую секунду. Извините за грубое сравнение, но это действительно так.

Терано провел тыльной стороной ладони по подбородку и опустил глаза. Спустя несколько минут он поднял голову и посмотрел на Донахью.

— Я умру сегодня вечером... — медленно заговорил он. — Хотя нет, надо закончить опись бумаг по операции у Маршалльских островов. И объяснить все помощнику. Это займет у меня... — он подсчитал на пальцах. — Можно будет умереть в пятницу.

Донахью поднял руку в перчатке.

— Не торопитесь, я не гоню вас. Я ничего не имею против того, чтобы вы жили еще сто лет. Могу дать торжественное обещание: никогда не выдам вас.

Терано пожал плечами.

— Операцию по изъятию вы проводили вдвоем, значит, обо всем знает и ваш помощник. Знают об этом и другие — все причастные к операции, и все, кто читал ваш отчет. Круг посвященных довольно широк.

— Нет. Операция была сверхсекретной. Поэтому отчет о проведении операции я делал устно — никаких документов не осталось. Те, кто помогал нам по технической части во время операции на пароходе, не знали вашего настоящего имени. И в устном докладе адмиралу Старку я тоже не называл вас, и он не спрашивал. Ваше имя известно только мне и моему бывшему помощнику. Но он не скажет, это я гарантирую. О том, что мы читали все японские телеграммы, которые зашифровывались на машинке «девяносто семь», мы через некоторое время объявим на весь мир. Но никто не сможет узнать, где мы взяли машинку. Ведь она была послана не только в Вашингтон.

— Ее послали еще в Лондон, Берлин, Рим и Москву, — пробормотал Терано, — затем в Батавию, Манилу, Сингапур и Гонконг...

— Значит, операцию с машинкой могли провести где угодно. Так что не беспокойтесь, никто не узнает. — Донахью засмеялся. — Можете жить и после пятницы.

Терано встал и поклонился.

— Вы мне возвращаете право на жизнь. Не знаю, как благодарить вас.

— Я делаю это вовсе не потому, что меня очаровали ваши глаза. А вот почему. Мне надо непременно выяснить две тайны, о которых я говорил в самом начале нашей интимной беседы. Повторяю. Первая — тайна записки, которая была переслана капитан-лейтенанту Идэ через офицера, приехавшего в Гонолулу за два дня до начала войны. Вторая — почему получилась такая ерунда с сигналом, поданным в виде сводки погоды четвертого и пятого декабря, то есть перед самым нападением на нас. Ведь сигнал гласил о

другом... Вы должны выяснить это лично для меня. И как можно скорее: я тороплюсь обратно в Америку.

Терано наклонил голову набок.

— Насчет сигнала о нападении выяснить нетрудно. Это можно сделать через бывших чинов первого отдела моргенштаба. Но с первой тайной будет труднее, потому что все, кто был в курсе наших специальных мероприятий на Гавайях, погибли.

— Значит, нить утеряна? Жалко... — Донахью вынул из кармана конверт. — Все эти годы я хранил записку. Никто из наших криптоаналитиков не мог разгадать. Особенно меня интригуют три буквы в конце.

Терано задумался. Он тер шею, мычал, поднимал глаза к потолку. Он мучительно вспоминал и вдруг хлопнул себя по лбу.

— Как это я раньше не догадался? Надо будет разыскать кого-нибудь из «института Усигомэ», специальной криптографической группы при моргенштабе. Они знали все коды. Дайте записку. У вас осталась копия?

Донахью передал Терано конверт.

— Итак, обещаю вам, — Донахью приложил два пальца к сердцу, — никогда не называть вашего имени. Слово американского офицера.

Терано вскочил и низко поклонился. Донахью прищурил глаза и щелкнул пальцами.

— Вот что, на всякий случай. Напишите в виде заявления и подпишите: такой-то, занимавший перед войной и во время войны такие-то посты.

Терано подошел к столу и взял авторучку:

— По-японски?

— Нет, по-английски.

— Кому адресовать?

— Без адресата.

— Что писать?

— Напишите, что вы помните, как покойный Идэ незадолго до начала войны прислал вам секретное письмо из Гонолулу через... назовите чье-нибудь имя. Только настоящее.

Немного подумав, Терано сказал:

— Можно назвать капитана третьего ранга Яна-

гидзава. Он недели за две до начала войны вернулся в Японию из Америки и проезжал через Гонолулу.

— А где он сейчас?

— Погиб на Сайпане.

— Великолепно. Значит, так. Напишите, что Идэ в письме, пересланном вам через этого Янказа... как его... сообщил, что самым активным среди его агентов является местная студентка, японка... Как ее? — Донахью щелкнул пальцами. — Хайами... или Хайамэ Марико...

— Хайами?

— Ну, может быть, я не совсем точно произношу.

— У нас нет фамилии Хайами или Хайамэ. Надо уточнить, а то получится странно — японец путает японскую фамилию.

— А Хаэми есть?

— Тоже нет. Есть Хаяма, Хаямэ и Хаями.

— Что-то в этом роде... А, черт! — Донахью махнул рукой. — Ладно, отложим. Мы еще с вами увидимся. Как только выясните что-нибудь, сейчас же звоните в штаб — старшему адъютанту Макатура, меня разыщут. А себя называйте на всякий случай условно..., Куросиво. Поняли? Итак, жду.

Он приветливо улыбнулся японцу и протянул ему руку в перчатке.

8

Уайт решил прогуляться и закрыл наружную дверь за собой. К крыльцу подкатил черный «бьюик». Рядом с шофером сидел Донахью с огромным букетом.

— Я на минутку, Никки, — сказал он. — Вылет самолета отложили до завтрашнего утра. Я привез орхидеи для твоей жены. Их доставили сегодня на самолете с Филиппин для миссис Макатур. Я обедал у них и выклянчил у нее половину.

Уайт провел Донахью в столовую и поставил цветы в вазу.

— Спасибо, Уолт, Марико будет потрясена. Такие богатые букеты можно видеть только в домах миллиардеров, и то не каждый день...

Уайт предложил гостю вино, но тот попросил кофе.
— Я скоро поеду в Испанию, — сказал Донахью, — и хотел бы оттуда прислать твоей жене медальончик или камею и выгравировать на этой штучке ее имя и фамилию иероглифами.

— Но Марико теперь миссис Уайт, а Уайт пишется фонетическими знаками, а не иероглифами.

— Нет, мне нужна ее японская фамилия, которую она носила в те дни, когда мы встретились на пароходе. Хочу, чтобы мой подарок напомнил ей тот рейс. Ее девичья фамилия была, кажется. Хай...ами?

Уайт написал иероглифы на листочке.

— Нет, Хаями. Пишется двумя иероглифами, первый — «хая», второй — «ми». А Марико — тремя иероглифами.

Донахью подул на листочек, осторожно сложил его и засунул в бумажник.

Уайт поставил перед Донахью чашечку кофе и достал с полки небольшой альбом.

— Забыл тебе показать утром. Мы снялись тогда на память на аэродроме в Сан-Диего перед вылетом в Австралию. Наш квартет...

Донахью стал разглядывать маленькую потемневшую фотографию.

— Это, кажется, Камберленд. Где он?

— Погиб в бою в Коралловом море.

— А Шривер?

— Погиб у Гуадалканала.

Донахью сделал глоток из чашки.

— А где Пейдж? Наш боевой, шумный, лысый Пейдж?

— Командовал эскортным судном, сопровождавшим караван, и погиб около Мурманска.

Донахью с восхищением чмокнул губами.

— Великолепный кофе! Наверное, джава-бленд?

— Нет, простой максуэл.

— Значит, ты умеешь заваривать. Это тонкое искусство. — Донахью сделал несколько глотков. — А мы с тобой, хвала всевышнему, случайно уцелели. Ты один раз был ранен?

— Нет, два.

— Я тоже чуть не погиб. В Лондоне в сорок третьем на улице... как ее... На ней большой букинистический магазин.

— Чаринг-кросс.

— Да, на ней. Меня чуть не раздавил пьяный шофер, еле успел отскочить в сторону, а моя дама...

Зазвонил телефон. Уайт взял трубку и, утвердительно ответив, передал трубку Донахью.

— Кто? — спросил Донахью.

— Это я, Куросиво. Я выполнил ваш приказ — узнал все. Нашел человека, который расшифровал записку, посланную в адрес Идэ из третьего отдела.

— Ну?

— В записке говорится: «Наземных выступлений не предпринимать до тех пор, пока не будет дан сигнал по радио: «Старый пруд, прыгнула в воду лягушка».

— Ну?

— Вот и вся записка.

Донахью фыркнул.

— А почему надо было умирать из-за такой чепуховой бумажки?

— Он не выполнил приказа.

— Какого приказа?

— В конце записки три «кью». Они означают: «По прочтении сжечь». А он этого почему-то не сделал. И поэтому казнил себя.

— Понятно.

— А вторая тайна еще проще. Насчет сводки погоды, которую должны были передать в качестве сигнала нападения.

— Ну?

— Я выяснил совершенно точно. Четвертого и пятого декабря никаких сигналов не подавали.

— Как? Была же...

— Четвертого и пятого передавали по станции Джэй-Ви-Три Даблю сводку погоды относительно северного ветра. Но это был вовсе не сигнал, а простая сводка погоды, которая шла вслед за последними известиями в обычной токийской коротковолновой передаче для заграницы.

— Не может быть... Непонятно... Проверили как следует?

— Проверил с помощью бывшего полковника Мураи из осведомительного отдела ставки, он ведал всеми нашими радиопередачами для заграницы перед войной. Он разыскал в архиве копию сводок погоды, переданных четвертого и пятого. Я переписал текст: «В районе Токио сегодня ветер северный, постепенно...»

— Ладно, понятно.

— Вот эту сводку вы приняли за...

— Понятно. Завтра утром позвоню.

Донахью повесил трубку.

— Еще чашечку? — предложил Уайт.

— Нет. Я еду, меня ждут.

Уайт с улыбкой взглянул на Донахью.

— Не хочешь поделиться со своим старым другом?

— Ах, да... Выяснилось, что записка на имя Идэ была ерундовая, а три буквы в конце означали, что записку надо уничтожить сразу по прочтении. Ну, я поехал, у меня куча дел.

— Постой, — в голосе Уайта звучало удивление. — А как же со второй тайной? Насчет сигнала...

Донахью покачал головой и вздохнул:

— К сожалению, не удалось выяснить. И видимо, никогда не удастся. Все, кто был причастен к подаче такого рода сигналов, погибли во время войны.

— Значит, это навсегда останется нераскрытой тайной?

— Выходит, что так. — Донахью снова вздохнул. — Никки, дорогой, жизнь — это цепь разочарований, заблуждений и тайн. Искренний, от всего сердца, привет твоей жене. Смотри береги ее. Буду бесконечно рад, если цветы понравятся ей. Прощай.

Уайт проводил контр-адмирала до машины и помахал вслед рукой.

Вернувшись в дом, Уайт вскипятил воду на спиртовке и заварил в маленьком чайнике зеленый чай. Он удобно устроился в кресле, медленно выпил чашечку и закрыл глаза. Его разбудил телефонный звонок. Звонила Марико. Она задержалась у Норы, сес-

тры Пейджа, врача стоматологической клиники для членов семей американских военнослужащих, помогала Норе переехать в другой флигель. Все выписки, которые Уайт приказал сделать, закончены. Скоро придет. Уайт сказал, что Донахью еще раз заезжал и оставил для нее сказочно роскошный букет из разноцветных орхидей — выпросил у супруги генерала Макатура.

— Ой, какая прелесть! — воскликнула Марико. — Вот это действительно светский человек! Учись у него. Ты бы никогда не догадался...

— Я не знаком с миссис Макатур.

— А он взял и познакомился и попросил для меня...

— Ему это легче, чем мне. Генерал Макатур — один из совладельцев «Дженерал электрик», а контр-адмирал Донахью теперь зять вице-директора «Интернейшнл никел». Они из одной хунты. Между прочим, ему звонили сюда и разъяснили тайны. Те самые. Вероятно, звонил Терано. Помнишь?

— Правильно разъяснил?

— Судя по репликам Донахью, правильно. Тайну трех «кью». Помнишь?

— Да. А тайну сводки погоды?

Уайт засмеялся.

— Думаю, ему объяснили все. Исчерпывающе. Но он сказал мне, что эту тайну выяснить не удалось — все посвященные в нее убиты. Сообщив это, он передал тебе привет и тихо-тихо смылся.

— Значит, ничего не сказал тебе?

— Ничего. И я промолчал. Ведь мы с экс-полковником Мураи твердо условились никому не говорить о наших разговорах. Поэтому я и не сказал контр-адмиралу, что мне известно все о том, как наши начальники тогда сами себя одурачили.

После паузы Марико сказала:

— Надо было все-таки сказать ему, не называя Мураи, что мы все знаем. Он был так любезен, специально привез мне орхидеи, это такая редкость... а ты скрыл от него...

— Рано или поздно он все узнает. Мы с ним еще

непременно сцепимся. Его и таких, как он надо бить и разоблачать без всякой пощады! В тот раз они довели Америку до Пёрл-Харбора, а сейчас, если не помешать им, могут привести нас к еще большей катастрофе.

— Правильно, Ник! Ты у меня самый умный, самый красивый и самый сильный человек на свете.

— И самый голодный.

— Скоро приеду. Куда поставил орхидеи?

— Выбросил. Они пахли недобрыми замыслами. После маленькой паузы Марико сказала:

— И хорошо сделал. Я нарву полевых цветов и привезу.

MEMORIA

ЛЕВ СЛАВИН

Рука друга

Я помню Романа Кима с начала тридцатых годов. Ким всю жизнь оставался равным самому себе. Его душевную суть составляли энергия, смелость, изящество, точность, сила. Несмотря на все испытания, подчас жестокие, в которые ставила его жизнь, ничто в нем не претерпело изменений, не исказилось. Рука его в шестьдесят лет была так же тверда и сильна, как и в двадцать. Рука друга. На нее можно было опереться, как на скалу. Талант его оставался свежим и сильным. Произведения его не стареют.

Их обычно относят к жанру приключенческих. Здесь скаывается инерция критического мышления, привычка к рубрикам. А ведь читая повести Кима, нетрудно заметить, что все эти тайны и погони, криптограммы и шпионы не самое главное в книгах этого писателя. Может быть, если бы не было в них кое-чего другого, более значительного, именно эти качества держали бы читателя в своей власти. Но и есть в них магнит по-сильнее: мысли, характеры, судьбы.

Писатели и сами не всегда понимают, в чем истинное содержание их силы. Бальзак вполне серьезно утверждал, что тема его поразительного романа нравов «Блеск и нищета куртизанок» — борьба между сыщиком и преступником. Кто назовет «Холодный дом» Диккенса или «Преступление и наказание» Достоевского детективами, как ни силен в них элемент уголовного романа.

Я отнюдь не озабочен тем, на какую жанровую полочку положить произведения Романа Кима. В конце концов отсутствие соответствующей полочки скорее хороший признак. Короче: большинство произведений Кима — и «Тетрадь, найденная в Сунчоне», и «Девушка из Хиросимы», и «По прочтении сжечь», и

«Агент особого назначения» и другие — все это вещи скорее политического, чем приключенческого, жанра. Отражение мировых событий на судьбах рядовых людей — вот истинный пафос «детективов» Кима, гораздо более волнующий, чем интриги разведчиков и контринтриги контрразведчиков, кстати сказать, изложенные пером умелым и увлекательным и которым личный опыт и специальная эрудиция автора сообщают неопровержимую достоверность.

К этому надо добавить, что острые сюжеты в книгах Романа Кима не выдумка беллетриста. Это история. Это подлинный исторический материал о событиях малоизвестных широкому читателю. Иногда этого материала так много, что возникает желание несколько проредить его. Но изящество формы и свойственный Киму тонкий юмор помогают его произведениям сохранять баланс. В ряде характеристик сказывается присущий Киму талант памфлетиста.

При этом как бы ни фантастичен был сюжет, с большой тщательностью изображена бытовая обстановка. Действие ряда произведений Кима происходит в экзотических краях. Образ жизни, нравы, бытовые подробности выписаны с бальзаковской кропотливостью. Познавательное значение этого несомненно. Нередко эти подробности существования доведены до уровня метких психологических характеристик. Вот пример из повести «По прочтении сжечь».

Японские послы вернулись к себе от государственного секретаря США, которому они передали ноту с объявлением войны. Они взволнованы.

«Номура налил чаю себе и Курусу. Оба стали пить с громким прихлебыванием, поспав к черту западный этикет».

Какой точный и емкий образ! Юмористическая деталь работает как трагическая.

Подобно тому как произведения Романа Кима далеко выходят за пределы детективного жанра, так и сам он не уместился весь в пределах литературной работы. Он принадлежал к тому замечательному поколению, которым я восхищаюсь. Он был характерным представителем этих железных большевиков, этих коммунистов в самом высоком, самом подлинном, самом благородном и чистом смысле этого слова.

Встречи с Кимом

Поводом для нашего спора с Романом Николаевичем стало предисловие к одной из его книг. В нем в нескольких строках и довольно примитивно был пересказан сюжет книги — предисловие выглядело явно неудачным. Прочитав его, я сказал Киму, что вообще не люблю предисловий — и таких, как это, и таких, где долго растолковывают смысл книги, выражая этим полное недоверие читателю.

Роман Николаевич согласился, что предисловие написано неудачно, но возразил:

— В наших книжных магазинах всегда очень много книг. Рядовой читатель часто теряется перед этой книжной россыпью. Ему могла бы помочь в выборе книжки литературная критика, но она упорно водит хоровод вокруг десятка-другого имен. Читателю могла бы помочь повседневная реклама книги, но ее у нас почти нет. Могли бы помочь продавцы в книжных магазинах, но не все они любят это делать. ...И тогда читатель берет с прилавка книгу и открывает страницу с предисловием. Как бы оно ни было написано, оно все же скажет читателю что-то о книге, которая его заинтересовала.

Нельзя было не согласиться с Романом Николаевичем. И все же то, что я здесь пишу, не предисловие. И не послесловие. Это просто некоторые воспоминания об авторе этой книги, недавно ушедшем от нас Романа Николаевича Кима.

Даже в том небольшом споре, о котором я рассказал, отчетливо видна главная черта Кима — его умение размышлять о любом факте, рассматривая его со всех сторон и не торопясь с выводами. За любой, даже малозначительной на первый взгляд деталью он умел глазом профессионала увидеть многое.

...В Центральном доме литераторов шло очередное обсуждение проблем приключенческого жанра. Одни говорили, что приключенческие книги нужно писать хорошо, как надлежит писать всякую прозу. Другие, не возражая первым, подолгу и туманно говорили о специфике этого жанра, и чем дольше они ораторствовали, тем яснее становилось, что эта специфика нужна им как какое-то защитное средство. Так, ни о чем не договорившись, мы разошлись.

Домой мы возвращались вместе с Романом Николаевичем, нам было до Смоленской площади по дороге. Молчали. Жалко было вечера.

— А я не могу писать то, что вы называете хорошей художественной прозой, — вдруг сказал Ким. — Мои книги — это честные рассказы о том, что я знаю, — о борьбе разведок. Но как же мне быть? Бросить писать? Или поступить на шестом десятке в Литинститут?

Совет напрашивался сам собой: не ходить на такого рода дискуссии, не мучиться «проблемами», а продолжать писать свои интересные книги.

Некоторое время мы опять шли молча. Потом Ким сказал:

— Для меня в книгах о разведке есть только одна специфика — в них я не могу сказать все, что знаю. А вот кое-кто из пишущей братии может сочинить все, что придет ему в голову, и выдавать эту стряпню за приключения разведчиков.

Разговор зашел о значении достоверных деталей в книгах о разведке. Роман Николаевич привел интересный факт из практики разведчика.

В одной стране, народ которой славится своей опрятностью, с нашим разведчиком был связан местный, очень аккуратный во всем человек. И вдруг этот человек переменился, он перестал следить за свежестью своих воротничков и все чаще стал появляться небритым. Спросить о причинах такой неряшливости разведчик не мог, это было бы бестактностью. Однако ясно одно — причина должна быть очень серьезной. Разведчик немедленно отказался от его услуг. А спустя несколько месяцев он обнаружил фамилию этого человека в сенсационной уголовной хронике. Человек этот покончил с собой, оставив письмо о том, как его с помощью шантажа заставили работать в контрразведке против тех, кому он сочувствовал и кому помогал. И он решил, что ему лучше уйти из жизни...

Никогда я не видел Романа Николаевича «не в форме»... Вот он идет мне навстречу в жаркий, летний московский день. Серый его костюм так отглажен, что кажется, будто он хрустит на сгибах. Узконосые ботинки отражают солнце. Крахмальный воротничок с черной «бабочкой» плотно обхватывает шею. В руках пузатый портфель. На голове — берет. За толстыми стеклами очков — добрые, умные глаза.

А пишущий эти строки в легкой рубашке, в полотняных брюках, в сандалиях.

Поздоровались. Он смотрит на меня, и глаза его смеются.

— Не жарко? — спрашиваю Романа Николаевича.

— Тепло, — совершенно серьезно отвечает Ким. — Но я ходил в Библиотеку имени Ленина и потому должен быть соответственно одет. И вообще должен заметить, что, если выбор одежды целиком подчинить только погоде, однажды мы выйдем на улицу голыми, — он говорил это все так же серьезно, но глаза его смеялись.

— Что вас заставило в такую жару идти в Ленинку?

— Это долго рассказывать. Пока ничего конкретного, — ответил он...

Несколько месяцев спустя в Доме литераторов мы слушали интереснейший доклад Кима о западной приключенческой литературе. Роман Николаевич провел глубокое исследование, пользуясь не вторичным материалом (статьи, рецензии и т. п.), а опираясь на первоисточники — было видно, что он прочитал десятки английских и американских книг и каждую самым тщательным образом проанализировал. И анализ и выводы его были необыкновенно интересными. Это была серьезная исследовательская работа на высоком научном уровне. Сущим безобразием было, что никому из нас не пришло в голову пригласить тогда стенографисток.

После доклада я поинтересовался, где он собирается напечатать свое исследование. Роман Николаевич наклонился ко мне и доверительно сказал:

— Я только делал вид, будто читаю по писаному. Моя работа не записана. У меня хватило времени лишь на то, чтобы прочитывать книги и подумать о них. И то мне пришлось для этого в летнюю жару, при крахмальном воротничке, ходить в Ленинскую библиотеку.

— Так вы еще тогда начали готовить этот доклад? — удивился я.

— Я не из тех докладчиков, которые сначала соглашаются выступить и потом уж начинают готовиться, — ответил Ким. — Я могу сообщить, что готов сделать доклад только тогда, когда буду уверен, что у меня уже есть, что сказать...

После доклада Кима обступили товарищи и наперебой хвалили. Он, как бы протестуя, сказал:

— Спасибо, друзья, спасибо. Но я ваши неумеренные восторги отношу за счет вашей неосведомленности, происходящей, в свою очередь, от незнания иностранных языков. — И добавил

тоном рекламного диктора: — Граждане! Изучайте иностранные языки! Это значительно расширит ваш кругозор!

Сам Роман Николаевич в совершенстве владел несколькими языками...

Спустя некоторое время мы хоронили его жену. Вместе с ней Роман Николаевич прожил долгую, трудную, полную опасностей жизнь. Было видно, что он держится из последних сил.

Тогда он и сам уже был тяжело болен...

Одно время Киму стало лучше. Или он это внушил себе. Он даже собирался поехать в писательский Дом творчества, в Переделкино. Как-то днем он позвонил мне и бодро сказал, что хочет сейчас же заглянуть. Такого с ним никогда не было — его нелегко было позвать в гости. Наверно, он в это время уже боялся одиночества. Даже днем. Мы с женой договорились — ни слова о болезнях. Выглядел он совсем плохо. Его всегда такие живые, умные глаза словно потускнели и как бы ушли в себя.

Обедая, мы разговаривали о весне, о погоде, о скорой его поездке в Переделкино, а потом мы с ним перешли в мою рабочую комнату. Он показал на стол, заваленный бумагами, и сказал тоскливо:

— А я не могу. Башка отказывается работать... Я, конечно, болен, и болен тяжело...

Как и бывает в подобных ситуациях, я стал говорить в утешение какие-то дешевые слова, вроде того, что болезни приходят и уходят, а работа остается. Ким слушал меня рассеянно, но вежливо улыбался. Именно — вежливо. Потом он попросил меня рассказать, о чем будет моя новая книга. Я стал рассказывать, но вскоре он встал, посмотрел на часы, извинился и сказал:

— Я совершенно забыл: ко мне должны привезти какого-то медицинского туза. Побегу...

И когда мы уже прощались в передней, он вдруг сказал:

— Если бы знать, что мои книги люди будут читать еще, ну, хотя бы десяток лет, мне было бы значительно легче... — он улыбнулся, — болеть...

Романа Николаевича Кима уже нет с нами. А вы читаете сейчас его новую книгу. В этом и есть живая память о нем — о хорошем советском писателе и замечательном, мужественном человеке.

Альпийские луга

ВАДИМ САФОНОВ

ПОСЛЕДНИЙ РАССКАЗ РОМАНА КИМА

В мутно-желтом, со слабо-лиловым оттенком небе отражалась земля: земля рябых песков.

Они тронуты ветром. Торчали жесткие кустики.

Вдали белела гряда острых холмов.

Солнце еще не взошло. Но сухим зноем прокалены земля и небо. Все было как жаровня — с подом и верхом.

Налево, может быть, в двух-трех километрах, накинаны и вколочены в песок мутно-желтые кубики с воткнутыми отточенными карандашиками минаретов.

В высоте, на размахе металлической конструкции аэровокзала, надпись: «Jedda».

Джидда! Рядом — Мекка...

Вокзал-громадина, с гулками пролетами ферм, голизной беленых и стальных поверхностей, — густо рассыпанные на дне люди поглощены его пустынностью.

Торжественно и картинно закутанные фигуры; плещут широкие, пустые, ложные рукава. Рослые красавцы с апостольскими ликами, в мантиях и облачениях, поверх головного белого покрывала черный матерчатый венчик.

Араб, сидя на скамье, ведет степенный разговор и палочкой с расплюшкой на конце все время чистит зубы. Поглядеть на него — никуда не торопится; так и сидит и чистит с тех самых пор, как пророк Магомет бежал в Медину!

Но что знает о течении веков маленькая девочка? Она карабкается к отцу на колени, завладевает его свободной рукой. Крохотной ручонкой цепляется за жесткую смоляную бороду. И смеется. Рядом женщина, мать. Наверно, она тоже смеется под закрывающей ее глухой завесой. А дочка теперь тянется губами к свободному местечку около материнского уха и радостно визжит и танцует на отцовском колене. Нет, ничего ей не известно о том, что между женщиной и миром должна стать на страже завеса, по велению пророка Магомета, которому некогда пришлось бежать из Мекки в Медину!

А свет прибывал, как вода, промывшая запруду. Или как

в кинозалах включают люстры: так на глазах возрастала матовая освещенность неба.

Под стальные своды ворвался нечеловечески ухающий голос радиуропора. Вскрывают траурные, чернозакрытые женщины. Одежды путаются и развеваются в дверях. Толпа кинулась — не к верблюжьему каравану, не к повозкам, полным пестрого тряпья, и не к вороным коням, — нет, апостолы, пасторы стад, патриархи, жены вождей, паломники ко гробу и к черному камню рванулись и сбились в проходе, торопясь взлететь на небо: объявлена посадка.

А маленький японец остался стоять. Стоит и оживленно разговаривает. Улыбается, исчезает. Вот их уже двое. Будто из-под земли вырастают третий, четвертый. Похожи как братья. Стройные, худенькие юноши, которые кажутся еще моложе своих лет. Они обступили моего спутника, Романа Николаевича Кима, пораженные, обрадованные тем, что он, внезапно появившись тут, куда они закинуты за тысячи и тысячи миль от своей родины, говорит с ними на их родном языке, по-японски. Болтают наперебой. Восторженно жмут руки всем нам. Увы, нам — всем остальным — приходится обмениваться с ними лишь улыбками.

Молодые японские инженеры. Здесь, на суше, нефть искали американцы. Под Красным морем, на дне, бурили японцы. Щупальца монополий, переплетенные в давке и безжалостной борьбе!

А молодым людям просто тоскливо, смертельно тоскливо. Они одни, заброшенная группка. Никого, только друг с другом. Суровы нравы мусульманской Джидды. Чужаки — непрерывное ощущение кусочков пробки, выталкиваемых водой.

И жмут руки, улыбаются, кланяются, болтают — жаль, как жаль, что не успеть позвать всех, пока еще не отлетел наш самолет...

Мы летели в Асмару, Эритрея, через Саудовскую Аравию

Прошли годы, но и сейчас стоит у меня перед глазами невероятная картина — такая, что только может присниться.

И словно в центре ее — этот наш спутник, единственный, кто не видел в ней ничего невероятного, но принимал, как нечто чуть ли не обыденное. Как один из тех будней, когда надо, как всегда поутру, безукоризненно одеться, без всяких скидок на экзотическую бессонную ночь над Красным морем, — крахмальный воротничок, галстук, — готовясь к тому, что готовит день.

Мне трудно даже сказать, что поразило больше: немислимый пейзаж Джидды на рассвете или тот, кого я знал давно, а тут вдруг точно увидел в первый раз...

Когда человек уходит, прямой долг спутников, свидетелей, товарищей не дать забвению засосать неповторимую ценность его жизни, закрепить оставленный им след — и тем оспорить смерть. Но как часто мы расточительно пренебрегаем этим долгом!

Жизнь его была необычайна; когда она будет рассказана, она покажется удивительнее любого романа.

Он был кореец по национальности, человек тончайшей культуры, обширных и неожиданных знаний, не академически-громоздких, а, если позволено так сказать, всегда живых, легких, составляющих как бы вторую натуру его. Литература во всех современных оттенках ее. Классика — наша, западная и та, что для большинства за семью печатями — японская, китайская. Философия, включая нынешние акробатические извороты мысли. Разумеется, Восток — с бытом, нравами, хитросплетениями политики, историей, традициями, религией, суеверными приметами, — мало кто мог тут сравниться с ним! И вместе с этим — вот он, редкостный знаток, увлекательный рассказчик о самом «западном западе» — об Америке, в реальной плоти ее сегодняшнего дня!

Кимоно и веер — укладываясь спать, но особенное европейски-тщательное изящество днем — это стало бы изыском, будь здесь хоть тень кокетства.

Человек поражающего мужества и хладнокровия. Друг и товарищ. Такой скромности, что инстинктивно отшатывался от любого шума, который мог возникнуть вокруг него.

Он начал писать; первый его шаг приветствовал Горький.

Книги его общеизвестны, переведены на много языков. Сжатый, ограненный до алмазного блеска стиль. Детективный жанр превращен в высокую прозу. Вероятно, это лучшие детективы, написанные по-русски.

Но сам он был значительнее всех своих книг.

Далеко не молод. Но слово «старик» вовсе не шло к нему. Никаких старческих признаков — одышки, медлительности («тяжел на подъем»), жирка на животе, ошибок памяти. Гибкая, спортивная, чуть суховатая фигура, быстрая, легкая походка.

Он казался из тех, над кем годы пролетают, не задевая, — долгожитель, живое подтверждение выкладок статистиков с их оптимистическими кривыми удлинения жизни.

Внезапная смерть жены-друга внешне не отразилась на нем. Ни трагической маски, ни скорбного голоса — спокойно, ничего не упуская, он выполнял сложные, хлопотливые, ужасные обязанности, какие падают на близкого человека. Когда с выражением сочувствия являлись люди с очень далекого Востока, на лице даже мелькала улыбка, так положено: твое горе — это твое личное горе, какое у тебя право омрачать им других!

Как взвесить тяжесть, какую человек таит в себе? Измерить разрушительную работу ее? Очень скоро, почти сразу обнаружили первые признаки страшной болезни — что точного мы знаем о причинах ее?

Через это последнее испытание можно тоже пройти по-разному. Можно потерять себя. Дать смять. А можно...

Я не видел больного мужественнее Романа Кима. Это было то, выпавшее ему, с чем надо было справиться на совесть — как и со всем, что выпадало в жизни.

Ни стоны, ни жалобы. Вообще ни слова о беспощадно-мучительном, уносившем его силы. Он не утратил ни одного из главных интересов своей жизни, ни чувства юмора. Когда он вставал, то это был прежний изысканно-элегантный Ким. Но чаще и чаще приходилось оставаться в постели. Он лежал в своей тесной квартирке (на Садовой, у Зубовской, окна во двор), полной диковинных предметов и книг, точных и совершенных принадлежностей для поездок, обихода, письменного стола (век техники! А рядышком древние-предревные, внушающие мне почтительное удивление и чувство собственной беспомощности палочки для еды).

Он лежал и шутил. И страстно обсуждал вести из тревожных далей планеты, принесенные газетным листом. И мы нетерпеливо ждали, чтобы экран телевизора перенес нас в Люблян, на хоккейный чемпионат. И не успевал я оглянуться, как уже оказывался втянут в остроумный, горячий, парадоксальный разговор о том, без чего он не мог жить, — о литературе!

Рождались замыслы — он делился ими.

Я узнал о сюжете рассказа, который уже сложился, — сестра и записать, — последнего, так и не написанного рассказа Кима.

Несколько раз он возвращался к нему, видимо, эта исто-

рия, с причудливым сплавом лирики, поэзии и бесчеловечного цинизма, очень занимала его.

...Дорогой аристократический пансионат высоко в Альпах. Не сезон. Пусто. В одиночестве проводит свои дни молодой, красивый человек. Кто он? Какое дело персоналу? Богат. Один из директоров крупной фирмы. Или главный инженер. Конструктор-изобретатель... Взял «тайм-аут», чтобы, кстати, без помех поработать. Почта его обильна, пухлые конверты оклеены иностранными марками. Размеренная, однообразная жизнь, прогулки по альпийским лугам.

Среди редких новоприезжих появляется совсем юная девушка с хрупкой и нежной прелестью. Случилось то, что не могло не случиться: вспыхнула любовь, как огонь охватывает солому, молниеносная, с первого взгляда, Ромео и Джульетта на необитаемом острове.

Время понеслось вскачь; они не могли говорить ни о чем, кроме того, что наполняло их, ходили рука в руку. Цвел эдельвейс. Телеграмма грубо оборвала и без того быстролетный отмеренный срок. Тяжело больна мать. Или умирает бабушка. В ночь накануне ее отъезда оба не сомкнули глаз. Душила тоска. Границы государств, разность национальностей, бездна между общественным положением его и ее разделят их; к тому же он женат. Это конец. Встреча, счастье — случайный подарок.

На другой день его звонок по телефону:

— Все в порядке. Подсылали, разумеется, — раскусил сразу: не вытянула из меня ни вот столечко! Но что за девушка! Диво!

И то, что он говорил дальше, было «Песнью песней» Соломона.

А она звонила снизу, из долины:

— Сомнения... какие, что вы? Все выполнила. Пересняла. Да, все. Пленка, микрофото со мной. Зачем, зачем же вызывать, срывать меня раньше, чем уговорились?

И она зарыдала...

Не смешная — горькая история. Горечь, которую Ким носил в себе. Искалеченные души людей-марионеток, безумный, безумный, безумный мир, пятнающий прекрасную землю...

Содержание

РОМАН НИКОЛАЕВИЧ КИМ (биографическая справка)	2
--	---

РАССКАЗЫ

Дело об убийстве великого сыщика	5
Особо секретное задание	43
Проверка ангелов	68
Доктор Мурхэд и пациентка	81
Тайна ультиматума	93
Японский пейзаж	109

ПОВЕСТЬ

По прочтении сжечь	119
------------------------------	-----

MEMORIA

Лев Славин — Рука друга	309
Василий Ардаматский — Встречи с Кимом .	311
Вадим Сафонов — Альпийские луга	315

Ким Роман Николаевич

ТАЙНА УЛЬТИМАТУМА. Повести и рассказы.
М., «Молодая гвардия», 1969.
320 с., с илл. Р2

Редактор *А. Строев*
Оформление художников *Л. Смехова,*
В. Терещенко
Художественный редактор *Г. Позин*
Технический редактор *А. Захарова*

Сдано в набор 8/XII 1968 г. Подписано к печати 13/III 1969 г. А04754. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага № 2. Печ. л. 10 (усл. 16,8). Уч.-изд. л. 15,6. Тираж 100 000 экз. Заказ 2321. Цена 62 коп., Т. П. 1969 г., № 219.

Типография изд-ва ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Москва, А-30, Сушевская, 21.

62 коп.

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

